Михаил Беломлинский

Мне повезло: я всю жизнь рисую!

Воспоминания

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В первой части книги Беломлинский вспоминает своих соратников по питерской юности Иосифа Бродского и Сергея Довлатова, рассказывает о своей дружбе с Евгением Евстигнеевым, описывает встречи с Евгением Леоновым, Людмилой Гурченко, Михаилом Казаковым, Сергеем Юрским, Владимиром Высоцким, Беллой Ахмадуиной, Марселем Марсо, Робертом Дениро, Ивом Монтаном, Харви Ван Клиберном… Во второй части книги он рассказывает забавные «полиграфические истории», связанные с его работой в Росии и Америке.

- Мне повезло: я всю жизнь рисую!
  - ○
  - ○ РАБОЧАЯ КАРТОЧКА
  - ○ ЧАСТЬ 1: ПОРТРЕТЫ
    - ■ все фотографии — из архива семьи беломлинских
    - ■ все рисунки — михаил беломлинский
    - ■ Содержание
      - ■
    - ■ ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОЕДЕМ К ХУДОЖНИКУ В МАСТЕРСКУЮ!
    - ■ ВАЛЕНТИНА ПОЛУХИНА: ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ БЕЛОМЛИНСКИМ, ПРИ УЧАСТИИ ВИКТОРИИ БЕЛОМЛИНСКОЙ
    - ■ БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ БУКСИРЕ
    - ■ ОБЛОЖКА К ДОВЛАТОВУ
    - ■ ЕВГЕНИЙ ЕВСТИГНЕЕВ
    - ■ РИСУЮ ЮРСКОГО
    - ■ ПАМЯТИ МИХАИЛА КОЗАКОВА
    - ■ ПРО ЛЮДМИЛУ ГУРЧЕНКО
    - ■ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ
    - ■ ОДИН ДЕНЬ С РЯЗАНОВЫМ
    - ■ ОПЕРАЦИЯ «ТОСТ» И ДРУГИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШУРИКА
    - ■ РЕЖИССЕР СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ
    - ■ ВЛАДИМИР ГАЛЬБА
    - ■ УЧИТЕЛЬ СМЕХА
    - ■ ХУДОЖНИК ВИКТОР ЧИЖИКОВ
    - ■ ЗАДУМЧИВЫЙ ГОЛОС МОНТАНА
    - ■ КОГДА КАЧАЮТСЯ ФОНАРИКИ НОЧНЫЕ…

- МАРСЕЛЬ МАРСО
- ПРО БЕЛЛУ АХМАДУЛИНУ
- БАХЧАНЯН
- ВСТРЕЧА С ВАН КЛИБЕРНОМ
- АФТОГРАФ ДЛЯ ДЕ НИРО
- УЖИН С МАРЛЕН

○ ЧАСТЬ 2: ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ
- содержание
- БОЕВОЙ КАРАНДАШ
- НАХОДЧИВЫЙ ГАГА
- ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЗВОРОТ
- ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ
- КРЫСА
- ЕВРЕЙСКИЙ КРОКОДИЛ
- ЖИЗНЬ И СКАЗКИ УОЛТА ДИСНЕЯ
- ГЕРОИЧЕСКАЯ АЗБУКА
- ЛЕОНОВ ИГРАЕТ ХОББИТА
- САМОЗВАНЦЫ

○ ЧАСТЬ 3: РАЗНЫЕ ИСТОРИИ
- Содержание
- В СЕТЯХ ШПИОНАЖА, ИЛИ МОЙ ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В АМЕРИКЕ
- ЕГО ЗВАЛИ РОБЕРТ
- КОРОЛЬ
- ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕМИНАР
- ШЕРБУРГСКИЕ ЗОНТИКИ
- ДИЗАЙН
- «ЧУДО ПРИРОДЫ — ПОДВОДНЫЕ РОДЫ»
- ПАМЯТНИК ПУШКИНУ
- КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ
- ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ИВАН ИВАНОВИЧА
  -
  - Взятка
  - Одноногий еврей
  - Эхо
  - Убить человека
  - Арест
  - ОруДИЯ разврата
  - Голоса
  - Все еще впереди
  - Ангел
- У ФАЙБУСОВИЧЕЙ В БЕЙСМЕНТЕ
- ГАЛЯ

○ ЧАСТЬ 4: О СЕБЕ

- Содержание
- МНЕ УЖАСНО ПОВЕЗЛО: Я ВСЮ ЖИЗНЬ РИСУЮ
  -
  - Интервью Владимира Нузова для журнала «Вестник» 28 мая 2003 г.
- О СЕБЕ К 70-ЛЕТИЮ
- ПРО ВОЙНУ И ПОСЛЕ…
- ДНЕВНИКИ
  -
  - ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ
  - ВИКТОР ГОЛЯВКИИН
  - ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ
  - ВАЛЕРИЙ ПОПОВ
  - ЛЕВ ЛОСЕВ
  - Давид Яковлевич Дар
  - КОСТЯ КУЗЬМИНСКИЙ
  - ВЫСТАВКА

Мне повезло: я всю жизнь рисую! Воспоминания

Михаил Беломлинский

Составитель Юлия Михайловна Беломлинская
Дизайнер обложки Юлия Михайловна Беломлинская

© Михаил Беломлинский, 2019
© Юлия Михайловна Беломлинская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-5914-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАБОЧАЯ КАРТОЧКА
Предисловие Юлии Беломлинской

«…Мне ужасно повезло — я всю жизнь рисую».
Так называлось интервью, данное моим отцом нью-йоркскому журналисту…

Мой отец действительно рисовал всегда.

Он родился в Ленинграде в 1934-м году. В раннем детстве начал рисовать мелом на тротуаре. В эвакуации — без конца рисовал войну, но не только танки-самолеты, но еще и портреты маршалов и генералов. Взрослые заметили, как он здорово рисует. А когда вернулись в Ленинград — бабушкина сестра пошла работать на кукольную фабрику, и там ей рассказали, что в городе есть Средняя Художественная школа — принимают туда

с 12-и лет, надо сдать экзамен, но если поступит — дают рабочую карточку. Кругом была послевоенная голодуха, и тетя, услышав про карточку, самолично отвела моего папу на экзамен. Папа сдал его на «отлично». И это решило его дальнейшую судьбу. После школы он поступил в Академию художеств, на графический факультет. Еще студентом начал работать для пионерского журнала «Костер», и в творческом объединении плакатистов «Боевой карандаш», и по окончании Академии был принят в Союз художников.

Сколько я себя помню, папа был завален заказами. Он всегда говорил, что редакторши любят его за умение острить и за импозантность. Его на самом деле любили — но не только за это. А еще и за обязательность и умение рисовать живые и веселые книжки.

Своими учителями в книжной графике папа считает Владимира Лебедева, и двоих художников, ставших жертвами сталинщины: Константина Ротова и Бронислава Малаховского. Ротов — выжил, а Малаховский трагически погиб. Папе довелось готовить к переизданию первую книгу Малаховского после реабилитации. Любимые папины художники-классики детской книжной иллюстрации — Владимир Конашевич, Алексей Пахомов и Юрий Васнецов… Из иностранных он очень ценит Гюстава Доре, а также создателя «Макса и Морица» — Вильгельма Буша.

В 1971-м году папа стал главным художником журнала «Костёр». И проработал там около 10—и лет. От «Костра» он много ездил по Советскому Союзу. Был на Камчатке, на Командорских островах, на Чукотке. К своей работе в «Костре» он относился очень ответственно. И так же как, когда-то, его предшественник Юрий Мезерницкий — дал работу двум студентам — Михаилу Беломлинскому и Георгию Ковенчуку, папа давал работу многим молодым ленинградским графикам…

Наиболее известной папиной работой являются иллюстрации к советскому изданию сказки Джона Роналда Руэла Толкина «Хоббит» в переводе Н. Рахмановой (1976), «в роли» Хоббита он нарисовал Евгения Леонова. И потом подарил ему эту книгу. Леонов очень порадовался. Папа иллюстрировал «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, «Говорящий свёрток» Даррела, «Дон Кихот» и «Новеллы» Сервантеса. В журнале «Костер», он нарисовал рисунки к повести Василия Аксенова «Мой дедушка — памятник», к повести Юрия Коваля «Два похищенных монаха», оформил книжку Эдуарда Успенского «Каникулы в Простоквашино», иллюстрировал стихи Даниила Хармса и Глеба Горбовского… Помимо иллюстраций к детским

книжкам он рисовал шаржи и портреты. Он замечательный портретист.

В 1989 году мы всей семьей уехали в Америку. Папины друзья сразу привели его в главную русскоязычную газету Нью-Йорка «Новое Русское Слово» и там он моментально получил работу. В редакции все его очень любили. Он проработал там 12 лет — до самой пенсии.

Также в Америке папа оформлял взрослые книги. Много работал для издательства «Эрмитаж». Но однажды раздался звонок — звонили из российского издательства, насчет переиздания «Хоббита» — спрашивали, как заключить с папой договор и куда перевести гонорар. Вот тогда мы удивились. И обрадовались. Не столько деньгам — сколько тому, что российская жизнь начала входить в нормальные берега.

Обнаружив это, я вернулась назад в Россию. Помню первый свой приезд — после 11-и лет отсутствия, я прилетела в Москву и ночным плацкартным Москва — Липецк, уехала в Питер. Всю ночь мы проговорили с попутчицей — воспитательницей детского сада, и она рассказывала, что хороших детских книжек больше не делают, «все какое-то мыльное» и они, воспитательницы — берегут старые советские книжки, в том числе и папины, бережно хранят, подклеивают, обертывают обложки в целлофан… Слушать об этом было грустно… Но постепенно дела стали налаживаться, и кораблик русской детской книги пошел нормальным ходом в нужную строну.

В 2003 году издательство «Азбука», которым руководил Алексей Гордин, заказало папе папе огромную работу — оформление серии детских книг Лемони Сникета «33 несчастья» — там было 13 книжек и папа делал их 4 года. Я в эти годы уже жила в Санкт-Петербурге и постепенно меня начали находить издатели. И посыпалась волна переизданий. В советские годы папа работал со многими издательствами: «Детгиз», «Малыш», «Детская литература»… В новые времена в его жизни появились новые имена: «АСТ», «Рипол», «Речь», «Азбука» … Но и старые издательства-друзья его не забывают.

Сейчас папу переиздают много. Я привожу ему эти книжки, и он им радуется. Папа рисовал до тех пор, пока мог держать в руках карандаш. Он написал замечательную книгу воспоминаний «Полиграфические истории» — очень смешную и конечно же, со множеством иллюстраций. Я надеюсь, что в ближайшее время эта книга найдет своего издателя, и порадует русскоязычных читателей. Я привезу книгу папе в Америку и вместе мы будем сидеть и рассматривать картинки. И я скажу ему:

— Папа, ты настоящий классик!

Я-то знаю что классик — это всегда не только талант, но и колоссальное трудолюбие. Такая вот рабочая карточка, которую под конец выдает сам Господь…

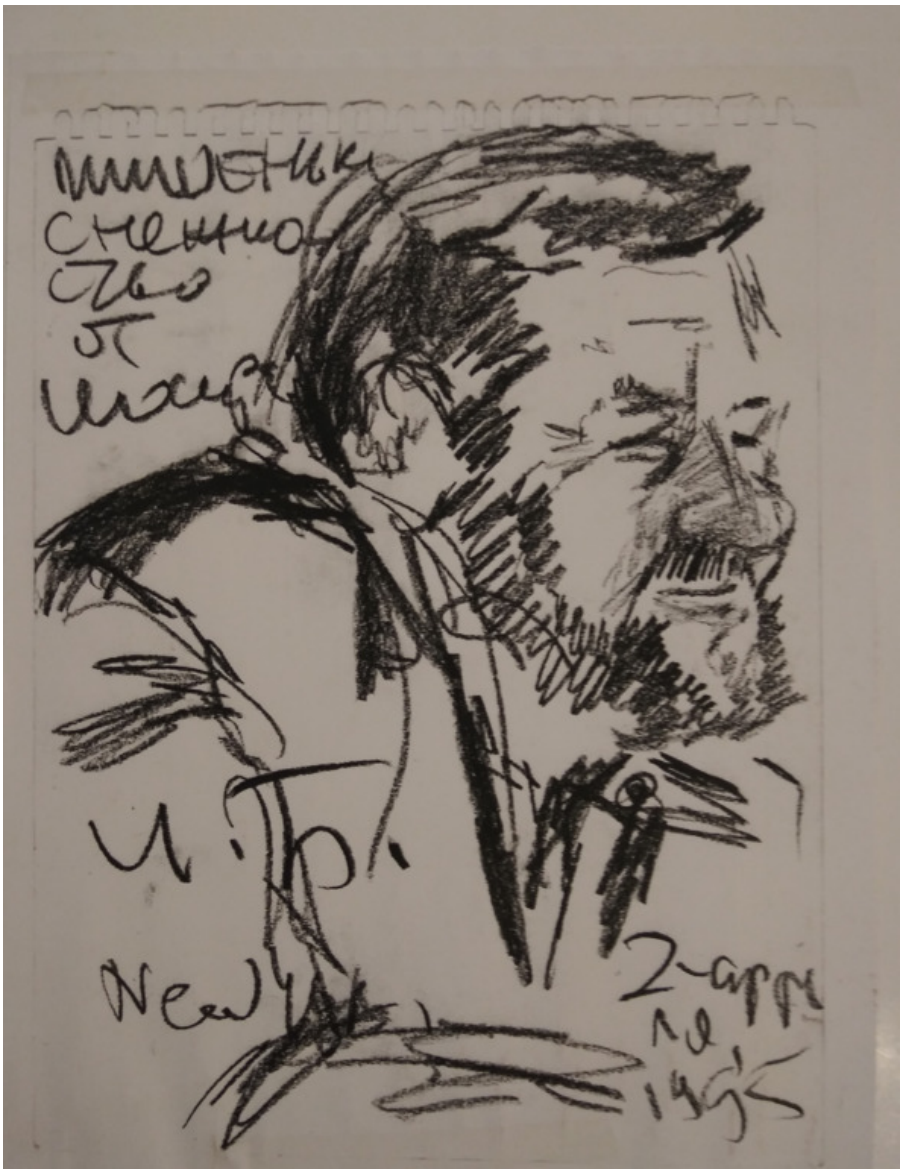
Моему папе он эту Рабочую Карточку точно выдал.

Юлия Беломлинская. Санкт Петербург 2018

ЧАСТЬ 1: ПОРТРЕТЫ

все фотографии — из архива семьи беломлинских

все рисунки — михаил беломлинский



Иосиф Бродский. Портрет Михаила Беломлинского 1995 Нью-Йорк

Содержание

— ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОЕДЕМ К ХУДОЖНИКУ В МАСТЕРСКУЮ!
— ВАЛЕНТИНА ПОЛУХИНА: ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ БЕЛОМЛИНСКИМ, ПРИ УЧАСТИИ ВИКТОРИИ БЕЛОМЛИНСКОЙ.
— БУКСИР
— ОБЛОЖКА К ДОВЛАТОВУ

— ЕВСТИГНЕЕВ
— РИСУЮ ЮРСКОГО

— ПАМЯТИ МИХАИЛА КОЗАКОВА
— ПРО ЛЮДМИЛУ ГУРЧЕНКО
— ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ — ПАМЯТИ КИРИЛА ЛАВРОВА

— ОПЕРАЦИЯ «ТОСТ» И ДРУГИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШУРИКА

— РЕЖИССЕР СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

— ВЛАДИМИР ГАЛЬБА — «БЛИЦ-КРИК И ФРИЦ-ВОЙ»
— УЧИТЕЛЬ СМЕХА

— ХУДОЖНИК ВИКТОР ЧИЖИКОВ

— ЗАДУМЧИВЫЙ ГОЛОС МОНТАНА

— КОГДА ФОНРИКИ КАЧАЮТС НОЧНЫЕ…

— ПРО БЕЛЛУ АХМАДУЛИНУ

— МАРСЕЛЬ МАРСО
— ВАГРИЧ БАХЧИЯН

— ВСТРЕЧА С ВАН КЛИБЕРНОМ
— АФТОГРАФ ДЛЯ ДЕ НИРО

— УЖИН С МАРЛЕН

автор — Виктория Беломлинская

ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОЕДЕМ К ХУДОЖНИКУ В МАСТЕРСКУЮ!

В книге «Разговоры с Иосифом Бродским» Соломон Волков, говоря о «Бродячей собаке» и т. д., спрашивает: «А что представляла современная вам ленинградская „изящная жизнь“?»

Бродский: «Наверное, художники и их мастерские. «Поедем к художнику в мастерскую!» — так это мне вспоминается. Скажем, у меня были два знакомых художника, у которых была мастерская в совершенно замечательном месте, около Академии художеств… Довольно забавные собеседники, ужасно остроумные. И у них время от времени собиралась богема или то, что полагало себя богемой.

Лежали на коврах и шкурах. Выпивали. Появлялись какие-то девицы. Потому что художники — они чем привлекательны? У них же натурщицы есть, да? По такой стандартной табели о рангах — натурщица, она как бы лучше, чем простая смертная. Не говоря уже о чисто порнографическом аспекте всего этого дела.

Волков: А что, был и такой аспект?

Бродский: В основном шли разговоры, окрашенные эротикой. Такое легкое веселье или, скорее, комикование. И трагедии, конечно же, все эти мучительные эмоции по поводу того, кто с кем уходит. Поскольку раскладка пар была, как всегда, совершенно не та. В общем, такой нормальный спектакль. Были люди, которые приходили на это просто посмотреть, они были зрители. А были актеры. Я, например, был актером. Думаю, что и в «Бродячей собаке» происходило, до известной степени, то же самое.

Волков: А пили крепко?

Бродский: Еще как!

……

Два «знакомых художника» — это я и мой ближайший друг (с 5-го класса средней художественной школы) замечательный художник Георгий Ковенчук (Гага). В 60-м году мы закончили графический факультет института Репина Академии художеств,

вступили в Союз художников и неожиданно получили мастерскую, одну на двоих. Но в то время это было даже удачно и удобно, мы много работ делали вместе: книжки, плакаты, прикладную графику.

М. БЕЛОМЛИНСКИЙ И Г. КОВЕНЧУК 1960

Мастерская находилась рядом с Академией художеств, на узенькой, какой-то средневековой улице Репина, выходящей к Румянцевскому садику. Это была очень большая комната, с окном во всю стену. Действительно, был ковер и большая медвежья шкура, присланная с Чукотки Гагиной тещей, стоял старинный рояль, оставшийся от кого-то из прежних владельцев (когда-то тут работал Натан Альтман), на стенах висели рисунки, шаржи, смешные коллажи, было очень уютно. К тому же мы были счастливыми, по тем временам, обладателями телефона. Мы завели несколько альбомов, и наши гости рисовали в них, писали стихи, кто что хотел — сейчас это бесценное собрание автографов.

А гостей у нас бывало огромное количество — поэты, писатели, актеры, художники, режиссеры.

Работали мы легко, ненатужно, и гости нам не мешали. Они болтали друг с другом, рисовали или играли в рулетку (была у нас такая игра, кем-то подаренная). Иосиф бывал у нас часто. Пил кофе, названивал по телефону, листал монографии и альбомы с репродукциями, восхищался любимым им художником Дюфи, но в основном рисовал. С большим удовольствием. Особенно ему нравилось рисовать цанговым карандашом с толстым грифелем — он давал широкую «бархатную» линию. Я привез несколько таких карандашей из Чехословакии и один подарил ему. Он был счастлив. Сохранилось много его рисунков, сделанных этим карандашом. Надо сказать, все его рисунки отличались на редкость пластичной линией, остротой композиции, умением передать настроение — он никогда не учился рисовать, но, безусловно, был наделен большим художническим даром.

Он и фотографировал замечательно.

Забегали к нам и знакомые натурщицы, если у них образовывался перерыв в позировании в Академии. Перекурить. Иосиф с удовольствием болтал с ними, рассказывал анекдоты, смешил их, сам смеялся своим специфическим, коротким смешком. Он был большой дамский любезник, но стихи не читал, видимо, не считал, что перед ним его слушатели. Вот Глеб Горбовский, наоборот, стихи начинал читать сразу, как только появлялся в мастерской, всегда навеселе, «на дивном веселе».

Приходил Иосиф и вечерами, когда организовывались какие-нибудь пьянки. Происходило это нередко. Одну помню хорошо. Народу было много. Бродский в то время ухаживал за рыжей красавицей Беллой, но ее тут же стал «клеить» знаменитый тогда актер Василий Ливанов, которого привел с собой Гага. Ливанов был сильно пьяный и агрессивный. Когда Иосиф по просьбе

гостей стал читать стихи, его «соперник» Вася начал гнусавым голосом довольно громко и похоже его передразнивать, начались смешки, чтение было сорвано. Иосиф ужасно обиделся, расстроился, Белка утешала его, они все время выходили, выясняли отношения, и, как только свели мосты, вместе ушли. А Ливанова Гага увез на поезде куда-то к черту на рога, на свой садовый участок, где у него была времянка, сколоченная из ящиков. Пьяный Вася долго бродил по ночному поселку, стучался ко всем и гундосил: «Я артист Ливанов, дайте мне выпить!»…

«…мучительные эмоции по поводу того, кто с кем уходит…» — я думаю, как раз про ту пьяную ночь.

РЫЖАЯ КРАСАВИЦА БЕЛЛА БИЛИБИНА

После ссылки Бродский часто бывал у поэта Леши Лившица (Льва Лосева) в журнале «Костер» — делал переводы разных детских поэтов из союзных республик. Я работал главным художником в «Костре» и заказывал рисунки Марине Басмановой. Дело это было мучительное — она никогда не могла сдать работу в срок.

Я выслушивал упреки в редакции и жуткие скандалы в типографии — мы срывали график работы. Но заказы не прекращал: Марина была любовью Иосифа, он всегда приходил с ней, будто боялся, что ее обидят, что не найдет

дороги, что потеряется…

Я часто делал зарисовки с него в блокнот, который всегда ношу с собой. Однажды он внимательно пролистал все рисунки и на одном расписался: «Мишель, вот этот похож». Этот мой рисунок впервые был опубликован в 1980 году в нью-йоркском сборнике «Часть речи», посвященном 40-летию со дня рождения Иосифа Бродского. Потом он часто воспроизводился в американских и европейских изданиях. Появился на обложке сборника статей о Бродском, вышедшем в Лондоне, а в перестроечное время — и в России. В нескольких последних сборниках он уже помещен среди рисунков Бродского как его автопортрет.

А в 72-м году мы провожали Иосифа в Пулковском аэропорту, прощались, как тогда казалось, навсегда.

ИОСИФ БРОДСКИЙ

В 88-м в Ленинградском доме кино был устроен первый

официальный вечер, посвященный Нобелевскому лауреату Иосифу Бродскому.

Я сделал большой плакат: на фото шведский король вручает поэту премию, а сверху факсимильно воспроизвел статью из газеты 64-го года о суде над ним с идеальным для плаката названием «Тунеядцу воздается должное…»

Тунеядцу воздается должное

О связи Иосифа Бродского с тунеядством говорить уже приходилось. В клубе 15-го ремонтно-строительного управления, расположенном Дзержинского района, состоялся суд над этим злостным тунеядцем, и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года принято постановление о высылке трутня из Ленинграда в специально отведенные места с обязательным привлечением к труду сроком на пять лет.

К такому решению народный суд пришел после очень тщательного изучения всех имеющихся в деле документов, после внимательного выслушивания сторон.

Казалось бы, паразитическая сущность и антиобщественное поведение Бродского, о которых достаточно много рассказывалось уже на страницах ленинградских газет, ясны каждому человеку, имеющему здравый ум и пожившему о святых обязанностях гражданина нашего социалистического общества.

Нет же, нашлись у Бродского и защитники. Особенным усердием отличились выступавшие на процессе как свидетели защиты поэтесса Н. Грудинина, доцент Педагогического института имени А. И. Герцена Е. Эткинд, научный сотрудник В. Адмони.

Говоря откровенно, стыдно было за этих людей, когда, изощряясь в словах, пытались они всячески обелить Бродского, представить его как невинно страдающего непризнанного. На какие только измышления не пускались они!

В перерыве, окруженная юношами и девушками, которые с гневом говорили об антиобщественной деятельности Бродского, отогрела целиком его гнилое творчество, поэтесса Н. Грудинина трясла его рукописями.

Только потеря столь нужную каждому поэту и писателю, каждому человеку крепкую зоркость, можно было так безудержно рекламировать проповедника пошлости и безыдейности.

Что пленило Н. Грудинину и других поклонников Бродского в его так называемом творчестве?

Тупое чванство, ущербность и болезненное самолюбие недоучки и любителя порнографии, стоящая помноженная на непроходимое невежество и бескультурье, — вот что выглядывает из каждой строчки, вышедшей из-под пера Иосифа Бродского.

«...Болтливое, худое ремесло,
в любой воде плещи, мое весло...»

Вот как сам Бродский изложил свое поэтическое «кредо». Бродский принципиально не хотел трудиться ни для себя, ни тем более для народа. В стихах и проза он поливал грязью и поносил все советское, только потому, что в нашей стране надо трудиться, создавать то, что нужно и полезно народу, будь то читал, хлеб или стихи.

В минуту откровенности он как-то точно написал о себе: «Мое субъективное восприятие атрофировалось до стадии хамства».

Это было написано в те дни, когда Бродский поставлял в домкомат подложные справки, не желая идти служить в Советскую Армию.

«А люблю я родину чужую!» — восклицает блудослов Бродский в одном из своих пошлых стишков.

— Будущие поколения с должным благоговением оценят меня! — театрально выкрикнул трутень на суде.

Дружным хохотом встретили присутствующие эти слова «непризнанного гения»...

С 1956 года он переменил 13 мест работы. Где работал неделю, где месяц, а последние годы он вообще не трудился, поощряемый подонистующими приятелями, многие из которых докатились до прямой антисоветской деятельности. Вместе с ними катился и тунеядец Бродский.

Правильную, точную оценку его тлетворной деятельности дали на суде писатель Е. Воеводин, заведующая кафедрой Высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухиной Р. Ромашова, начальник Дома обороны Н. Смирнов, заместитель директора Эрмитажа П. Логунов, трубоукладчик УНР-20 П. Данисов, общественный обвинитель — представитель штаба народной дружины Дзержинского района Ф. Сорокин и другие.

Постановление суда было встречено горячими аплодисментами людей с честными рабочими руками.

64
Газета «Смена»

8
Вручение Нобелевской премии по литературе Иосифу Бродскому

Мы с женой увиделись с Иосифом спустя 16 лет в его доме в Саут-Хедли. Он подарил нам книжки: «Урания», «Часть речи»

и «Конец великой эпохи». На всех нарисовал кота, сделал трогательные надписи, на «Урании» написал: «Юле, Вике и Мишке от Жозефа по книжке. 6-е апреля 1988. S. Hadley. Иосиф Бродский».

6 апреля 1988 г
S. Hocky

Я спросил: «А тебя здесь рисовали? Делали шаржи?»

Он засмеялся: «Да нет. Вот только твой…» — и показал на какую-то французскую газету, прикнопленную на кухне к стене. Там была статья о нем и мой рисунок — тот самый. Потом он повез нас обедать куда-то далеко на своем «мерседесе», шикарно и лихо вел его, а на заправке охотно мне позировал, когда я снимал его.

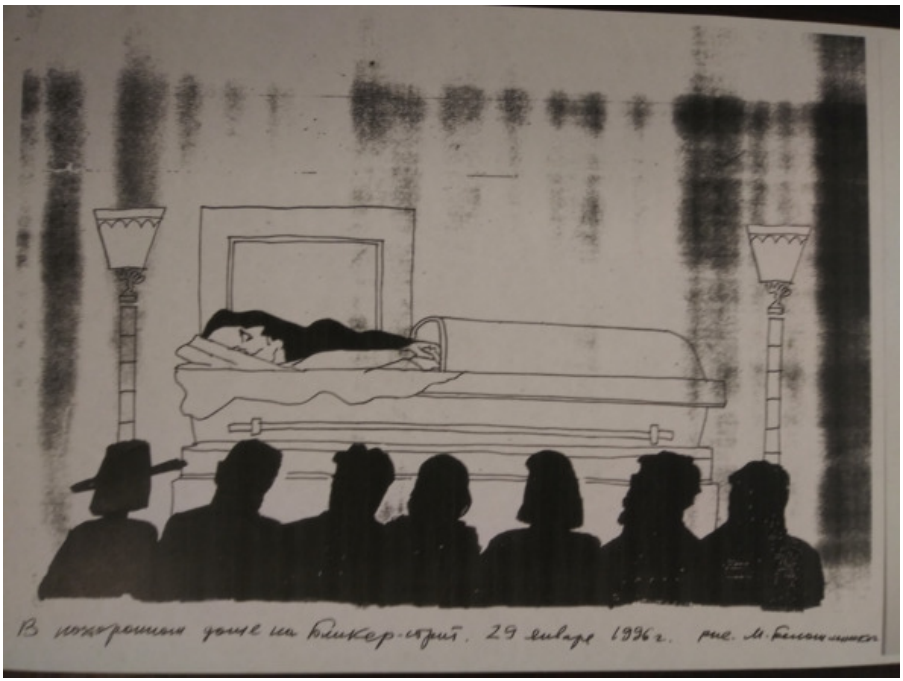
Дальмира Гимейн, Михаил Беломлинский, Виктория Беломлинкая, Иосиф Бродский

В Нью-Йорке мы были на его пятидесятилетии на Мортон-стрит, виделись на выставке Целкова, на выступлениях поэтов, Рейна, Кушнера, Наймана, которые он предварял, но чаще в уютном «Русском Самоваре» у Романа Каплана. 2 апреля 95-го года после выступления Бродского в Манхэттене мы пришли в «Самовар», Роман принес свой знаменитый альбом с автографами, фотографиями и рисунками и попросил меня нарисовать Иосифа, но тот забрал у меня альбом и любимый им цанговый карандаш: «Мишель, ты меня много рисовал. Дай-ка я

тебя нарисую». И быстро сделал очень хороший рисунок. И написал: «Мишеньке, с нежностью от Иосифа. И. Б. Нью-Йорк 2 апреля 1995».

В тот вечер мы виделись в последний раз.

А 29 января 96-го года мы прощались с ним в похоронном доме на Бликер-стрит. Фотографировать не разрешали, я сделал рисунок в блокноте, потом увеличил его.



ВАЛЕНТИНА ПОЛУХИНА: ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ БЕЛОМЛИНСКИМ, ПРИ УЧАСТИИ ВИКТОРИИ БЕЛОМЛИНСКОЙ

Михаил Беломлинский родился в Ленинграде в 1934 году. С детства любил рисовать и после возвращения из эвакуации был принят в Среднюю Художественную школу (СХШ) при институте им. Репина Академии Художеств. Закончил графический факультет Академии художеств, был членом Союза Художников СССР и Союза журналистов. Много ездил по стране, десять лет работал главным художником детского журнала «Костер», проиллюстрировал более 300 книг, среди них Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», Толкина «Хоббит», делал рисунки к новеллам Сервантеса. В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Участвовал в выстаке в Сити Холле г. Нью-Йорка. Издал две книги дружеских шаржей, его любимый жанр. Сейчас живет в Пенсильвании, пишет и рисует для газеты «Русский базар», делает рисунки для издательсва «Азбука».

Виктория Беломлинская родилась в Ленинграде, работалана студии научно-популярных фильмов. Пишет прозу с 70-х годов, автор книг: «Неяркая жизнь Сани Корнилова» (1989), «Роальд и Флора» (1994), «С любовью на память» (2001), «Берег» (2008). Награждена премией «Букер» в Москве.

— Вы, похоже, знакомы с Бродским с его поэтических пеленок. Вы сначала услышали о нем или увидели его?

— С пеленок его знала моя жена Вика. Пусть она сама расскажет об этом.

— **Виктория Беломлинская**: Я уже об этом писала. Могу кое-что повторить. Наши отцы — мой и Иосифа — были друзьями. Почти всю войну бок о бок прошли. Я об Иосифе услышала, когда в 3-м класса училась. Однажды раздался телефонный звонок, отец взял трубку, но скоро сказал: «Это не телефонный разговор, Саша. Давай встретимся». И ушел. Вернулся поздно. Мне уже спать полагалось. Но я не спала и слышала, как он маме рассказывал: «Ты представляешь, Маша одна с Оськой на руках, черт знает как, всю войну ждала ждала его, а теперь эта баба ему ультиматум ставит: уходи из семьи, и все! Он втюрился, как мальчишка, повеситься хочет!»

Я уже закончила школу, когда услышала об Иосифе во второй раз. И опять из рассказа отца матери: «Не понимаю Сашу, — возмущался отец — Оську выгнали из школы, парень без среднего

образования остается, я ему говорю: иди в райком, а он смеется! Я, говорит, научу его снимать, он кусок хлеба всегда заработает. Что с того, что я горный кончил?! Всю жизнь фоторепортером работаю…».

Я воочию увидела Иосифа, когда хлеб зарабатывала, позируя в Академии. Там я и познакомилась со своим будущим мужем — художником веселого, легкого, беспрепятственного таланта. У него в мастерской и я познакомилась с Иосифом.

— Как часто появлялся Иосиф в вашей мастерской? Опишите атмосферу этого места: Иосиф в интервью с Волковым говорит о «порнографическом аспекте», так ли это?

— Наша мастерская находилась рядом с Академией художеств. Это была большая комната, с окном во всю стену, на стенах висели рисунки, шаржи и много прекрасных польских плакатов. Мы еще с институтских времен были влюблены в Польшу, имели много знакомых польских художников. И вообще в те годы иметь в нашем возрасте мастерскую в Ленинграде было редкостью. Мы завели несколько альбомов, и наши гости рисовали в них, писали стихи, кто что хотел —— сейчас это бесценное собрание автографов.

Забегали к нам и знакомые натурщицы. Они обычно позировали по 3 часа в Академии, потом у них был часовой перерыв, и после еще по 2—3 часа. Они забегали к нам перекурить, попить кофе, поболтать по телефону, и даже не одевались; накидывали халатик и пальто, и когда закидывали ногу на ногу, было видно, что они голые. Наверное, это он и называет «порнографическим аспектом». Какое волнение это должно было вызывать в молодом Иосифе, если вспомнить, какое волнение вызывали у него колени пионервожатой на картине «Прием в комсомол». Иосиф с удовольствием болтал с натурщицами.

Он бывал у нас часто. Пил кофе, названивал по телефону, листал монографии и альбомы с репродукциями, но в основном рисовал. С большим удовольствием. Особенно ему нравилось рисовать цанговым карандашом с толстым грифелем — он давал широкую «бархатную» линию. Я привез несколько таких карандашей из Чехословакии и один подарил ему. Он был счастлив.

Еще Иосиф любил слушать у нас польские пластинки — танго, джаз. Он ведь тоже на всю жизнь был влюблен в Польшу. Без конца гонял долгоиграющую пластинку, где Галчинский читает свои стихи. В 1967 году вышел маленький томик стихов Галчинского. Очень изящно оформленный. Там было четыре перевода Бродского. Иосиф подарил нам с женой этот томик и подписал: «Panowie, do Lasu! Вике и Мише za polskiem razem-zawsze! Smutny tlumacz Joseph Brodsky». Он нарисовал польского орла. В «Заговоренных дрожжах» он исправил 30 строчек, зачеркнул, вписал новые и т. д.

— В коллекции Эры Коробовой я видела много рисунков Иосифа. Как вы их оцениваете?

— Надо сказать, что его рисунки отличаются на редкость пластичной линией, остротой композиции, умением передать настроение —— он никогда не учился рисовать, но, безусловно, был наделен большим художественным даром. Он и фотографировал замечательно.

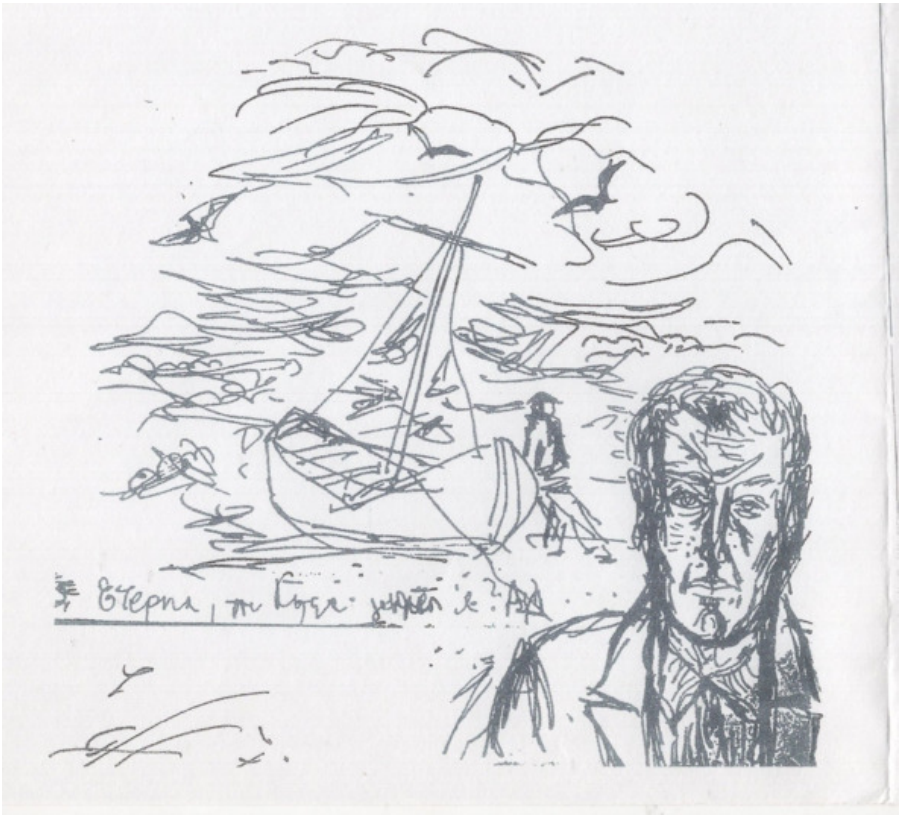


Рисунок И. Бродского

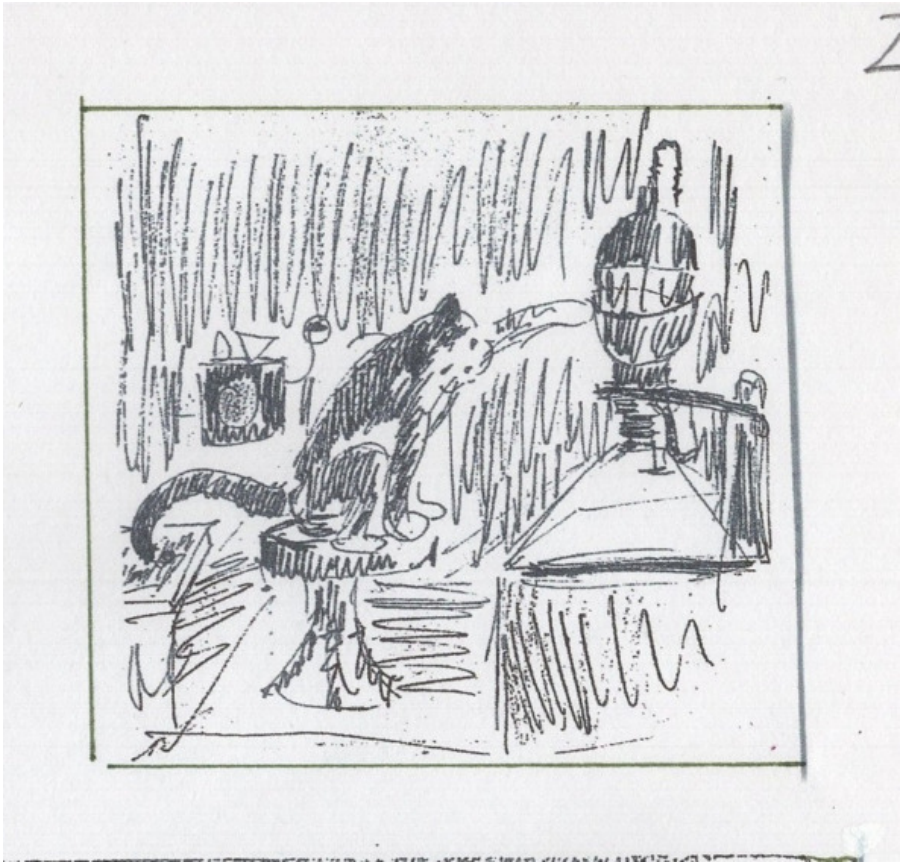


Рисунок И. Бродского

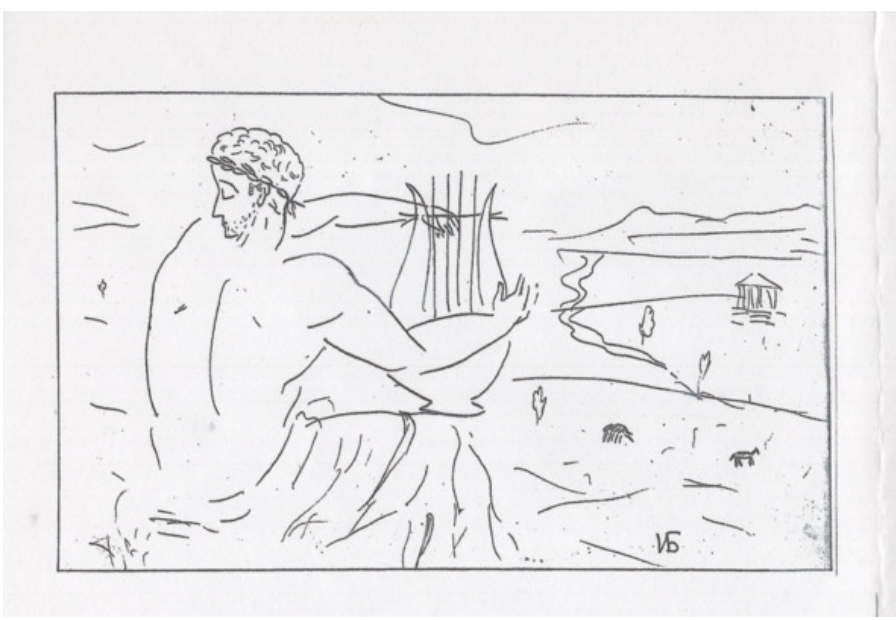


Рисунок И. Бродского

— Вы были знакомы с Музой Бродского — Мариной Басмановой, которая, как и вы, художник. Какое впечатление она производила на вас?

— Марину Басманову я впервые увидел в ту злополучную новогоднюю ночь 1964 года, когда Бобышев привез ее как подругу Бродского (сам Бродский скрывался от преследований в Москве) на зимнюю дачу в Комарово, которую мы снимали большой компанией. До этого я изредка видел ее в Детгизе, знал, что она дочь художника Павла Ивановича Басманова и любовь Бродского. Она была высокая, с большими глазами, как бы обведенные синькой. Чем-то она напоминала мне Врублевскую «Царевну-лебедь». Лицо у нее было красивое, но какое-то анемичное, неживое. Хотя в ту ночь она в какой-то момент абсолютно изменилась. С диким смехом, с сумасшедшим блеском в глазах, она неожиданно подожгла занавеску на окне. Это было очень страшно, занавеска вспыхнула в одну минуту, мог возникнуть пожар, дом был деревянный. Помню, что я даже заорал на нее, сорвал занавеску и затоптал ее.

Ну, а потом и произошли все эти известные события, связанные с Бобышевым, стремительное возвращение Бродского из Москвы, арест, суд, ссылка.

После возвращения Иосифа в Питер из ссылки, я часто видел Марину. Я работал тогда главным художником в журнале «Костер» и регулярно заказывал ей рисунки. Она всегда приходила с Иосифом.

— И как вы оцениваете рисунки МБ?

— Я считал ее очень хорошим художником, хотя видел только ее картинки для журнала, изящные, легкие акварели, красивые по колориту, они очень украшали журнал, выделялись благородством Питерской культурной традиции 30-х годов. Мне кажется, что МБ в основном училась у своего отца.

С Мариной я практически разговаривал мало, замечаний по рисункам не делал, единственно умолял сдавать работу в срок, чего она никогда не могла. Я выслушивал упреки в редакции, скандалы в типографии за срыв графика. Но заказы не прекращал, мне нравились ее рисунки.

— Вы десять лет работали в журнале «Костер», который в 1963 году опубликовал фотографии Бродского о юных пловцах из г. Балтийска «Победители без медалей», а еще раньше, в ноябре 1962 г., «Балладу о маленьком буксире». Как часто вы пересекались с Бродском в этом журнале?

— «Костер» в те годы был привлекательным местом в Питере, во многом благодаря Льву Лосеву (тогда Леше Лившицу). Он занимал самую незначительную должность в редакции —— заведовал отделом спорта, юмора и всякого рода загадок и головоломок, извлекая из этого массу пользы для своих друзей. Неоднократно ездил в разные концы Союза от «Костра» и Бродский, переводил республиканских поэтов.

Л. ЛОСЕВ В «КОСТРЕ» В 1971-М

Здесь в Нью-Йорке знакомая из Еревана рассказывала, как

Иосиф приезжал к ним, как все были им очарованы, возили его по всей Армении. Показала снимки — Иосиф, очень элегантный, с армянскими детскими поэтами, которых он переводил.

Иосиф часто бывал в журнале и без Марины. Или сидел у Леши в отделе, или в комнате художников. Часто, после ухода начальства, у нас возникали пьянки.

— *Вы сделали много зарисовок с Бродского. Какие задачи вы ставили в работе над образом Бродского*?

— Со времен учебы в СХШ я всегда ношу с собой альбомчик и рисую. Рисовал я и Лешу, и Сережу Довлатова (он одно время у нас работал), и, конечно, Иосифа. Один рисунок ему особенно понравился: «Мишель, вот этот похож!» и расписался. Он был напечатан в 1980 году нью-йоркском альманахе «Часть речи». Потом он часто воспроизводился в разных изданиях в Штатах, в Европе. А в перестроечное время и в России. В некоторых последних сборниках он уже помещен среди рисунков Бродского как его автопротрет. Я увидел этот журнал «Часть речи» еще в Питере» и ужасно гордился, что мой портрет напечатан на всю страницу в таком замечательном американском альманахе. Этот мой рисунок нравится мне до сих пор. Что-то мне удалось в нем передать.

Иосиф был очень красивый. Совершенно великолепная голова, как у древнеримских скульптур, что на первом этаже в Эрмитаже. И очень пластичный, в любой одежде. Он выглядел артистично и элегантно, причем еще тогда, когда у него не было тех заграничных шмоток, которые ему, естественно. Очень шли, и очень ему нравились. Помню, он показывал мне американский пиджак, без подкладки на спине; обожал зажигать спички о джинсы, учил меня, куда заправлять тонкий конец галстука: «… Вот тут на широком конце, с той стороны, нашита такая полоска, с названием фирмы, туда и заправляется тонкий конец…».

— *Вы иллюстрировали много стихотворений для детей разных поэтов. Случалось ли вам иллюстрировать стихи для детей Бродского*?

— Иллюстрировал Бродского я один раз, в 1964 году. Мне позвонил друг Иосифа из издательсва «Малыш» в Москве и попросил срочно сделать и прислать макет книжки «Буксир», чтобы они могли заключить договор с ним, подтвердить, что он «не тунеядец». Я с удовольствием рисовал цветные картинки к этому прекрасному стихотворению.

— *Вы помните, как началась травля Бродского*?

— Об этом опять же лучше пусть расскажет моя жена.

— **Виктория Беломлинская**: Травля Иосифа началась с газетных фельетонов. Писал их Мотька Берман. Папа говорил мне, что все журналисты знали: во время блокады Мотьку, по броне оставшегося в Ленинграде, арестовали. Его жена была

медсестрой в больнице, и его взяли с поличными, когда он продавал краденные медикаменты. По закону военного времени ему был положен расстрел. А он благополучно вышел из «Большого дома» и продолжал работать в газете, печатался под псевдонимом «Иван Дозорный» и «В. Медведев». Все знали, что это такое. И все-таки, когда появился этот первый его фельетон, Александр Иванович решил усовестить его. Он пришел в редакцию «Вечорки», прошел к Берману и говорит: «Мотя, почему ты травишь моего сына? Ты что, не понимешь, чем это пахнет? Ты же еврей!» Пока он говорил, Берман не подымая головы, не глядя на него, перебирал какие-то бумажки на стол, но вдруг гордо распрямился и сказал: «Да, Саша, я —— еврей. Но я тот еврей, который нужен. А твой сын никому не нужен».

— *Присутствовали ли вы на суде над Бродским*?

— Да, и на первом, и на втором «показательном» 13 марта 1964 года. Обстановка была страшная, толпы дружинников, каких-то работяг, «рабочей молодежи». В газете писали: «Постановление суда было встречено горячими аплодисментами людей с честными рабочими руками».

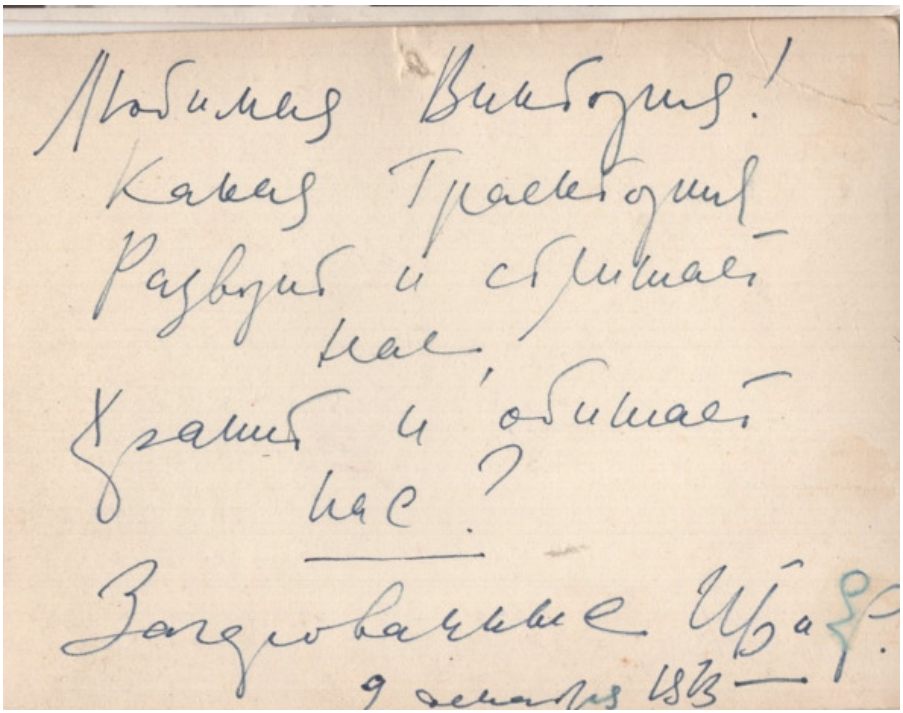
В перерыве между «нашими» ходил мальчик Витя Топоров, сын адваката Топоровой и шептал: «Мама очень просит быть сдержанными, а то устроют провокацию и всех удалят из зала». Но быть сдержанными было очень трудно, в курилке моя теперешняя жена Вика залепила пощечину гнусному Воеводину, обвинителю от Союза писателей. От своего отца она знала, что отец Иосифа Александровича —— Александр Иванович в блокаду буквально спас от смерти старшего Воеводина, а теперь сын участвовал в травле Иосифа.

— *Многие считали и до сих пор уверены, даже на Западе, что Бродский своей славой обязан суду*.

Виктория Беломлинская: Вы знаете, у последующего поколения поэтов была совершенно бредовая идея, что им нужно попасть в тюрьму, чтобы завоевать славу. Но недаром Иосиф очень не любил вспоминать о своем суде. Потому что брошенное кем-то неумное мнение, что его «сделал суд» — глупое и ложное. До суда целый круг его ровесников признал в нем гения. И хотя слово это достаточно расхожее, но применительно к Иосифу оно приобретает свой губокий, исконный смысл. В нем с юности были все приметы гения. Они были в опережающей возраст мудрости, и в тех провидениях, которые есть в его стихах. Взять хотя бы «Письма римскому другу»: «Как сказал мне старый раб перед таверной: „Мы, оглядываясь, видим лишь руины“. Взгляд,

конечно, варварский, но верный…» А ведь когда это было написано — в 1972 году!

Е. Рейн и И. Бродский. Фотография, подаренная В. Беломлинской.



Стишок на обратной стороне фотографии: " Любимая Виктория! Какая траектория, разводит и сближает нас, хранит и обижает нас? Зачарованные ИБ и ЕР»

— *Ваши отношения продолжались после возвращения Иосифа из ссылки*?

— Да, продоложались. 26 июля 1968 года на мой день рождения Бродский и Рейн написали мне шуточное поздравление на обороте картинки из журнала *Playboy*. Там была сфотографирована красавица, лежащая на леопардовой шкуре:

Таланту исполинскому ——
Мишелю Беломлинскому,
без вожделенья скотского,
от Рейна и от Бродского.

Баллада с посылкой

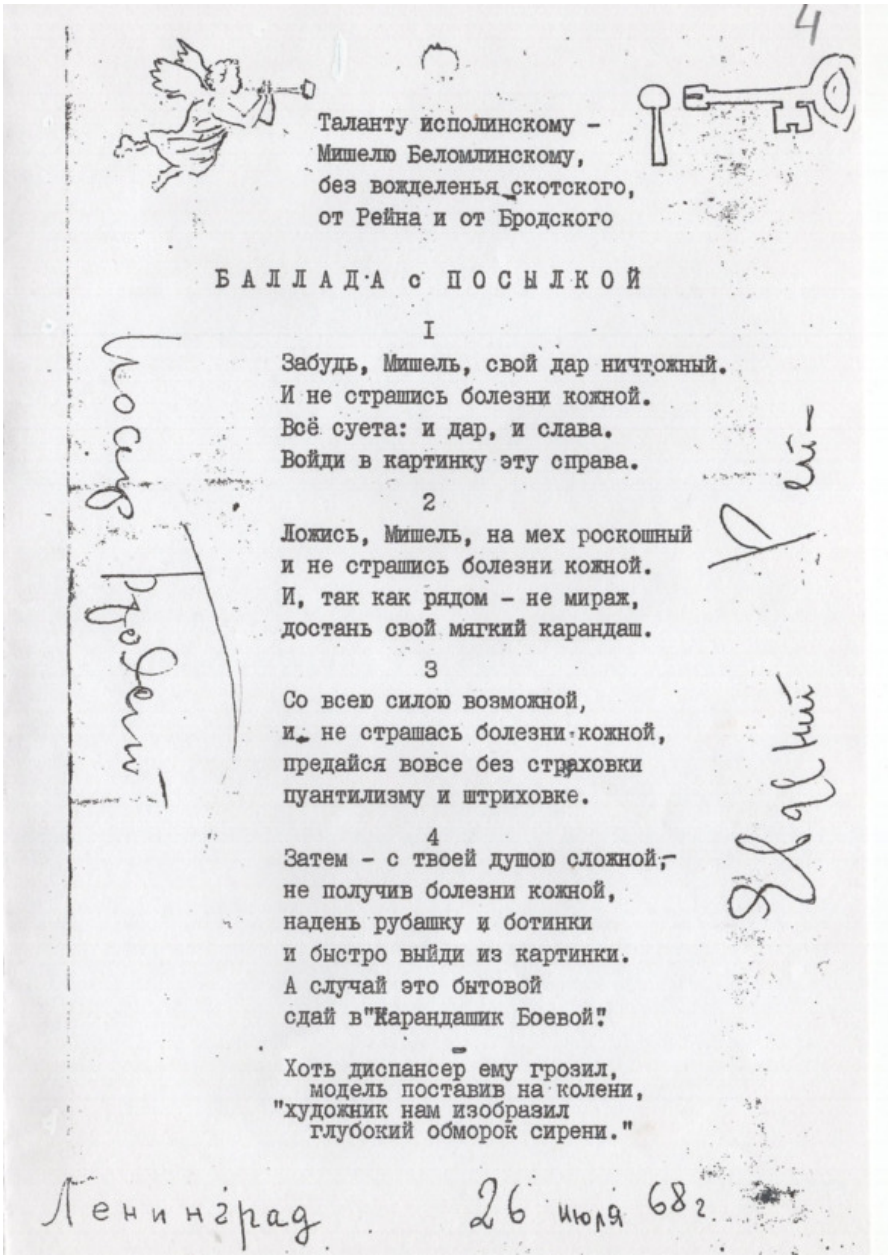
1
Забудь, Мишель, свой дар ничтожный.
И не страшись болезни кожной.
Все суета: и дар, и слава.
Войди в картинку эту справа…

И кончается так:

А случай этот бытовой
Сдай в «Карандашик Боевой».

Хоть диспансер ему грозил,
модель поставив на колени,
«Художник нам изобразил
глубокий обморок сирени».

«Карандашик Боевой» — ироническая переделка названия издательства «Боевой Карандаш», выпускающего юмористические плакаты, в котором я тогда печатался.



Таланту исполинскому –
Мишелю Беломлинскому,
без вожделенья скотского,
от Рейна и от Бродского

БАЛЛАДА с ПОСЫЛКОЙ

I

Забудь, Мишель, свой дар ничтожный.
И не страшись болезни кожной.
Всё суета: и дар, и слава.
Войди в картинку эту справа.

2

Ложись, Мишель, на мех роскошный
и не страшись болезни кожной.
И, так как рядом – не мираж,
достань свой мягкий карандаш.

3

Со всею силою возможной,
и не страшась болезни кожной,
предайся вовсе без страховки
пуантилизму и штриховке.

4

Затем – с твоей душою сложной,
не получив болезни кожной,
надень рубашку и ботинки
и быстро выйди из картинки.
А случай это бытовой
сдай в "Карандашик Боевой".

Хоть диспансер ему грозил,
модель поставив на колени,
"художник нам изобразил
глубокий обморок сирени."

Ленинград 26 июля 68 г.

— Вы эмигрировали очень поздно, в 1989 году. До этого вы не виделись с Бродским?

— Виделись. Мы поехали в гости к Викиной сестре в Нью-Йорк, и они с мужем повезли нас в Леше Лосеву в New Hampshire. По пути мы заехали к Штернам в Бостон, а потом к Иосифу. Конечно, встреча была очень трогательна, со слезами: «Ну, Киса, Киса, успокойся!» — говорил он Вике. Он подарил нам книжки: «Урания», «Часть речи» и «Конец прекарсной эпохи». На всех

нарисовал кота, сделал трогательные надписи, например, на «Урании», написал: «Юле, Вике и Мишке от Джозефа по книжке. 6 апреля 1988. S. Hadley. Иосиф Бродский».

Я спросил: «А тебя здесь рисовали? Делали шаржи?» Он засмеялся: «Да нет. Вот только твой…» —— и показал на какую-то французскую газету, прикнопленную на кухне к стене. Там была статья о нем и мой рисунок —— тот самый. Потом он повез нас обедать куда-то далеко на своем «мерседесе», шикарно и лихо вел его, а на заправке охотно мне позировал, когда я снимал его. Зашел разговор о его поездке в Питер. Я решительно не советовал ему ехать. «Ведь родителей уже нет. А там столько людей, у которых из-за истории с тобой были неприятности служебные, что я просто побоялся бы ехать. Тебя там эти гебешники подкараулят где-нибудь и покалечат, потом скажут, что ты был пьяный, и т. д. — «Да, это тоже реально…» — соглашался он со мной.

— Значит после получения Бродским Нобелевской премии вы были еще в Союзе. Как там отмечали это событие?

— В 88-м году в Ленинградском доме кино был устроен первый официальный вечер, посвященный Нобелевскому лауреату Иосифу Бродскому. Я сделал большой плакат: на фото шведский король вручает поэту премию, а сверху факсимильно воспроизвел статью из газеты 64-го года о суде на ним с идеальным для плаката названием «Тунеядцу воздается должное…»

Вел вечер Володя Уфлянд. Выступали Азадовский, Найман, Грудинина, Тищенко, Никольская и др. Выступила и Вика, показала фото (мы только что вернулись из Штатов), рассказала, как мы встретились с Иосифом, не сразу нашли его дом, и какая-то женщина, живущая напротив, помогла нам, и с гордостью сказала: «А вы знаете, что он недавно получил Нобелевскую премию?» Тоня Козлова была тогда в Питере, снимала этот вечер, и показала в Нью-Йорке Бродскому. Ему очень понравился и плакат, и Викино выступление. Но почему-то это выступление Вики вызвало раздражение у Толи Наймана, и он в своей книги обозвал ее «экзальтированной литературной дамой». Я очень обиделся за жену и написал письмо в газету, где работал.

— Расскажите, где еще вы встречались с Бродским в Америке. Вы рисовали его?

— В 1989 году мы эмигрировали в Штаты, с Бродским увиделись довольно скоро, он сразу дал мне телефон Лены Чернышевой: «Мишель, позвони ей, она познакомит тебя и Юльку

с издателями детских книжек, может быть, можно получить работу…». Проявил максимум доброжелательства. В Нью-Йорке мы виделись не часто, в основном в «Русском самоваре», у Ромы Каплана, которого знали еще по Питеру. Были на днях рождения Романа и его прелестной жены Ларисы. Бродский всегда был весел, читал стихотворные поздравления, много пел и рисовал в знаменитый «самоварный альбом».

Пение в «Русском Самоваре»: И. Бродский, Людмила Штерн и Виктория Беломлинская

В книге «Роман с Самоваром» автор Толя Найман воспроизвел мой портрет, нарисованный Бродским 1995 года: «… вероятно, в подпитии слишком много «с» в слове «русский самовар». Я тоже много рисовал в этот альбом, в том числе и Иосифа. Много замечательных рисунков сделала моя дочь Юля, а жена Вика написала знаменитый призыв: «Никуда кроме / как в «Самовар, к Роме!»

В юмористической поэме Наума Сагаловского «Борщ сквозь слезы» я нарисовал Бродского в виде грабителя с револьвером в руке и Довлатова в виде писателя Мулатова.

— В конце марта 1989 года к Иосифу приехал его сын Андрей. По слухам, это была неудачная встреча.

— Да, мы были в «Самоваре» и в тот день, когда туда пришел Иосиф и приехавший к нему в первый раз его сын Андрей, очень

на него похожий. Они сидели в любимом углу Иосифа, довольно мрачные. Подошел Роман: «Иосиф просит сесть к ним за столик, у них там какая-то напряженка с Андреем». Иосиф не хотел покупать какой-то видеомагнитофон Андрею, не из-за жадности, а из-за педагогических соображений. Вика очень быстро разрядила обстановку, острила, смешила всех.

— Изменился ли Иосиф за время его жизни на Западе?

Виктория Беломлинская: В Америке это был уже Джозеф. И в нашем общении чувствовалось его желание держать некоторую дистанцию. Мы уже, очевидно, не были нужны ему, как раньше. У него уже был другой круг общения. Неприятно, конечно, но неизбежно. Конечно, бывали теплые встречи в «Русском самоваре», и мы обнимались и пили за наших отцов, но прежнего уже, конечно, не могло быть. Наверное, если бы он не изменился, он не сделал бы того, что сделал. Он очень рано начал писать о возрасте, о старости, когда нам, дуракам, это и в голову не приходило. Наверное, у него было предчувствие своей судьбы.

— Я присутствовала на 40-летии Иосифа, а вы на его на его 50-десятилетии, когда он еще жил на Мортон-стрит. Расскажите об этом праздновании, пожалуйста.

— Были мы и на пятидесятилетии Иосифа, на Мортон-стрит. Было огромное количество народа, большинство американцы, нам, естественно, незнакомые. Но было весело. Иосиф сидел в кресле, его короновала какая-то дама. Из «наших» были Ефимовы, Штерны, Довлатовы, Лосевы, Алешковские, Таня Козлова, Наташа Шарымова снимала и т. д.

— Бродский был остроумным рассказчиком. Какие истории и шутки вам запомнились?

— Помню один случай. Я с моим питерским знакомым художником К. стояли у галереи Нахамкина. Была выставка Целкова. «Познакомь меня с Бродским», — попросил К., увидев подходящего к нам Иосифа. «Вот, Иосиф, познакомься. Это мой приятель К., вы ведь не знакомы?» — «Да, но пиджаки наши знакомы!!» — ответил Иосиф и прошел мимо. На обоих были кожаные пиджаки. Бедный К. совершенно обалдел. Мне шутка показалась неудачной.

Помню, как мы переживали за любимого нами Сашу Кушнера, когда появились эти стихи «Письмо в оазис», способные зачеркнуть начисто всю биографию поэта.

— Но ведь Бродский попросил снять инициалы в посвящении и написал Кушнеру из нью-йоркской больнице, что это стихи скорее о нем самом, чем о любом его адресате.

— Когда Саша приехал в Нью-Йорк в 1994 году, он жил у нас, мы повезли его на выступление в журнале «Слово—Word», где его прекрасно представлял Иосиф, желавший смягчить впечатление от того стиха, а я старался побольше фотографировать их вместе, с доброжелательными улыбками.

И. Бродский и А. на выступлении в журнале «Слово—Word»

— Одно из последних выступлений Бродского состоялось 2 апреля 1995 года в зале Нью-Йорского Этнического общества, что рядом с Центральным парком. Вы были на нем?

— Да, после выступления мы пришли в «Самовар». Роман принес свой знаменитый альбом с автографами и попросил меня нарисовать Иосифа, но тот забрал у меня альбом и любимый им цанговый карандаш: «Мишель, ты меня много рисовал. Дай-ка я тебя нарисую». И быстро нарисовал совершенно замечательный рисунок. И подписал: «Мишеньке, с нежностью от Иосифа. И. Б. Бродский. Нью-Йорк 2 апреля 1995». Потом Иосиф сказал: «Викуля, давай выпьем за наших отцов». Они чокнулись, расцеловались, Вика разревелась. Это были последние слова, которые мы от него слышали. В тот вечер мы виделись в последний раз.

Одно из последних выступлений Бродского. Нью-Йоркское Этническе общество. 2 апреля 1995 года

— Вы сделали рисунок в блокноте в похоронном доме на Бликер-стрит 29 января 1996 года. Это был рисунок Бродского в гробу или пришедших с ним проститься?

— 29 января 1996 года мы прощались с ним в похоронном доме на Бликер-стрит. Фотографировать не разрешали. Я сделал рисунок в блокнот, потом увеличил его. Там сидит Лариса Каплан, Роман, еще кто-то, Вика. Леша, я. Первый раз я показал

его на моей выстаке в Петербурге в 2003 году.

— *Наконец, последний вопрос: что и кто для вас Иосиф Бродский*?

— Когда я учился в школе, у нас в истории была картинка: на каменных плитах клинописью высечены строки —— законы царя Хамураппи. Любимые мои стихи Иосифа Бродского кажутся мне не написанными на бумаге, высеченные клинописью на каменных плитах.

БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ БУКСИРЕ

Сталин всегда не любил Ленинград.

Особенно, ленинградскую интеллигенцию.

В 1947 году был устроен очередной разгром в городе. Были хамски обруганы Анна Ахматова и Михаил Зощенко, их запретили печатать, и разгромлены ленинградские журналы.

Из детских журналов остался один «Костёр». Как написал Сергей Довлатов — пионерский журнал с инквизиторским названием. В нем работал замечательный поэт и замечательный человек Лев Лосев. Он занимал самую маленькую должность — был редактором отдела юмора и спорта, но смог так поставить дело, что все его друзья — поэты, — Уфлянд, Ерёмин, Виноградов и, конечно, Бродский могли там что-то зарабатывать. Это было очень важно, потому что, в отличие от Москвы, в Ленинграде больше мест для публикации не было.

Лосев рассылал своих друзей в разные командировки — на детские спортивные соревнования, или в разные республики СССР, переводить детских поэтов и т. д.

Например, Бродский ездил от «Костра» в Армению, переводил детских армянских поэтов.

Когда мы приехали в США в 1989 году, первую работу мне предложил Лосев — я делал обложку к его книге «Поэтика Бродского» для Лондона.

А в 1962 году Лосев напечатал в «Костре» замечательное стихотворение Бродского «Баллада о маленьком буксире». Это было какое-то чудо. Это единственное стихотворение Бродского, напечатанное в СССР. Поразительно, что свирепая цензура пропустила это совершенно не советское стихотворение, где звучит пронзительная тоска автора, о невозможности выехать за железный занавес, за пределы России.

«…Мне за вами нельзя» — говорит буксир уплывающим иностранным кораблям.

«…Кто-то должен остаться возле этой земли…»

Я думаю, что буксир — настолько естественный компонент Ленинградского пейзажа, такой пролетарский транспорт, что не обратил на себя внимание цензоров.

Бродский писал: «И был город,

самый красивый город на свете.

с огромной серой рекой…»

И всякий раз, увидев реку, Неву, вы видели и буксир, плывущий по ней. На любой фотографии, или картинке, иллюстрации, где есть Нева — есть и буксир, неотделимая ее

часть.

И вот в 1962 году эта «Баллада» была напечатана в журнале. Я прекрасно помню этот разворот, я работал тогда главным художников в «Костре». На левой стороне — стихотворение, а на правой — красивая акварельная картинка — буксир, плывущий мимо кранов и кораблей. Нарисовал её художник Василий Михайлович Звонцов, немолодой человек, ушедший на войну из Академии художеств, дослужился до полковника, но после войны вернулся в художники. Эта публикация была с восторгом встречена всеми почитателями гениального поэта.

Баллада о маленьком буксире

И. Бродский *Рисунки В. Звонцова*

Я — буксир.
Мне работа моя по нутру.
Раньше всех кораблей
Я встаю по утру.
Подо мною вода.
Надо мной небеса.
Между ними
буксирных дымков полоса.
Я буксир.
Я работаю в этом порту.
Это мой капитан
с сигаретой во рту.
Он стоит у штурвала
(говорят — за рулем).
Это мой кочегар —
это он меня кормит углем.
Это боцман,
а это матросы.
Сегодня аврал.
Это два машиниста —
два врача, чтобы я не хворал.
Ну, а кто же вон там,
на корме,
в колпаке?
Это кок корабельный
с поварешкой в руке.
На рассвете, когда
облака еще спят,
я, объятый туманом
с головы и до пят,
отхожу от причала
и спешу в темноту,
потому что корабль
появился в порту.
Он пришел к нам сюда
из-за дальних морей,
тех, где мне никогда
не бросать якорей.
Пересек океан —
и теперь он у нас.

Добрый день, иностранец,
мы приветствуем вас!
Вы проделали путь
из далекой страны.
Вам пора отдохнуть
у причальной стены.
Я поставлю вас здесь
средь других кораблей,
чтоб вам было в компании
повеселей.
...А когда я плыву
вдоль причалов домой,
и закат торопливый
бежит за кормой,
и мерцает Нева
в серебристом огне,
словно чьи-то напутствия
слышатся мне.
Словно где-то вдали,
собираясь в кружок,
говорят корабли:
— До свиданья, дружок!
— До свиданья, ребята,
прощайте, друзья,
не жалейте, не надо,
мне за вами нельзя!
Уплывайте из дому
в белый утренний свет,
океану родному
передайте привет.
Не впервой расставаться,
исчезайте вдали.
Я обязан остаться
возле этой земли.
Пусть на солнце алея,
низко стелется дым...
Остаюсь, не жалея,
там,
где нужен другим.

Первая публикация «Буксира». «Костер» 1962

Мне тоже довелось иллюстрировать это стихотворение.

В 1964-м когда Бродского арестовали и собирались судить и выслать из Ленинграда, как тунеядца, бездельника, нигде не работавшего (просто писать стихи, даже такие замечательные, власти не считали работой, друзья из московского издательства «Малыш» попросили меня сделать и прислать им макет такой книжки, «Баллада о маленьком буксире», чтобы они заключили с автором договор и предъявили в суде, как доказательство, что автор зарабатывает себе на жизнь своим трудом. Стихи Бродского были такие емкие, что каждую строчку можно было иллюстрировать. Я сделал макет и картинки, и отослал в издательство. Дальнейшая судьба этого макета мне неизвестна. Мой друг ещё по Ленинграду — коллекционер Алик Рабинович вспоминал, что она — эта книжка — появлялась на аукционе в Нью-Йорке, потом следы её затерялись. Но «рукописи не горят…», и рисунки тоже. Надеюсь, что она где-то появится. С самим Иосифом Бродским я был хорошо знаком еще в Ленинграде. Мы с женой считали его поэтом гениальным, знали стихи его наизусть, были на суде, где его приговорили к высылке на Север в 1964 году. Провожали его в 1972 году в Америку. В 1987 году он получил Нобелевскую премию. Я сделал плакат. В Нью-Йорке мы часто виделись с ним в ресторане «Русский Самовар», владельцами которого вначале были Бродский, Михаил Барышников и наш ещё Ленинградский друг — Роман Каплан, замечательный человек. Я часто рисовал Иосифа и в Ленинграде, и в Нью-Йорке. Один рисунок 1970 года ему понравился и он надписал его. Сейчас в некоторых изданиях в России он печатается, как автопортрет Бродского. Он сам прекрасно рисовал. У меня хранится много его рисунков.

Рисунок И. Бродского

2 апреля 95 года в «Русском Самоваре он сделал замечательный рисунок — мой портрет. И надписал: «Мишеньке, с нежностью, от Иосифа». А 29 января 1996 года я нарисовал его в последний раз, в похоронном доме на Бликкер стрит, в гробу.

Я счастлив, что был знаком с этим гениальным поэтом.

ОБЛОЖКА К ДОВЛАТОВУ

Московский приятель удивлялся: «Вы в Ленинграде все знакомы друг с другом. Одни учились в одном институте, другие — вместе были в эвакуации, некоторые жили рядом, на одной улице, ходили в одну школу, а кто-то — даже в один детский сад… Да еще почти все родились в одном родильном доме, в знаменитой Снегирёвке…».

Мы с Довлатовым познакомились году в 60-м. Жена дружила с его первой женой — Асей Пекуровской, я одно время почти ежедневно виделся с ним. Он тогда работал в ленинградском пионерском журнале с «инквизиторским» (как он писал в «Невидимой книге») названием «Костер», а я был там художественным редактором.

На унылых редсоветах я все время всех рисовал, и Сережу, конечно. Он был тогда без усов и бороды, носил «хемингуэевский» свитер и выглядел именно так, как на моем шарже.

Потом он уехал, и мы слышали (если удавалось) его замечательный голос по «Свободе», видели (если удавалось) его книги — на русском и английском языках, знали о его газете «Новый американец», о публикациях в «Ньюйоркере».

А увиделись в 88 году, когда приехали с женой в гости в Нью-Йорк.

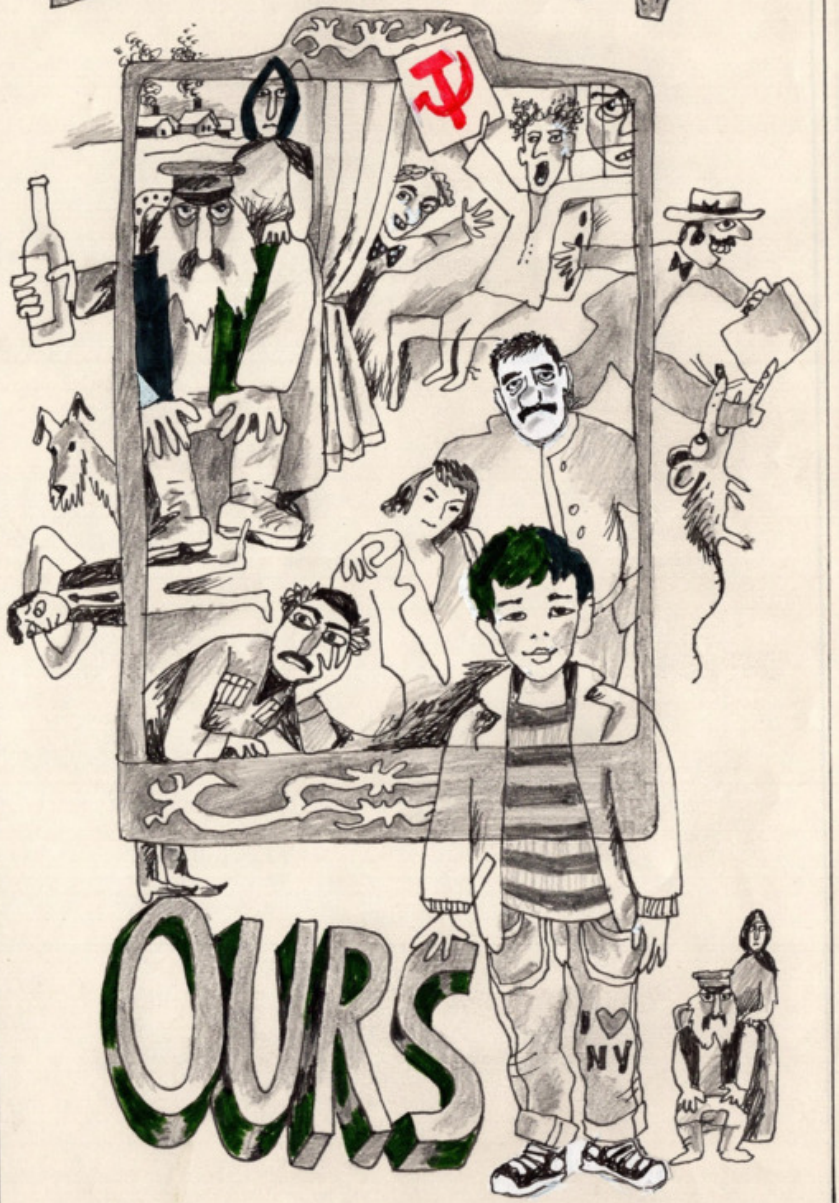
Серёжа и Лена показывали нам Манхэттен, возили на Брайтон. Сергей с восточной щедростью завалил нас подарками — «ардисовскими» репринтными изданиями Ахматовой, Мандельштама, Кузьмина. Старался передать что-то всем в Питере. Мы были одни из первых гостей из России. Поэтому Сергею Вольфу послал измеритель давления в шинах.

На мой вопрос «Зачем это ему? У него нет машины и на трамвай не всегда есть деньги» отвечал: «Ничего, пригодится!»

Жаловался на обложки к американским изданиям (на обложке к «Зоне» была нарисована лагерная камера, больше похожая на офис преуспевающей компании) и попросил сделать

обложку к его книге «Наши» (Ours). Эскиз ему понравился, он повел меня в издательство. Там тоже все понравилось, но не было кого-то, кто должен был окончательно одобрить, а мы через пару дней возвращались в Союз, и работа эта, к сожалению, не состоялась. (Потом я увидел эту обложку у него дома, в рамке на стене).

S. DOVLATOV



OURS

В 89 году мы эмигрировали и часто виделись в Нью-Йорке на общих тусовках, в «Самоваре» у Романа Каплана,

на выступлениях гостей из Питера, которых обычно представлял Довлатов, на вернисажах.

Я делал рисунки к его материалам в газете. (Он повторял там свои выступления на радио). Он всегда звонил и благодарил меня.

Мы думали сделать с ним совместную книжку. У меня накопилось множество шаржей на актеров, писателей, художников — российских, американских, французов, итальянцев. Сергей начал придумывать смешные, остроумные, изящные подписи…

В конце июля 90-го года он позвонил, поздравил меня с днем рождения. Мы с женой долго уговаривали его приехать, было много знакомых — нью-йоркских и из Питера. Но он ехал на дачу к Лене и сыну Коле.

«Я боюсь, что у тебя выпью и начнется запой…»

…Запой начался через месяц.

А после смерти началась всероссийская слава Сергея Довлатова.

Печатались книги огромными для тогдашней России тиражами (общий тираж 4 томника — 250 тысяч), ставились фильмы, спектакли, издательства судились за право издания собрания сочинений.

И сразу же «мутным потоком» хлынули воспоминания его «друзей-приятелей», многих из них он вообще не знал (книга «Ножик Довлатова» начинается фразой: «Я никогда не видел Довлатова…»), а некоторых и знать не хотел, что очевидно из изданной переписки с Игорем Ефимовым.

В 500-страничном труде Соломона Волкова «История культуры Санкт-Петербурга» из 12 строчек о Довлатове 6 — следующие: «Обаятельный, саркастичный великан Довлатов, фанатик своего ремесла, внутри предложения никогда не ставил двух слов, начинающихся с одной и той же буквы, но читатели, как правило, не замечают этого жесткого авторского самоограничения».

Это сомнительное достоинство (обходился же любимый им Чехов без этого) повторяется в сотнях воспоминаний, написанных как под копирку, но с обязательным присутствием фамилии «Довлатов» на обложке, что гарантировало читательский интерес к книге. «Довлатов на автоответчике», «Мне скучно без Довлатова», «Довлатов и окрестности», «Довлатов вниз головой», «Иудейство Довлатова», «Воспоминания Довлатова», «В кругу Довлатова».

Я нарисовал картинку: Довлатова, как надутую куклу на парадах «Мейсиса», несет бесконечная толпа его «мемуаристов», большинство нарисованных мемуаров — пародии на существующие книги.

После публикации этой «изорецензии» в газету посыпались возмущенные письма. Меня обвиняли в оскорблении памяти «… великого сына России, стоящего в одном ряду с Набоковым, Баланчиным, Цветаевой, Бродским» (цитата из письма). Но я уверен, что самому Сергею картинка бы понравилась.

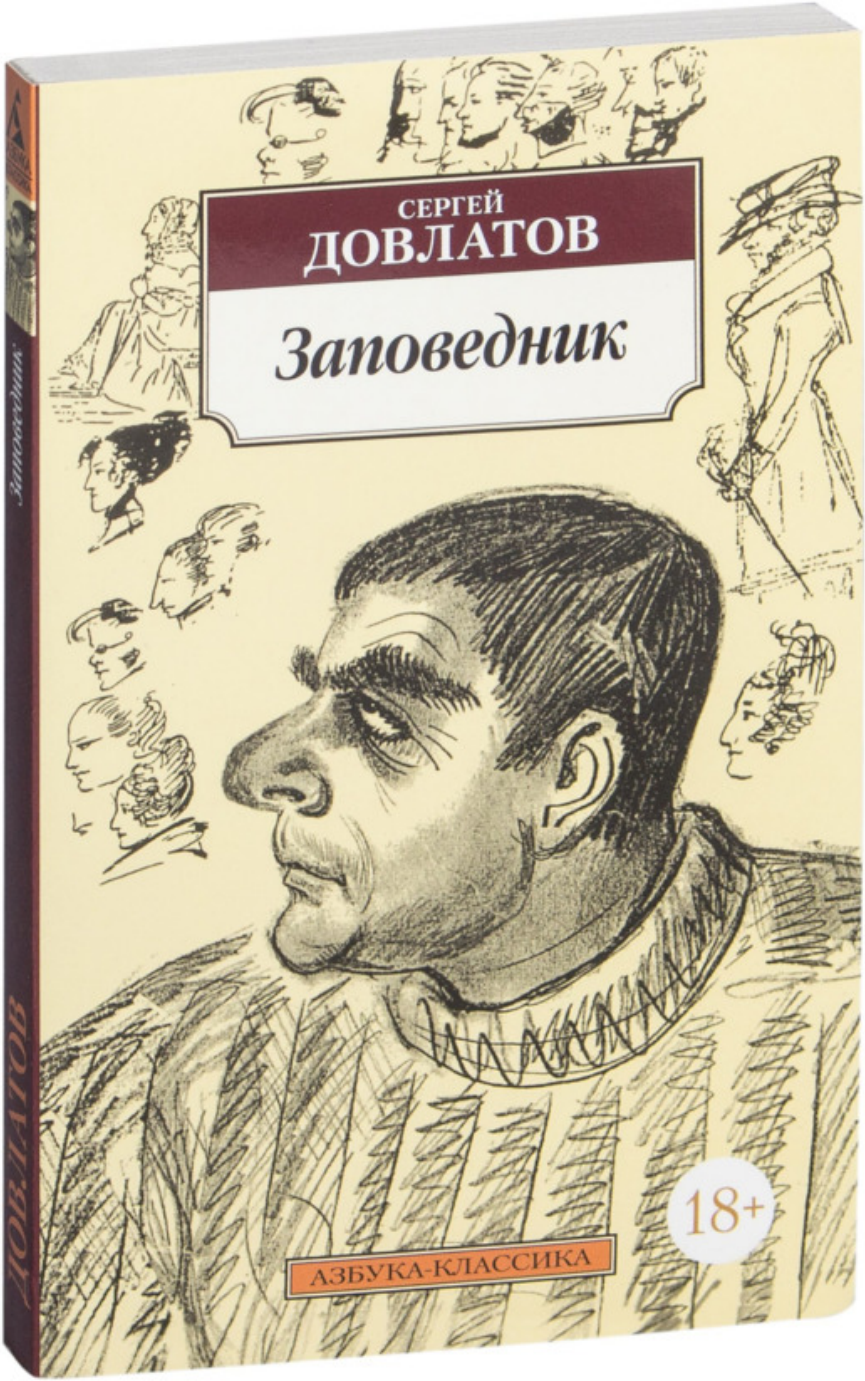
Нарисовал я Сережу и в смешной книге-пьесе «Борщ сквозь слезы» Наума Сагаловского, о котором Довлатов писал: «Много лет я проработал редактором, Сагаловский — единственная награда за мои труды. Я его обнаружил… Я притащил его в «Новый американец…»

В пьесе Сергей фигурирует как «писатель Мулатов».

А еще я часто рисовал его в иллюстрациях к рассказам, фельетонам, заметкам для газет и журналов.

А обложку к Довлатову я все же сделал. И не одну…

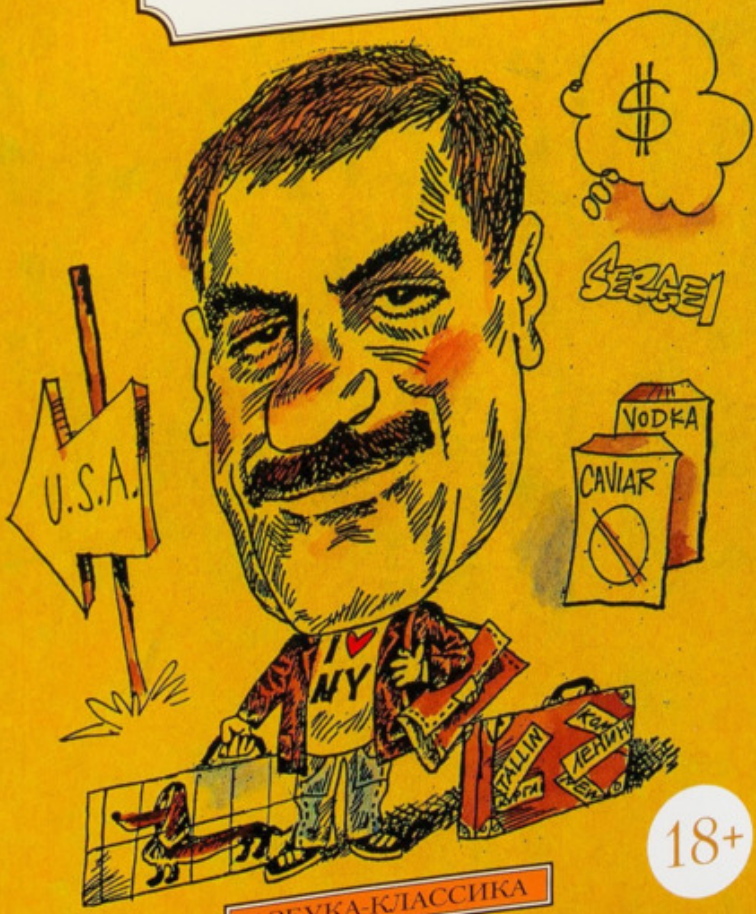
СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ
Компромисс
18+
АЗБУКА-КЛАССИКА


СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ
Заповедник
18+
АЗБУКА-КЛАССИКА

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ
Иностранка
Нью-Йорк
$895
お買物
9
ANTIQU
Аракс
DINER
MAGI
THEAT
АЗБУКА-КЛАССИКА

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Чемодан



АЗБУКА-КЛАССИКА

Чемодан
ДОВЛАТОВ

ЕВГЕНИЙ ЕВСТИГНЕЕВ

Среди тысячи дружеских шаржей, нарисованных мною, есть особенно мне дорогие, на людей, с которыми мне выпала удача быть близко знакомым или дружить.

В 1969 году театр «Современник» приехал на гастроли в Ленинград, и кто-то привел ко мне в мастерскую Евгения Евстигнеева, и мы как-то сразу с ним подружились и виделись почти каждый вечер. Его семья отдыхала на юге, моя жена Вика была в экспедиции с киногруппой, дочка Юля — на даче с бабушкой, а я получил заказ — сделать зарисовки спектакля «Современника» для Театрального музея. Я посещал все представления, а потом мы ехали в гости. Я возил его в мастерские к художникам, а диапазон его «гостеваний» был самый широкий, от всеми любимого драматурга Александра Володина до каких-то поклонниц, совершенно неожиданных.

Однажды мы оказались в роскошной квартире в старом особняке на ул. Петра Лаврова. Стол ломился от «дефицитных» явств, а за столом сидели какие-то странные девушки — перезрелые «комсомольские богини» из провинции — слушательницы Высшей Партийной школы в Таврическом дворце. Одна из них, знакомая Жени ещё по городу Владимиру, где он работал в театре, и организовала «приём» на квартире у преподавательницы — пышной обкомовской дамы с «халой» на голове. После обильного ужина начались какие-то «деревенские» танцы «с отбоем», все хотели потанцевать с Евгением Александровичем. Вообще, женщины его обожали — но и он их тоже, всех — от звёзд театра и кино до горничных и официанток.

Популярностью он пользовался фантастической, и всенародной любовью.

Однажды я проехал на Невском на красный свет. «Спокойно, не нервничай» — сказал сидящий рядом Женя, и когда гаишник собирался поставить мне «дырку», вышел из машины.

«Мишаня, а где тут у вас сигареты можно купить?» — спросил он своим неподражаемым голосом. Гаишник и дружинники буквально обалдели. «Вот здесь, Евгений Александрович, вот магазин «Табак», а гаишник, улыбаясь, вернул мне права, взял под козырек и ласково и доверительно порекомендовал: «Езжайте осторожней, Михаил Самуилович, такого человека везёте…»

Как-то Евстигнеев с женой Лилей и дочкой Машей приехали на машине в Ленинград. Они должны были переночевать у нас, а утром ехать в Карелию, в дом отдыха в Сартовало. Я ужасно нервничал. Дело в том, что в то лето каждую ночь у машин снимали стёкла. Это была какая-то жуткая эпидемия. Мы с Евстигнеевым пошли в находящееся рядом отделение милиции и обратился к дежурному: «Товарищ капитан, вот народный артист Евгений Евстигнеев проездом из Москвы. Нельзя ли на одну ночь поставить его „Мерседес“ (в то время — это была редкость) у милиции?»

«Да, пожалуйста, поставьте на служебную стоянку».

Все решилось идеально, но я почувствовал, что Женя был задет некоторым равнодушием дежурного. «Так мы можем поставить машину?» — ещё раз спросил он своим неподражаемым голосом. «Да, да, я же сказал» — ответил дежурный, не поднимая головы (он что-то писал). Но когда мы вышли на улицу, то увидели, как из всех окон буквально вываливались милиционеры и паспортистки и бурно приветствовали Евстигнеева. «Узнали» — весело подмигнул он мне.

При этом он был удивительно прост, доброжелателен, естественен.

Сам же он считался в театральных кругах таким Актер Актерычем, эдаким гениальным инструментом. «Он в другие театры не ходит, да и у нас не все спектакли видел» — шутил Олег Ефремов.

Он не был тусовщиком, не писал статьи, не давал глубокомысленных интервью.

«Я характерный актер, потому и роли играю разные. Актер должен уметь и хотеть играть всё, и Шекспира, и Шкваркина».

После спектакля «На дне» мы с женой, потрясенные его Сатиным всё ночь просидели у него в номере. Он говорил, что Козинцев пробовал его на роль Короля Лира, но предпочел вялого эстонского актера Ярвида. «Зря он меня не взял…» И он всю ночь говорил о роли, проигрывал целые монологи, показывал, и можно было только поражаться невероятно умному, страстному пониманию этой роли. Это была бы гениальная работа.

И педагогом он оказался замечательным.

Я был в Москкве на его юбилейном вечере и видел, с каким

уважением и восторженной любовью приветствовали его студенты в капустнике, они его просто боготворили.

Евгений Александрович Евстигнеев сыграл более пятидесяти ролей в театре и более ста в кино. И почти всё это были шедевры, начиная с «Голого короля». Корейко, профессор Плейшнер, «Его превосходительство» в «Скверном анекдоте» Ф. М. Достоевского, вор Ручников в «Место встречи изменить нельзя»…

А сколько еще мог бы сыграть. Он умер внезапно, в 65 лет, сердце не выдержало.

Сегодня ему исполнилось бы 80. Он собирался приехать в Америку, и мы с женой предвкушали, как будем возить его по Нью-Йорку, и он будет всем восхищаться…

РИСУЮ ЮРСКОГО

СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ

Первый шарж на Сергея Юрского я сделал году в 60-м для «капустника» в Ленинградском Доме искусств. Там пели смешные куплеты с припевом: «В Юрский период вступил БДТ…». Он тогда

дебютировал в этом театре сразу в двух спектаклях у Георгия Товстоногова.

Потом я еще не раз рисовал Юрского: по заказу Театрального музея нарисовал его в спектакле «Карьера Артура Уи», где он гениально играл Дживоллу (Ибельса),

Каждая роль Юрского в театре и кино становилась незабываемым событием…

Чацкий, Мольер, Тузенбах, Остап Бендер, Осип в «Ревизоре». И фантастически смешные персонажи в «капустниках» в том Доме искусств. Как досадно, что в нашей юности видеокамеры были редкостью и никто всего этого не снимал. В 1988 году я использовал его выразительный профиль для образа главного героя в иллюстрациях к роману Марка Твена «Янки при дворе короля Артура». Рисунки эти неоднократно экспонировались на книжных выставках.

ЮРСКИЙ "В РОЛИ" "ЯНКИ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА "

И еще мне хотелось сказать: Сергей Юрьевич — благороднейший человек в самом высоком смысле этого слова. Помню, с какой самоотдачей он и его жена — прекрасная актриса Наташа Тенякова — опекали ленинградского поэта Льва Друскина, с детства прикованного к постели (у Друскиных мы

с женой и познакомились с Юрским).

ПОЭТ ЛЕВ ДРУСКИН

Пользуясь невероятной своей популярностью, они помогали решить вопрос с квартирой, с телефоном, с дачей в Литфонде (гуманисты братья-писатели отправляли письма в Союз писателей о том, что соседство в Комарово, в Доме творчества писателей

с инвалидом мешает им работать, создавать антимистические произведения). Юрские без конца ездили на завод, чтобы жене Левы — Лиле (тоже инвалиду) сделали «нормальный» протез. В то время в нашей стране все это было огромной проблемой. И когда Ленинградское ГБ вынудило Друскинных эмигрировать « за связь с иностранцами и чтение «самиздата», Сергей и Наташа продолжали опекать их до самого отъезда.

В 1999 году, приехав в Нью-Йорк, Юрский разыскал нас и весь вечер с восторгом говорил жене о ее повести «Берег», которую он прочел, будучи членом жюри премии Букера, и только потом узнал, что автор В. Платова — это Виктория Беломлинская.

ВИКТОРИЯ БЕЛОМЛИНСКАЯ, РОМАН КАПЛАН И СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ В «РУССКОМ САМОВАРЕ»

В сентябре 2002 года мы были на концерте в «Миллениуме», где Юрский блистательно читал Пушкина, Пастернака, Бродского…, свои замечательные смешные рассказы. Потом сидели в «Самоваре», у Романа Каплана, и я сделал этот рисунок.

ПАМЯТИ МИХАИЛА КОЗАКОВА

МИХАИЛ КАЗАКОВ

Михаил Козаков родился и жил в Ленинграде. Там он более года учился в хореографическом училище — оттуда его замечательная пластичность.

После школы переехал в Москву и поступил в школу — студию МХАТа.

Еще в студии знаменитый режиссер Михаил Ромм снял его в нашумевшем фильме времен холодной войны -" Убийство на улице Данте», где Козаков играл фашиствующего «плейбоя», который убивает свою маму — коммунистку.

Фильм имел бешенный успех и сам Козаков, и сам Париж, снятый в Таллине, где тогда снимались все советские фильмы про западную жизнь.

В начале эксплуатировалось отрицательное обаяние внешности актера, но в дальнейшем он играл и положительных героев вплоть до Дзержинского, на которого в гриме был потрясающе похож. Вообще, внешность он имел незаурядную. Высокий благородный лоб, не глаза а ОЧИ, огромные с поволокой, точенный нос, капризные губы — вылитый средневековый портрет работы Пьеро Дело Франческо.

Как актер, он не относился к моим любимцам — гениальным Смоктуновскому или Евстигнееву, но личностью он был незаурядной. И играл, и книги писал, и кинофильмы снимал, и спектакли ставил, и стихи читал замечательно. Я хорошо был знаком еще в Питере.

Несколько лет Козаков жил в Израиле, выучил иврит и играл на иврите.

Всякий раз, когда он оказывался в Нью Йорке, мы виделись, гуляли по городу, ходили в мызеи, часто сидели в знаменитом ресторане «Самовар» у Романа Коплана, где я и нарисовал на него шарж, а он тут же написал на нем экспромт:

«Михаил, Мишаня, Майкл, Миша тож,

Подтверждаю: этот даун на меня похож…»

И расписался — Козаков.

ПРО ЛЮДМИЛУ ГУРЧЕНКО

После премьеры фильма «Небесные ласточки» мы всей нашей компанией поехали ужинать к знакомому хирургу, в его огромную квартиру, у Летнего сада, из окон которой был виден канал Грибоедова и Храм Спаса на Крови. По длинному коридору квартиры носились двухлетние близнецы, и родители не укладывали их спать, как бы приглашая гостей поумиляться этими своими поздними детьми…

Но Людмила Марковна довольно решительно прекратила эту вакхоналию: — «А ну-ка дети, спать пошли, быстро, мы жрать хотим!!!»

Ужинать в Доме Кино, где была премьера, Гурченко не захотела «Начнут подходить каждую минуту за автографами. Поесть не дадут».

В фильме — это был ремейк по оперетте «Мадемуазель Нитуш» — Гурченко играла капризную звезду Мюзик-Хола. Новую музыку написал мой друг композитор Виктор Лебедев, а стихи — поэт Владимир Уфлянд, тоже мой друг.

За ужином обсуждали замечательный фильм Алексея Германа «20 дней без войны» по сценарию Константина Симонова, где Гурченко потрясающе сыграла роль актрисы, в эвакуации, в Ташкенте. Она говорила:

— «Герман этот ваш „гениальный“… Посреди съёмки вдруг встанет, на полчаса, пузо чешет, „думает“, как бы ещё повыпендриваться посильней»…

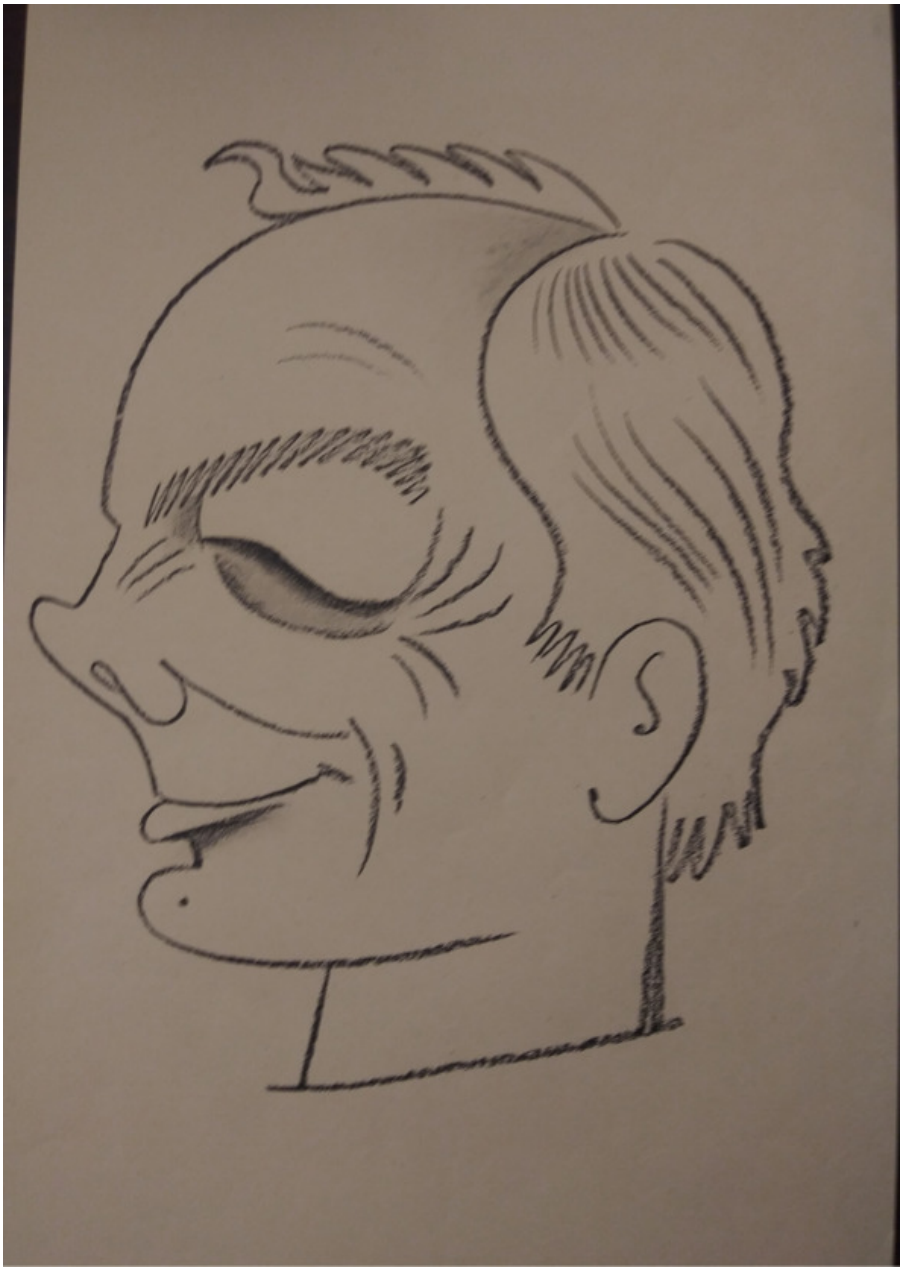
— «Юрку Никулина мне в партнёры взял, мудак. Я Юрку очень люблю. Он гениальный клоун, но лечь с ним в койку, да ещё страсть изображать, ну не могу я, не стоит у меня на него, хоть тресни…»

Вспомнили мы и фильм ленинградского режиссёра Владимира Венгерова «Город зажигает огни», по повести знаменитого Виктора Некрасова.

Там вместе с Гурченко замечательно сыграл роль ослепшего во время войны после ранения солдата Олег Борисов — тоже потрясающий актер, работающий в Ленинградском драматическом театре у Георгия Товстоногова.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ
Памяти Кирилла Лаврова

Коль вдруг недоброю порой
Его обидеть захотите,
Перо немедля положите…
Он — положительный герой!
Александр Иванов



КИРИЛЛ ЛАВРОВ

В 1985 году в Ленинграде торжественно отмечали шестидесятилетие Народного артиста СССР Кирилла Юрьевича Лаврова. К этому времени он стал как бы представителем Ленинградской творческой интеллигенции в стране. Ему вручили звезду Героя Социалистического Труда, и праздник в помещении Большого драматического театра выглядел как государственное

мероприятие.

На сцену выходили рабочие и колхозники, военные и милиционеры, ветераны и пионеры, представители творческих союзов со всей страны.

От Ленинградского Союза художников его поздравляли тогдашний председатель Союза Аникушин и мы — я и мой друг художник Леня Каминский.

К тому времени мы зарекомендовали себя как остроумные и изобретательные «поздравители» — оба делали шаржи, а Леня еще и стихи писал, очень смешные.

Мы вынесли на сцену большой мольберт, на доске были прикноплены листы бумаги с большой дыркой посередине, в которой был виден шарж на Лаврова. Под сопровождение смешных стихов я снимал по одному листу, и всякий раз появлялся новый Лавров, т. е. в новом костюме, но с той же головой: городничий из «Ревизора», Молчалин, Соленый, секретарь парткома и т. д. А на последнем листе Лавров был в костюме Сирано де Бержерака. И под Лёнин текст «И вот теперь уже давно сыграть пора вам Сирано!» я медленно из курносого носика Лаврова вытаскивал длинный, как у Буратино, нос Сирано. Успех был огромный, нам долго хлопали, Лавров хохотал, а в конце вечера пригласил нас на банкет в Дом искусств. «Ребята, захватите альбомы, карандаши, может быть, шаржи захотите порисовать, там много замечательных людей будет…»

Перед банкетом все смотрели в кинозале ролик про юбиляра, а потом чинно направились в ресторан и расселись за сдвинутые рядами столы, уставленные невероятно вкусными закусками. Выпить хотелось немедленно. Везде возвышались батареи сверкающих бутылок… с лимонадом, сельтерской и хрустальные кувшины с соком. Это был шок, никто не верил своим глазам, но это было так…

Увы, юбилей этот пришелся на самый пик борьбы Горбачева с пьянством, по телевизору и радио без конца передавали бредовые репортажи с«безалкогольных праздников…». В общем… «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Зрелище было совершенно сюрреалистическое: произносят замечательные тосты (его все любили, он помогал актерам с получением квартиры, или когда нужно было поместить кого-то в хорошую больницу, или поставить телефон), а все уныло поднимают бокалы с лимонадом.

Но… не все.

Недаром мы зарекомендовали себя как остроумные и изобретательные. Мы пришли с сумками, в них были альбомы,

карандаши и… бутылки из-под лимонада с коньяком и водкой. Незаметно присоединили их к батареям бутылок на столе и только из них и наливали.

Но не только себе. Рядом сидел мрачный Басилашвили. «Олег, не хотите ли?», — я протянул ему бокал. «Да не хочу я этого лимонада!», — зло ответил Басик, но потом принюхался своим хищным носом и залпом выпил бокал. «Боже мой, — зашептал он, — ну какие вы умницы, какие умницы. Я ведь чуть с ума не сошел от этого кошмара…»

Постепенно мы налили соседям рядом и напротив, и все уже с восторгом поднимали бокалы.

Лавров сидел среди начальства, за центральным столом, стоящим поперек, но время от времени выходил из «президиума» и шел «чокаться» то к одной группе гостей, то к другой.

Подойдя к нам, он сразу все понял и тоже зашептал: «Господи, ну какие вы, художники, молодцы! Только прошу, чтоб никто «оттуда» не увидел, а то у меня будут большие неприятности. Я ведь чуть не на коленях стоял в обкоме, умолял: «Ну можно хоть шампанское-то брату-актеру…», а «они» — он показал на «президиум» — ни в коем случае, вы ведь, Кирилл Юрьевич, депутат, член обкома, Герой Соцтруда. Вы должны показывать пример «безалкогольного юбилея!» Представляете?»

Он выпил бокал «нашего» лимонада и двинулся «к ним». А мы с братьями-актерами продолжали выпивать за «положительного героя» и замечательного артиста Кирилла Лаврова.

ОДИН ДЕНЬ С РЯЗАНОВЫМ

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

Эльдара Александровича Рязанова я видел наяву один раз, но этот день получился таким насыщенным и колоритным, что я запомнил его во всех подробностях, кроме окончания, которое у меня, разумеется, совершенно выпало из памяти.

Это случилось в Ленинграде, где снималась комедия «Невероятные приключения итальянцев в России» и где роль итальянца со сломанной ногой играл замечательный актер Евгений Евстигнеев, с которым я несколько лет назад подружился и с которым хотел познакомить лучшего моего друга, замечательного художника и очень остроумного человека Георгия Ковенчука. Мы дружили с ним с пятого класса Художественной школы в Ленинграде, знаменитой СХШ. Но знакомство как-то

не получалось: когда Евстигнеев оказывался в Питере, там не оказывалось Ковенчука.

Гага (так со школы и до сих пор все его зовут) — человек очень подвижный. Он уезжал рисовать то на БАМ, то на Сахалин, то ещё куда-нибудь. А тут всё совпало, и мы, захватив пару бутылок коньяка, пришли к Петропавловской крепости, где должна была идти съёмка, но не началась, так как накрапывал мелкий дождик.

Милиционер пропустил нас к домику, где, отвязав гипсовый протез, отдыхал загримированный Евстигнеев. Я познакомил его с Гагой. Они, как я и предполагал, понравились друг другу, и мы начали понемногу выпивать и закусывать.

В это время и появился Эльдар Александрович, как в телевизоре, и объявил, что, к сожалению, съемки отменяются. «Конечно, у природы нет плохой погоды, но этот ваш бесконечный ленинградский дождичек совершенно не годится для кино…» Мы с Гагой очень обрадовались и предложили поехать пообедать в «Асторию». На студийной машине все отправились на Исаакиевскую площадь.

Вообще-то в «Асторию» пускали только иностранцев. И попадали мы туда всегда, преодолевая какие-то препятствия. Но сейчас, под прикрытием всенародно известных Евстигнеева и Рязанова, мы уверенно туда двинулись.

Но то ли швейцар не узнал непрезентабельно одетого Евстигнеева, то ли вообще не смотрел кино и телевизор, но он решительно преградил нам путь и грубо спросил: «А вы куда?» На что Женя тоже грубо ответил: «В баню!» «А тут не баня», — еще более грубо ответил дурак швейцар и стал нас отпихивать от входа.

К счастью, всё это заметил администратор. Он шикнул на швейцара и с бесконечными извинениями провёл нас в зал и усадил за столик. Но не успели мы сесть, как к нашему столику двинулись две дамы. Одна пригласила танцевать Евстигнеева, а вторая, оглядев оставшихся, выбрала Гагу.

Он был в восторге. «Представляете, меня в первый раз пригласили танцевать, обычно не приглашали, потому что я лысый». «Я тоже лысый, и ничего», — хмыкнул Евстигнеев. «Но вы же знаменитый…» «Ты тоже знаменитый, но художник, а художников в лицо никто не знает», — успокоил я Гагу. «Режиссёров тоже не знают, — подтвердил Рязанов. — Меня-то ещё знают — я кинопанораму веду, а так не знают ни режиссёров, ни сценаристов, — только актеров», — он кивнул на Евстигнеева.

«А я тоже чуть не снялся в кино — стал с горечью рассказывать Гага. — Меня знакомый режиссёр пригласил

на главную роль, мне даже парик уже сделали.

(У Гаги была очень выразительная и колоритная голова, он был похож на раздобревшего Юла Бриннера), но против меня очень Баниониc интриговал, и взяли его».

Рязанов от этого рассказа хохотал до слез. В общем, все шло замечательно. Гога был «в ударе». Рязанов рассказывал про итальянцев, я рисовал шаржи, Евстигнеев талантливо ухмылялся. Его всё время приглашали танцевать.

Обед перешел в ужин. Расходиться никому не хотелось. От возбуждения и веселья мы с Гагой уже сильно опьянели, но вспомнили, что сегодня день рождения у нашей приятельницы Наташи. Она жила в коммуналке. И у неё в огромной комнате собирался весь богемный Питер. Мы предложили поехать к ней. «Вам как режиссеру это будет интересно, вы увидите всю вторую литературную действительность нашего города. И сама Наташа — талантливый и оригинальный киновед. Вам обязательно надо с ней познакомиться», — убеждал Рязанова пьяный Гага.

У Наташи, действительно, было полно народу, тоже сильно выпившего. Наше появление с Рязановым и Евстигнеевым вызвало у провинциальных питерцев новый прилив энергии. Все обрадовались тому, что мы привезли выпивку. Евстигнеев сразу «заклеил» какую-то красавицу-художницу, а Наташа завела киноведческий разговор с Рязановым. Мы же с Гагой выпили ещё и окончательно отключились. Нас отвели в находящуюся рядом ванную.

В этой коммуналке в ванной не мылись, но складывали туда грязное бельё для стирки. Вот на это бельё, хорошо что не замоченное, нас и уложили.

Прощаясь Рязанов спросил: «Наташенька, а где же художники, которые нас сюда привезли, я их давно уже не вижу». «А вот они!» — Наташа открыла дверь в ванную. «Вы лежали, как два младенца в колыбели. Рязанов с нежностью на вас посмотрел и сказал «Какие они милые, эти ленинградские художники».

Но мы, к сожалению, этих слов уже не слышали.

Сейчас я вспоминаю этот день. И вообще все фильмы и передачи Эльдара Александровича, всё, чем он так украшал и продолжает украшать нашу жизнь, и испытываю чувство глубокой благодарности к нему.

Мы желаем вам, дорогой Эльдар Александрович, ещё многих лет жизни, здоровья и новых творческих успехов на радость нам всем.

ОПЕРАЦИЯ «ТОСТ» И ДРУГИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШУРИКА

АЛЕКСАНДР ДЕМЬЯНЕНКО

Для ленинградского журнала «Аврора» моя жена Вика написала статью про актёра Александра Демьяненко — знаменитого «Шурика».

И в редакции, и актёру статья понравилась, а самое главное — она понравилась жене актёра — красавице Марине, барышне гоношливой и претенциозной. Мы познакомились, подружились и часто выпивали у меня в мастерской.

В какой-то момент Демьяненко уехали отдыхать в Грузию, и режиссёр Товстоногов дал им телефон своего племянника Томаза, который и опекал их там. Был он сыном начальника «Заготфрукта Грузии», и можно себе представить, какими финансовыми возможностями он располагал. Всё это, помноженное на традиционное грузинское гостеприимство, сделало их поездку совершенно сказочной. «Это было что-то из «Тысячи и одной ночи», — не переставала вспоминать Марина.

И вдруг этот Томаз совершенно неожиданно прилетел в Ленинград, да ещё с четырьмя приятелями.

«Понимаешь, Сашенька, Мариночка, дорогие, мы выпивали в аэропорту, а потом вдруг решили вас повидать…»

Они поселились в номере-«люкс» в лучшей гостинице «Европейская» и каждый вечер «накрывали стол» в ресторане.

В какой-то момент Марина позвонила нам и взмолилась: «Я вас умоляю, приезжайте, мы уже не знаем, что с ними делать, они такие скучные, ни в музеи, ни в театры не ходят, только сидят за столом, тоска зелёная, мы с Сашей уже без сил, приезжайте, умоляю…»

Мы приехали. Грузины действительно оказались на редкость неинтересными, вялыми. Совершенно непохожими на наших знакомых грузин, художников, темпераментных, весёлых, загульных красавцев. Но моя жена Вика (наполовину армянка), энергичная, талантливая, постепенно «раскочегарила» компанию.

Она произносила замечательные тосты, читала прекрасные стихи о Грузии, заставила весь зал петь «Сулико» и танцевать лезгинку; в общем, вечер превратился в дивный праздник, а Вика совершенно очаровала грузин. На свою голову, как выяснилось, ибо на следующий день позвонил ласковый Томаз: «Викочка, дорогая, Мишенька! Приезжайте, стол уже накрыт… Ждем вас…»

Потребовалось много сил, чтоб объяснить ребятам, что «Мишеньку» вызвали в редакцию делать срочно рисунок, а она, Вика, после вчерашнего от головной боли даже с кровати встать не может.

Этот звонок — «стол накрыт» — продолжался ещё

недели две…

В какой-то момент позвонил Саша и попросил меня: «Я тебя умоляю, я каждый вечер с ними, и этот Томаз платит за меня и за моих гостей, я хочу сам оплатить стол!»

Мы пришли, «накрыли стол» до их прихода и всё оплатили заранее.

В конце вечера, когда Томаз попросил счёт и официант сказал: «Не беспокойтесь, всё уже оплачено…», Томаз ласково попрекнул нас: «Сашенька, Мишенька, зачем обижаете», — и оплатил счёт ещё раз!… На наших глазах!!!

Но вот наступил декабрь, и грузины наконец собрались на Новый год домой.

Достать билеты в это время было нереально. Саша поставил на ноги весь Ленфильм, и наконец все пять драгоценных билетов были получены и вручены каждому.

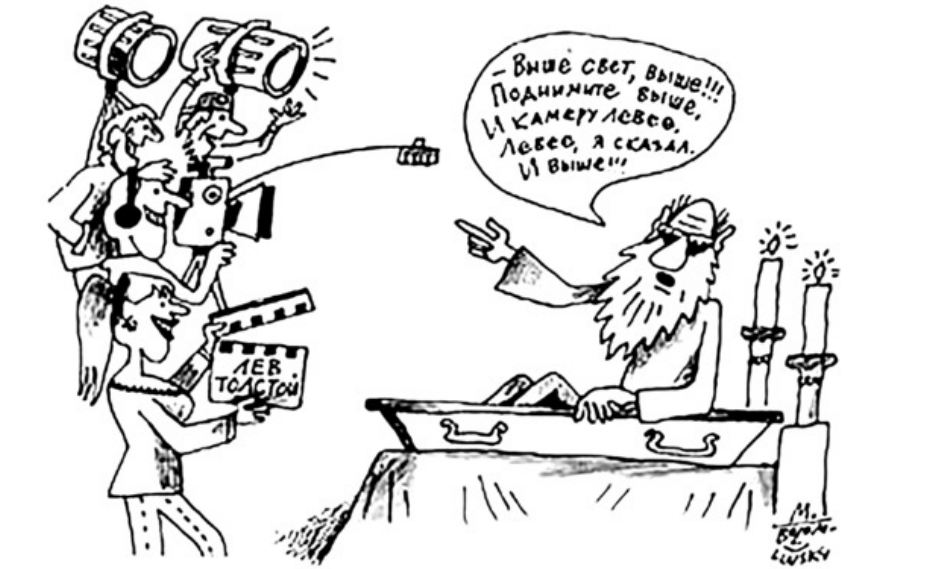
Наступил последний вечер. Марина позвонила нам: «Умоляю, приезжайте. Они хотят попрощаться с Вами. Они улетают завтра… Я уже не верю в это…»

Мы приехали. И тут вздорная Марина решила взять реванш за тот, первый вечер. Она тоже стала танцевать лезгинку, произносить «восточные» тосты и, потеряв бдительность, ляпнула: «Я хочу поднять этот бокал за этот стол, чтоб он был и завтра, и послезавтра, и всегда…»

И тут, наконец, наши грузины повели себя как настоящие грузины. Не сговариваясь, они все встали и со словами «Молодец, Мариночка! Золотые слова!» вытащили свои бесценные билеты и порвали их в клочки на глазах обезумевшего Саши. Чудо, что его не хватил инфаркт в этот момент. Мы бросились с ним под стол собирать обрывки билетов.

А на следующее утро, сорвав съёмку, Саша поехал с грузинами в аэропорт и, пользуясь своей всесоюзной популярностью, раздавая открытки с автографами, умолил начальство восстановить им билеты и посадить в самолёт. И только убедившись, что они улетели в Тбилиси, бедный «Шурик» наконец вернулся домой, все еще не веря своему счастью.

РЕЖИССЕР СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ



Первый раз я увидел, как снимают кино лет в шесть. На улице Миллионной, в Ленинграде, где мы тогда жили. В то время она называлась улица Халтурина. Снимали фильм «Маскарад» по пьесе Лермонтова.

По улице неслась великолепная карета, в ней сидела красавица, в старинной шляпе с пером, актриса Тамара Макарова. Карета с разбегу заворачивала на Лебяжью Канавку, потом возвращалась, и все снимали сначала. Потом я смотрел этот фильм и сцена, которую снимали весь день, промелькнула на экране на несколько секунд. Снимал этот фильм знаменитый советский режиссер Сергей Герасимов. Он снял много известных фильмов — «Семеро смелых», «У озера», «Молодая гвардия» и замечательный многосерийный фильм «Тихий Дон» по роману Шолохова. А в 1984 году пожилой режиссер снимал фильм о последних днях жизни великого русского писателя Льва Толстого, где роль Толстого сыграл сам Герасимов. Он был замечательным актером очень похожим на Толстого. Такой же широкий нос и маленькие волчьи глаза.

И хотя к концу жизни большая белая борода закрывала почти все лицо писателя и загримировать под него легко было любого — но загримированный Герасимов был похож на Толстого просто невероятно.

Мой знакомый оператор рассказывал об одной из последних съемок — с прощанием с лежащим в гробу писателем.

Герасимову все предлагали положить в гроб дублера. «Ведь ему ничего не надо играть, лежи себе и всё..», но режиссер хотел во что бы то ни стало сниматься сам, до конца.

И вот идет съемка одного из последних эпизодов фильма. В студии — траурная тишина. Ярко светят осветительные приборы — дзиги, у гроба горят свечи, в гробу до иллюзорности похожий на оригинал писатель. Впечатление, что идет документальная съемка.

Софья Андреевна — ее играла постаревшая Тамара Макарова — склонилась над усопшим мужем. Скорбная мелодия. И вдруг в этой атмосфере печали и траура, совершенно неожиданно Герасимов-Толстой вскакивает в гробу и кричит: «Выше свет, выше!!! Поднимите свет выше.., и камеру левее, … левее, я сказал, левее!!!»

В первый момент от неожиданности все просто оторопели, а потом начали дико хохотать, и остановиться было невозможно, такая сюрреалистическая получилась сцена.

Потом Толстой опять улегся в гроб, гримеры поправили бороду и грим, и съемка продолжалась, но недолго. Через несколько минут всё опять повторилось.

Это продолжалось бесконечно. Темпераментный режиссер вскакивал, давал новые ценные советы, опять ложился…

Группа уже не могла работать. Все буквально «умирали» от истерического хохота.

Съемка не состоялась. На следующий день Герасимова уговорили; он занял свое режиссерское место, а в гробу спокойно лежал дублер загримированный под Льва Николаевича Толстого.

ВЛАДИМИР ГАЛЬБА

«Блиц-крик и Фриц-вой»

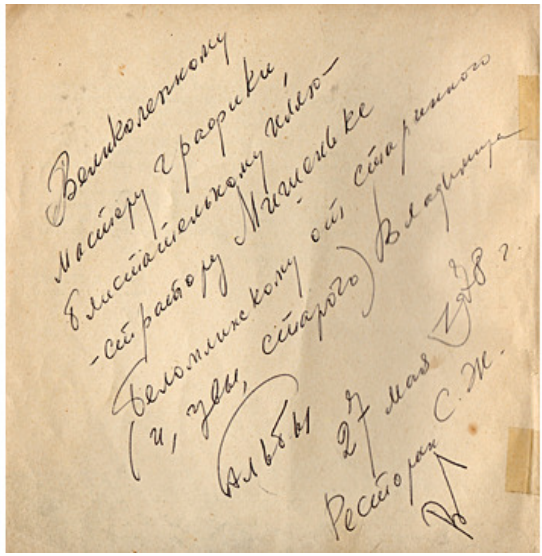
Этот альбом карикатур замечательного Ленинградского художника Владимира Александровича Гальбы вышел в 1944 году, сразу после снятия Ленинградской блокады.

Здесь собраны рисунки, сделанные Гальбой в блокадном городе.

Школьником я рисовал карикатуры, на фашистов, на Гитлера, и Гальба был моим любимым художником. Я собирал все его рисунки, вырезал из газет и журналов.

Альбом этот без конца рассматривал, (провез с собой в Америку), а когда я закончил графический факультет ин-та им. Репина, я познакомился и подружился с этим великолепным художником и прекрасным человеком.

Рисунок В. Гальбы



Младший представитель знаменитой ленинградской графической школы — он начал работать и печататься рядом с маститыми мастерами. Николай Радлов, Владимир Лебедев, Борис Антоновский, Лев Бродаты, Бронислав Малаховский были его учителями.

Он был «фанатом» искусства карикатуры, у него была прекрасная библиотека по истории этого искусства, и мы, молодые художники, часто собирались у него, и рассматривали его коллекцию.

Знакомил он нас и с современными мастерами Запада, альбомы которых он привозил из туристских поездок. У него впервые я увидел рисунки Адамса, Сола Стейнберга, Сине,

Был он великолепным рассказчиком, и очень остроумным человеком. В одну из туристских поездок во Францию Гальба прозвал «вельможную» даму, жену Лауреата Сталинской премии, автора бездарного «производственного» романа «Сталь и шлак» — «Мадам де Сталь, мадам де Шлак».

Проходя мимо афиши выставки придворного художника, процветавшего при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе, он говорил: «О! Смотрите, открывается выставка Налбандяна, надо будет не пойти!»

Когда я спросил, почему ему, заслуженному художнику, не дают звания, он показал на свой семитский нос: — «Я не подхожу им по профилю».

В послевоенные годы он иллюстрировал много книг — «Чиполино» Джанни Родари, «Похождения Насреддина» Л. Соловьева, «12 стульев» Ильфа и Петрова, «Доктора Айболита», часто рисовал для детских журналов. Делал великолепные

шаржи, особенно любил рисовать цирковых артистов. Цирк обожал, сам занимался борьбой.

Про войну рассказывал: «Голодные, под непрерывными обстрелами мы почти каждый день собирались в литографской мастерской, и коченевшими от холода руками рисовали на литографских камнях карикатуры, плакаты, листовки. Они печатались в „Ленинградской правде“, в „Окнах ТАСС“, в прифронтовых газетах, наклеивались на танки. Однажды я получил особое задание, меня привезли на передовую и я нарисовал на ткани несколько гигантских, многометровых карикатур на фашистских главарей — Гитлера, Гебельса, Геринга, Гимлера. Они были совершенно „неприличного“ содержания. Ночью их повесили на высоченные линии электропередач и утром, когда рассвело из немецких окопов раздался <дружный> хохот. Потом немцы несколько раз пытались снять эти „карикатуры“, и огромное количество фашистов погибло от выстрелов наших снайперов. Я получил благодарность от маршала Говорова».

УЧИТЕЛЬ СМЕХА

ЛЕОНИД КАМИНСКИЙ

«Учитель смеха» — Леонид Каминский. Художник, писатель, поэт, журналист, артист, режиссер… Закончил архитектурный институт, потом полиграфический. Работал прорабом, делал юмористические рисунки для газет и журналов…

Я познакомился и подружился с Леней в 70-е годы, когда он пришел в коллектив ленинградских художников-юмористов «Боевой карандаш», где сделал сотни смешных плакатов. У него выработался свой, узнаваемый стиль, образцом был для него русский народный лубок. И стихи он сам писал, в виде «раёшника». У него всегда была какая-то неожиданная парадоксальная словесная игра.

Крылатую фразу Митрофанушки из фонвизинского «Недоросля» — «Не хочу учиться, а хочу жениться!» — он перевернул, и она приобрела новый, смешной смысл… «Не хочу жениться, а хочу учиться!» И такой текст:

А вот плакат про гостиницу. Помните, какая это была проблема в Союзе?

«Вы уже не жилец!» — кричит уборщица спящему постояльцу.

Командированный с испугу чуть не помер.

Кричит дежурная: «Освобождайте номер! Давай, папаша, побыстрее шевелись ты! Сегодня прибывают интуристы».

Поражает виртуозная простота всех лёниных текстов.

Когда у Леонида Каминского родилась дочка Маша, он начал писать детские стихи и рассказы, сам делал к ним веселые рисунки. Все это чаталось в журналах «Мурзилка», «Веселые картинки», «Костер».

В «Костре» Лёня много лет проработал в отделе юмора. Он собирал смешные отрывки из детских сочинений, из писем в редакцию, которые присылали сами дети. Все это, вместе с его рассказами, стихами и рисунками, вошло в удивительную книгу «Уроки смеха» — буквально энциклопедию детского юмора. Книга все время переиздавалась, а на сцене ленинградского театра «Эксперимент» появился потрясающий спектакль «Урок смеха», где Каминских изображал «учителя смеха», а поэт Ефим Ефимовский и композитор Владимир Сапожников — учеников! Дети-зрители тоже принимали участие в спектаклях, которые всегда были разные, всегда — импровизация. Залы ломились от зрителей, на спектакль ходили по многу раз, его показывали в школах и пионерлагерях, с ним ездили в разные города Союза, а в 1988 году Леёня Каминский приезжал даже в Нью-Йорк.

Фразы из детских писем и сочинений уже стали классикой:

«Многие ребята в нашем пионерлагере просятся домой, а я буду терпеть — мне здесь нравится!»

«Когда Суворов был маленьким, он рано вставал, делал зарядку, умывался и шел воевать с татаро-монголами».

«На голове Ильи Муромца был шлем, а на ногах ботинки

с древними шнурками».

«Каждый год 7 ноября в нашей стране совершается Великая Октябрьская революция».

«Чапаев всегда скакал в бою впереди своей лошади».

Особенно много смешного написано в детских письмах о Пушкине:

«У маленького Саши была очень хорощая, добрая няня Арина Родионовна. По вечерам она рассказывала Саше стихи и сказки Пушкина».

«В Пушкина на дуэли стрелял француз-дантист».

«В образе Татьяны Пушкин первый отобразил всю полноту русской женщины».

«Маша побледнела, узнав, что ее сватает Верейский». Тогда Кирилла Петрович строго сказал: «Маша, выйди из комнаты и вернись к нам навеселе!»

Однажды Лёня прочитал в присланном ему письме:

«Юного Пушкина заметил на экзамене в лицее старик Дзержинский».

Выступая в школе, Лёня спросил:

— Вот я тут получил такое письмо… А как правильно надо было сказать? Кто заметил Пушкина на лицейском экзамене?

Молчание.

Лёня подсказывает:

— Ну, смелее… — Старик…

— Хоттабыч?! — крикнула девочка из первого ряда.

ХУДОЖНИК ВИКТОР ЧИЖИКОВ

ВИКТОР ЧИЖИКОВ

Удивительно, как подходят ему его имя и фамилия. Звучит, как цирковое объявление: «А сейчас перед вами — Виктор

Чижиков!»

Я познакомился и сразу подружился с ним лет 50 назад, в Доме творчества художников в Паланге. Мы — группа художников-иллюстраторов — жили и работали там 2 месяца. И хотя вся группа была замечательная: Веня Лосин, Женя Монин, Володя Перцев, Коля Устинов, Витя Дувидов — москвичи, а еще художники из Армении, с Украины, из Литвы, Витя выделялся среди всех. На редкость доброжелательный, прекрасный остроумный рассказчик, неутомимый заводила и гуляка, попадавший в самые невероятные приключения, всеобщий любимец и коллег-художников, и писателей, и редакторов.

Виктор Чижиков проиллюстрировал абсолютно все весёлые детские книжки… «Доктор Айболит», «Золотой ключик», «Алиса в стране чудес», «Винни-Пух», «Сказки Андерсена» и Эдуарда Успенского, С. Михалкова, Джанни Родари, К. Чуковского, А. Барто и сотни других. Он автор знаменитого Олимпийского Миши…

Виктор нарисовал бесчисленное количество дружеских шаржей, совершенно потрясающих, всегда каких-то изящных, элегантных. Его шаржем на меня я не перестаю восхищаться все эти годы…

Наши мастерские были рядом и я неоднократно видел, сколько труда он вкладывал, чтобы возникали эти лёгкие и изящные, как на японских гравюрах, пейзажи, среди которых уютно жили его герои: все эти леса, поляны, озёра, избушки и церквушки, греческие храмы и средневековые замки, Лондон и Амстердам.

И хотя Чижиков замечательно рисует всех своих героев, и людей, и зверей, — всех этих тигров, зайцев, поросят и бесчисленное количество уморительных коров (причём все они имеют индивидуальный характер), наиболее любимые его персонажи — коты. При такой птичьей фамилии мазохизм какой-то.

«333 кота» — называется одна из книжек, им придуманная. А сейчас он рисует серию «Коты великих людей».

Я видел рисунок «Кот Шаляпина»: блестящее пародийное повторение Кустодиевского портрета — Кот в роскошной шубе.

«Кот Есенина» тонет в озере и кричит сидящему на берегу псу: «Дай, Джим, на счастье лапу мне!!!»

А «Кот Гоголя» прячется в камышах у Днепра с большой рогаткой и злорадно улыбается: «Редкая птица долетит до середины Днепра…».

Художник делал рисунки и в «Мурзилку», и в «Веселые картинки», и в «Крокодил», где и была напечатана серия «Великие

за партой», которую мы предлагаем нашим читателям с любезного разрешения художника.

Виктор Чижиков пожелал «Русскому базару» и его читателям всего самого хорошего — здоровья, удачи, счастья — и настойчиво рекомендовал никогда не терять чувство юмора.

А Мы все желаем художнику Виктору Чижикову здоровья и дальнейших творческих успехов. А с чувством юмора, как мы видим, у него всё в порядке.

ЗАДУМЧИВЫЙ ГОЛОС МОНТАНА

ИВ МОНТАН

Мы прилетели в Нью-Йорк 12 июля 1989 года, поселились в тихом Квинсе, а через три дня поехали на метро в Манхэттен, вышли из Публичной библиотеки и пошли по Пятой авеню,

потрясенные фантастически разнообразной толпой, и в этом мелькании лиц все время казалось, что мы сейчас встретим кого-то знакомого. И действительно, через некоторое время я увидел знакомое лицо.

— Вика, Вика! Смотри. Это кто-то из Ленинграда! Кто же это? Господи, да кто же это?

Когда мы поравнялись, я узнал его и закричал: «Да это же Ив Монтан!!!»

Он услышал, заулыбался, снял шляпу, поприветствовал нас… Он был доволен.

Я думаю, что в этой самодостаточной нью-йоркской толпе мы были единственные, кто узнал его, кумира нашей далекой юности…

В 60-е годы бессменный художественный руководитель Центрального Кукольного театра в Москве Сергей Образцов — народный артист, лауреат и т. д. одним из первых, одним из немногих в хрущевскую оттепель съездил в Париж и потом выступал с серией передач об эстраде Франции. Это было потрясающе интересно. Именно он первым познакомил нас с песнями гениальной Эдит Пиаф. До этого мы знали только одного зарубежного певца, американца Поля Робсона, «борца за мир, друга Советского Союза, борца за права афроамериканцев.» А Образцов открыл нам целый мир выдающихся французских певцов: Шарль Азнавур, Жильбер Беко, Брель, Джонн Холпдей, Жульет Греко и, конечно, Ив Монтан.

Мы услышали песни Монтана, переводы которых читал Образцов.

Когда Ив Монтан приехал на гастроли в Советский Союз, наши зрители его уже знали и любили.

Каждая песня была маленьким спектаклем, совершенно оригинальным, маленькой новеллой. Прекрасные мелодии легко запоминались. Их напевала вся страна. «Опавшие листья» Жозера Косма, «Большие бульвары», «О, Париж!», «Песня шофера» и т. д.

А тут еще на экраны вышел потрясающий фильм «Плата за страх», где мы увидели Монтана — выдающегося актера.

И началось буквально всеобщая МОНТАНОМАНИЯ. Его и его жену — тоже выдающуюся актрису Симону Синьере, обладательницу «Оскара» — возили по всему Союзу и их принимали, как королевскую чету. Об этом был снят отдельный фильм, песни Монтана пел и хор пионеров на Украине, и ансамбль Советской Армии в Москве. Повсюду продавались открытки с фотографиями, пластинки с песнями Монтана, его биография «Солнцем полна голово» и т. д.

В это время открылся салон-продажа студенческих работ при Академии Художеств, где мы, студенты института Репина, могли официально продавать свои работы. Я сделал литографию, дружеский шарж на Монтана, и он пользовался огромным спросом. И небольшие деньги, которые я за это получал, были не лишними в моем скудном студенческом бюджете — я мог сводить свою очередную подружку в кафе «Север» и угостить мороженым.

А Монтаномания набирала силу. И вот уже Марк Бернес тоже доверительно пел нам:

Задумчивый голос
Монтана
Звучит на далекой
Волне,
И ветки каштанов,
Парижских каштанов,
В окно заглянули ко мне.
Когда поет далекий друг
Светло и радостно
Становится вокруг,
И сокращаются любые расстояния,
Когда поет далекий друг…
И вдруг!!!

В одно мгновение «далекий друг» превратился в недруга. В конце августа 1968 года советские танки вошли в Прагу и беспощадно подавили «Пражскую весну». Весь мир был возмущен этим. С протестом выступили и Ив Монтан, и Симона Синьере.

В одно мгновенье они исчезли из официальной жизни страны, как будто их никогда и не было. Исчезли пластинки и передачи, книги и открытки…

Но они продолжали оставаться нашими кумирами.

И вот сейчас, спустя много лет, когда мы перебрались в другую жизнь, мы так неожиданно встретили Ива Монтана. Конечно, он постарел, у него были большие седые бакенбарды, обаятельный, элегантный, он как-то особо, по-французски изящно снял свою маленькую клетчатую шляпку и помахал нам.

Я потом очень жалел, что не подошел к нему, не попросил автограф.

Был бы в моей коллекции и автограф Ива Монтана, да еще взятый на Пятой авеню в Нью-Йорке.

И я думаю, что он очень бы удивился, узнав, что мы (единственные в этой толпе, узнавшие его) из России, из этих незабываемых 60-х годов, когда имя и песни его с утра до вечера

звучали по всей огромной, влюбленной в него, стране.

КОГДА КАЧАЮТСЯ ФОНАРИКИ НОЧНЫЕ… ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

Эту лихую песню в России знают все, а вот автора ее знают не многие. Ее написал питерский поэт Глеб Горбовский, в 53 году, в геологической экспедиции.

Он был автором множества замечательных стихов и песен; когда в 59 году вышла первая книжка поэта — «Поиски тепла», — ему было 26 лет.

У него была типичная для многих из этого поколения биография — война, оккупация, репрессированный отец, воспитательно-трудовая колония для несовершеннолетних, побеги, аресты и т. д. Красивый с огромной русой шевелюрой — он был похож на Сергея Есенина, и не только внешне.

Такой же загульный выпивоха, хулиган, без конца попадающий в разные приключения, в милицию, в запои.

Но главное — он писал замечательные стихи, был одним из плеяды выдающихся питерских поэтов 60-х годов (Иосиф Бродский, Александр Кушнер, Владимир Уфлянд, Виктор Соснора и т.д.) со своим, неповторимым голосом.

Многие его стихи и песни впервые напечатали только в 90-е годы, они вошди в сборник «Сижу на нарах…» из непечного.

Помню его смешную частушку про путч «19 августа 1991 года»

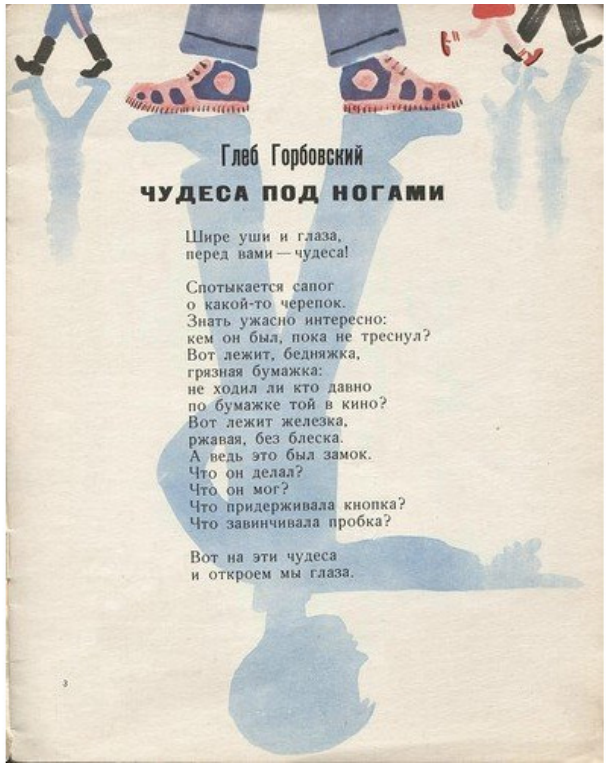
Очень странная страна,
Не поймешь — какая?
Выпил — власть была одна,
Закусил — другая.

Я хорошо был знаком с ним.

Он часто бывал у меня в мастерской на Васильевском острове, жил по соседству.

В 1967 году я оформлял его книжечку детских стихов «Чудеса под ногами».

Шрифт я сделал из разных предметов: гвоздь, пуговица, рогатка, обрывок билета в кино и т. д.



А над этим — детские ноги в джинсах и кроссовках. Получилось выразительно. Джинсы и кроссовки рисовать в детских книжках не разрешалось — это считалось пропагандой «западного образа жизни», но редакторша это пропустила и утвердила, а вот директор издательства «Детгиз» — Морозов, всегда полупьяный — придрался к другому. «Одни ноги… не позволю, не позволю резать ребенка, переделай, не позволю резать!!!» — категорически бубнил он. За его спиной висел погрудный портрет Брежнева — мундир, весь увешанный орденами, и сверху — голова.

«А вот же, — сказал я, — порезанный человек». Он повернулся, долго тупо смотрел, а потом изрек: «Сверху можно, а снизу нельзя, одни ноги нельзя…»

Я переделал обложку — нарисовал мальчика, сидящего на корточках. Он что-то рассматривает…

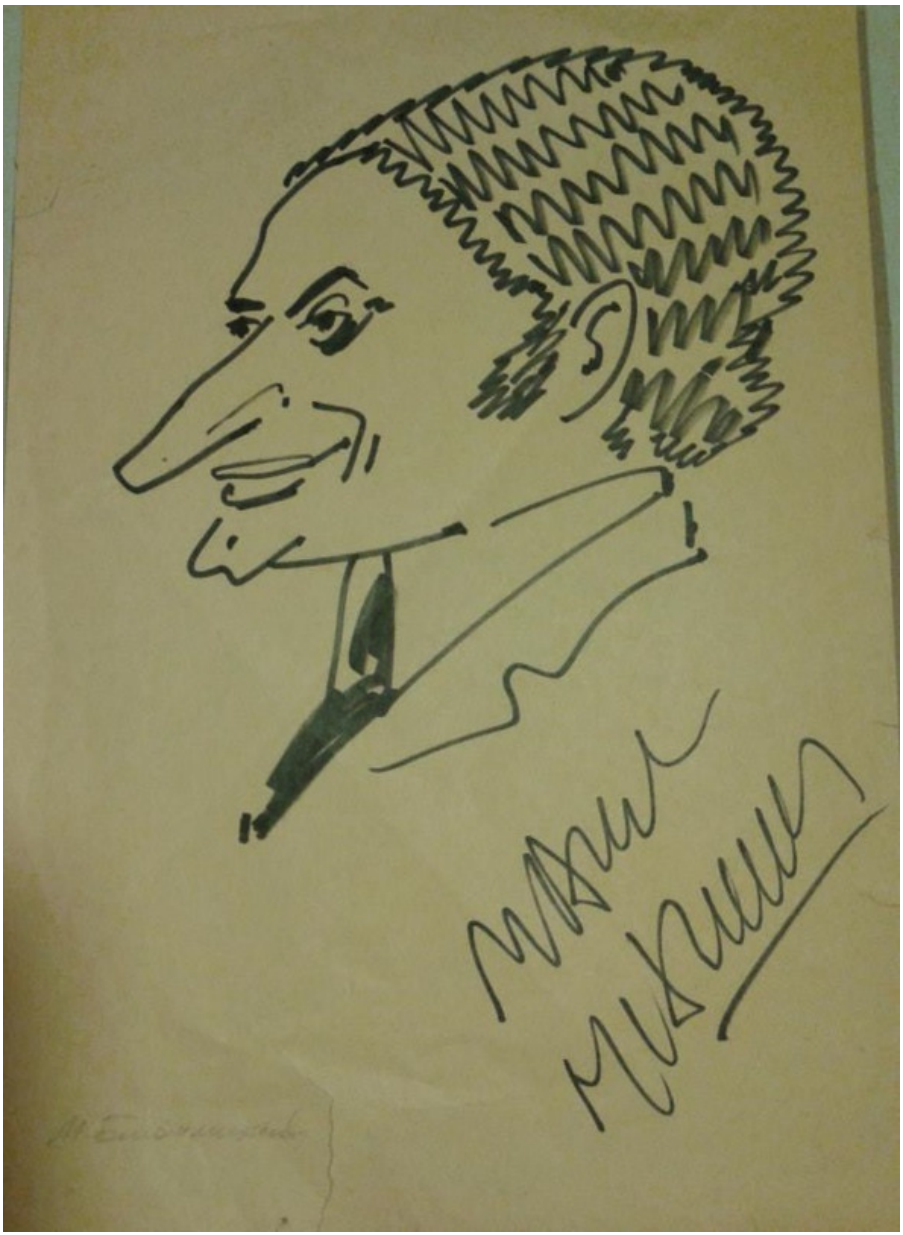
Получилось даже лучше…

Глеб Горбовский

ЧУДЕСА ПОД НОГАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

МАРСЕЛЬ МАРСО



Я нарисовал французского мима во время его первых гастролей в Ленинграде в 63 г.

Шарж ему понравился и он подписал на нем автограф.

В конце выступления, после всемирно известного номера «Перетягивание каната» он показал новый, «на местном

материале» — «Эскимо». В лютый мороз, ленинградцы, подпрыгивая и дрожа от холода едят мороженое. Коченеют пальцы… примерзает язык, но они продолжают с аппетитом лизать эскимо.

Зал буквально ревел от восторга.

Пару лет назад Марсель Марсо выступал в Нью-Йорке, как всегда с огромным успехом.

А недавно 80-летний великий мим назначен ООН представителем людей преклонного возраста.

ПРО БЕЛЛУ АХМАДУЛИНУ

Мы были хорошо знакомы с Беллой Ахмадулиной. Как поэта, мы с женой ставили её много выше всей той плеяды поэтов, собиравших в 60-е годы стадионы восторженных почитателей и слушателей. А узнали и подружились, когда она стала женой Юрия Марковича Нагибина. Они часто приезжали и подолгу жили в ленинградских домах творчества, в замечательно красивых местах, на берегу Финского залива.

«На недельку до второго я уеду в Комарово…» — пелось в песне. А мы там снимали дачу. Ахмадулиной и Нагибину очень нравились рассказы и повести моей жены Вики Беломлинской.

Нагибин везде писал, что она одна из лучших молодых прозаиков, всячески пытался её напечатать, но до конца нашего пребывания в Союзе её ни разу не напечатали.

Приезжали они в Ленинград ещё и потому, что не хотели подписывать письма писателей против Сахарова, Солженицына и т. д. Не подписывать было опасно- могли исключить из Союза писателей, а уехал, и всё, кто там будет искать- желающих подписать все эти гнусные письма хватало.

Но Ахмадулина смело писала другие письма, в защиту Бродского, когда его судили, в защиту дисидентов и т. д. Была она и прекрасной рассказчицей.

Я помню одну забавную историю, которую Белла рассказала.

После первого выступления её в Париже к ней подошли муж и жена, русские, дети эмигрантов, сказали, что стихи её им очень понравились своей искренностью и они хотели с ней поговорить, они зашли в ближайшее кафе и стали её спрашивать, хотят ли они вернуться в Россию, на свою Родину, и что она на это скажет.

Белла Ахмадулина стала им говорить, что, конечно, можно вернуться, ведь сейчас другие времена, не сталинские, и т. д.

Через некоторое время они увиделись в Москве и сказали, что приехали как туристы, а возвращаться в Россию передумали.

«Благодаря вам», -сказали они смеясь.

«Почему? Ведь я тогда в кафе, помню, одобряла ваше решение вернуться…».

«Да, это верно, но мы заметили, что вы когда говорите, всё

время оглядываетесь, и решили не возвращаться…»

БАХЧАНЯН

Вагрич Бахчанян прославился еще в Москве. В «Литературной газете» в отделе юмора «12 стульев» регулярно появлялись его остроумные коллажи, рисунки, афоризмы…

В Нью-Йорке он печатался в газете «Новый американец» и в других русскоязычных изданиях. Его потрясающе смешные фразы стали классикой…

«Всеми правдами и неправдами жить не по лжи».

«Бей баклуши — спасай Россию!»

«Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

«Дурная Слава КПСС!»

«Дышите на ладан как можно глубже».

«Лучше умереть стоя, чем жить с кем-нибудь на коленях».

«У страха глаза велики, а рот, нос и уши нормального размера».

И таких шедевров у него тысячи.

Однажды в разговоре мы с ним вспомнили одного знакомого московского художника.

Мне он очень не нравился. «Да у него и рожа какая-то гнусная», — сказал я.

«Да, это так» — согласился Бахчанян, — лицо у него действительно неприятное… Но, при этом, человек он всё-таки… говно!»

ВСТРЕЧА С ВАН КЛИБЕРНОМ

ВАН КЛИБЕРН

Когда в Ленинграде закрылся любимый ресторан нашей молодости «Восточный» (его переделали в валютный «Садко»), все его завсегдатаи — молодые артисты, художники, музыканты переместились в соседнюю гостиницу «Европейская», не в ресторан, куда нас не очень пускали (там обслуживали иностранцев), а на самый верх, в маленький уютный ресторанчик «Крыша».

Оттуда открывался замечательный вид на площадь искусств, на Русский музей и памятник Пушкину.

Но летом, когда поток туристов резко увеличивался, их тоже отправляли питаться на «Крышу».

Старинный лифт был небольшой (второй регулярно ремонтировался), и около него всегда собиралась очередь.

В тот вечер мы с женой стояли первые, но новая лифтерша энергично отстранила нас и пропустила в лифт группу иностранцев.

Все не поместились, но когда лифт вернулся, гнусная тетка опять нас оттерла.

Подошли новые туристы, и мы поняли, что будем стоять здесь бесконечно…

Спустившаяся в очередной раз лифтерша опять хотела нас оттолкнуть, но стоящий за нами высокий молодой человек с элегантной дамой пропустил нас и только потом вошел в кабину, куда опять не все поместились.

«Вот видите, что вы наделали» — злобно шипела лифтерша, а когда мы вышли из лифта, крикнула метрдотелю: «Марина, этих хулиганов не обслуживай!»

Но мы уже не обращали на нее внимания. Мы сразу узнали молодого человека…

Это был Ван Клиберн — замечательный американский пианист, недавно занявший первое место на международном музыкальном конкурсе имени Чайковского в Москве.

Это стало настоящей сенсацией. И не только из-за неожиданности — обычно первые места в то время специально приглашенное «международное» жюри присуждало советским исполнителям, а на этот раз проявившие самостоятельность члены жюри из «стран народной демократии» поддержали западных. И премию отдали американцу.

Но главное, конечно, — фантастически прекрасное впечатление от его выступления.

Он играл Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. И весь его облик — очень высокий, стройный, с красивыми руками… Прекрасное, нежное, одухотворенное лицо. Все тогда были буквально влюблены в него, он стал кумиром

публики.

Он сидел недалеко от нас, с мамой (он всегда и всюду с ней ездил), и она с нежностью на него смотрела.

Я сделал несколько рисунков в свой альбомчик, который всегда ношу с собой.

Нас обслуживала официантка, знакомая еще по «Восточному».

«Ой, как похож, замечательно… Давай я отнесу и покажу им».

Им рисунок очень понравился, и я подарил один Ван Клиберну, а на другом он написал:

This a wonderful sharzh.

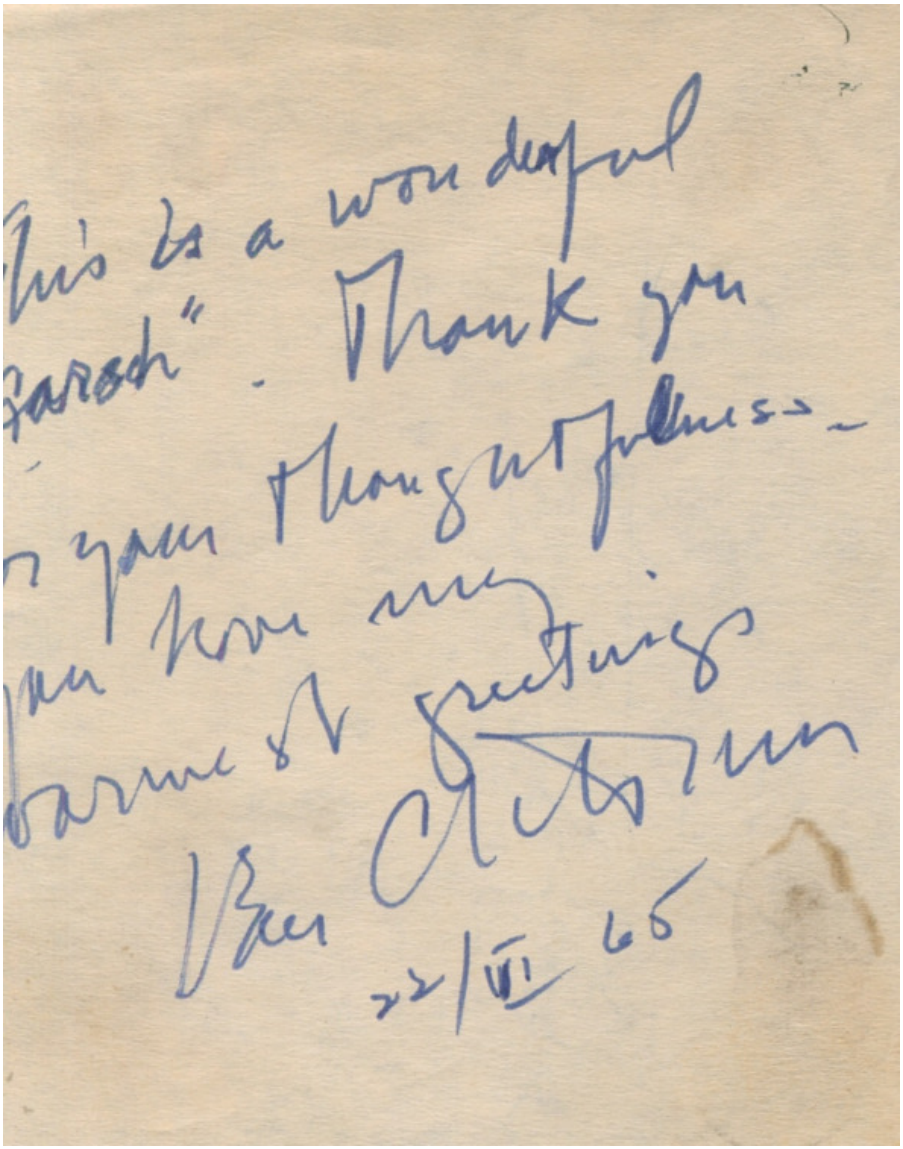
Thank you for your thoughtfulness.

You have my warmest greetings.

Van Cliburn

22/VI-65

Листок из блокнота



Автограф Ван Клиберна на обратной стороне

Так замечательно закончился в этот вечер поход на «Крышу» — я нарисовал Ван Клиберна и получил автограф от него.

Шарж этот неоднократно экспонировался на выставках, а потом его приобрел Ленинградский театральный музей»

АФТОГРАФ ДЛЯ ДЕ НИРО

Я очень люблю рисовать дружеские шаржи. Я нарисовал их тысячи. И на многих стоят автографы нарисованных. У меня есть автографы Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого, Евгения Евстигнеева и Евгения Леонова, Рудольфа Нуриева и Михаила Барышникова, Марселя Марсо, Ван Клиберна и — в это трудно поверить — Марлен Дитрих. А вот автографа замечательного актера Роберта Де Ниро у меня нет. Но что самое удивительное — у него мой есть.

Однажды летом 1983 года мне позвонил наш друг режиссер Илья Авербах: «Мишель, давай скорей ко мне (мы жили рядом на Петроградской стороне). Сейчас Мишка Козаков ко мне Де Ниро приведет!» — «А кто это?» — « Ну ты даешь! Да это гениальный актер! Номер один в Америке!» — «Ладно, сейчас иду.»

Иногда Илья проводил нас на закрытые просмотры иностранных фильмов в Дом кино, но фильмов с Де Ниро я еще ни разу не видел. Так что мне хотелось увидеть Козакова, может быть, нарисовать. Мне очень нравилось его лицо, он был похож на портрет эпохи Возрождения.

В это время вышла детская книжечка веселых стихов «Жили-были улицы» с моими рисунками, и мне в издательстве выдали сигнальные экземпляры. Книжка получилась симпатичная. Я подробно нарисовал все здания и с юмором — все сцены на улицах. И напечатана она была прилично, не стыдно дарить. На одном развороте была нарисована киносъемка у Гостиного двора. И режиссер — Илья Авербах. Несколько книжек я прихватил с собой.

Роберт Де Ниро на меня особого впечатления не произвел — коротко стриженный, бородавки какие-то, нос сливой, глазки маленькие, похож на азербайджанца с Кузнечного рынка. Другое дело — Козаков. Не глаза, а ОЧИ, огромные; точеный нос, капризные губы — вылитый портрет работы Пьеро Делла Франческа.

Вскоре появилась чернокожая красавица — подруга Де Ниро и Регина — жена Козакова. Прекрасная переводчица. Разговор оживился. Де Ниро расспрашивали о его впечатлении о России, о Москве, об увиденных фильмах (он был приглашен в жюри Московского кинофестиваля).

Заговорили о Ленинграде. Он был в восторге от города. Тут я решил, что уместно показать мою книжечку. Она ему очень понравилась, он внимательно рассматривал все рисунки,

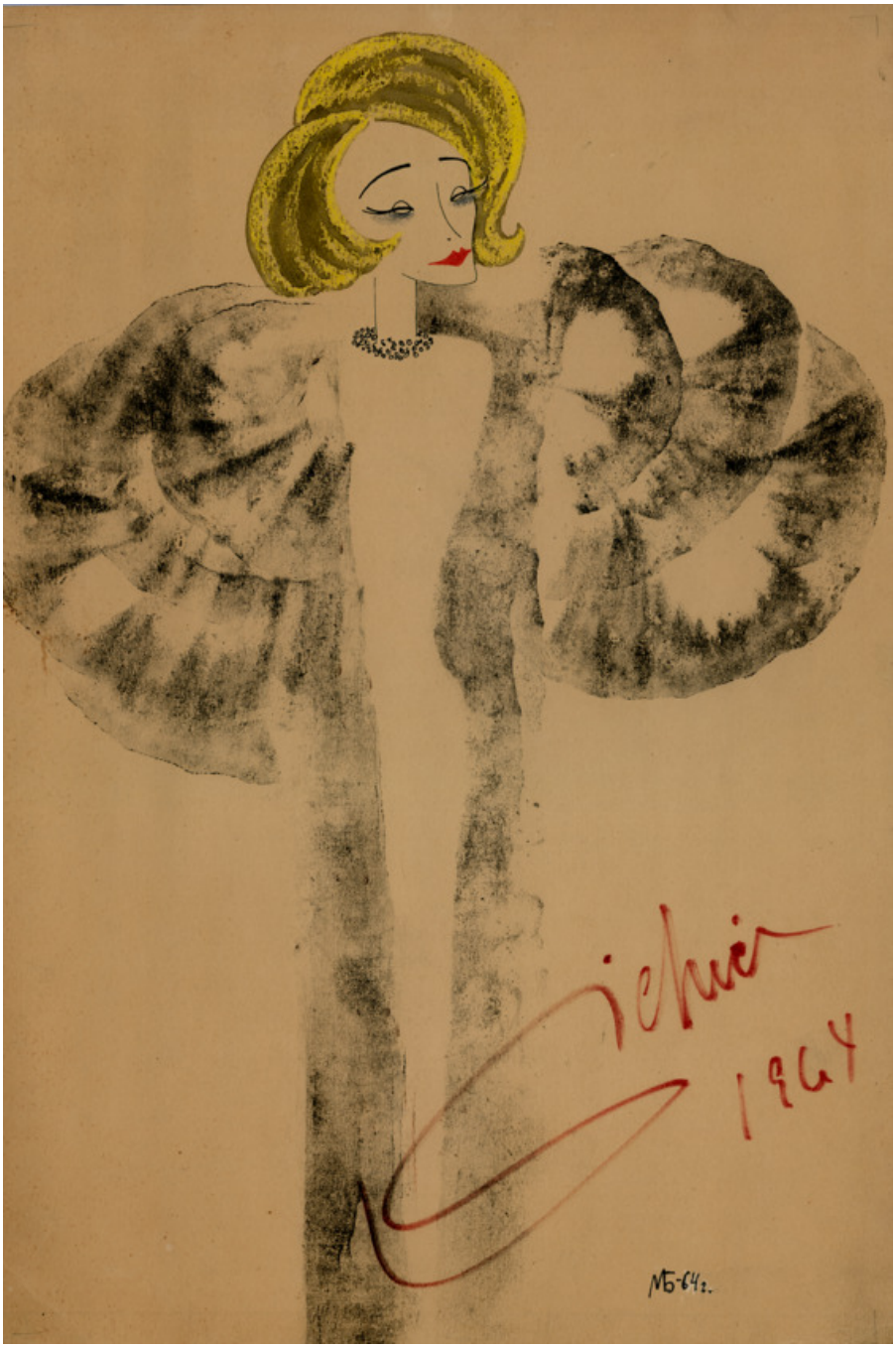
особенно киносъемку, узнал Авербаха, очень смеялся над изображением киногруппы, наговорил мне много приятного. Я ему книжечку подарил и на титульном месте написал: «Замечательному американскому актеру Роберту Де Ниро на память о Ленинграде.» И расписался.

Но в мою глупую голову даже мысль не пришла попросить автограф у него. Он, наверное, сильно удивился. Так что автографа Де Ниро в моей коллекции нет.

Одно утешает — у него есть мой.

УЖИН С МАРЛЕН

Автор — Виктория Беломлинская



МАРЛЕН ДИТРИХ

Это случилось в 1964 году.

…И были мы тогда ослепительно молоды. И очень красивы. Яркой необычной, экзотической красотой отличалась Жанна. Наполовину русская, наполовину китаянка, высокая — в мать, в отца — нежноликая, восточной фарфоровой хрупкости, отточенности, она обладала поистине артистическим вкусом, намного опередившим моду — не только нашу тогдашнюю, но и всякую вообще. Это потом уже женщины полюбили обвешивать себя гирляндами бус, каждый палец на руке окольцовывать, запястья украшать множеством браслетов. А тогда это казалось папуасской дичью, но Жанне шло зверски, так же, как шла к её матовой коже, к прелестной восточной припухлости губ яркая, как пламя, помада.

Все выделяло её из толпы бесцветных, безликих обитателей нашего северного города. И не могло не случиться, чтобы теплым июньским днем праздно прогуливавшийся по Невскому проспекту молодой американец не заметил бы сидящую на лавочке у Екатерининского садика Жанну, не взбодрился бы, не оживился бы, не припомнил бы тут же, что уже видел её прежде — ну как же, конечно, на встрече этой скучной невыносимо, какой-то вымуштрованной ленинградской интеллигенции с Марлен. За весь вечер только один раз прозвучал смех, когда она спросила, на каком языке присутствующие хотели бы с ней говорить: на немецком, французском или английском? Все напряженно молчали, и вдруг кто-то сказал: «А нам все равно!»

И зал грохнул от хохота. Они с Марлен не поняли, что произошло, но переводчица, необыкновенно грудастая, пучеглазая Нора перевела и объяснила, что эти люди смеются потому, что ни одного из перечисленных языков не знают. Он тогда так и не понял, что здесь смешного, скучным взглядом обвел зал и вдруг увидел эту красивую, яркую женщину, такой необычной наружности. Сидящий рядом с ней мужчина тоже был необычен — его абсолютно лысую, гладко выбритую голову безупречной формы украшали черты лица замысловатой лепки, крупные, извилистые и нос, и губы. С веселым прищуром светились на лице умные живые глаза. И в осанке его ощущалась какая-то нездешняя свобода. «Хорошо бы познакомится с ними, — подумал Берт Бакарак, аккомпаниатор и даже много больше, чем аккомпаниатор, стареющей Марлен. — Старушка совсем закиснет в этом городе от скуки. Белые ночи, конечно, красивы, но это все не для неё. Нужно какое-то общество…»

Официальная часть встречи закончилась, он ринулся в толпу, но куда-то они исчезли — эта женщина и её спутник. И вот вдруг здесь, на Невском, он увидел её.

Чудесно! У него есть приличный повод подойти. Спросить, куда и почему они так быстро исчезли тогда. Он почему-то был уверен, что эта женщина поймет его. Она должна говорить по-английски или на каком-нибудь еще языке, кроме русского.

Жанна училась на отделении восточных языков в Университете и бегло болтала на китайском. Чуть-чуть знала английский. Во всяком случае, сумела объяснить, что спутником её на той встрече был муж — Гага. Он художник. Вместе с другом, тоже художником, владеет мастерской, ателье. Недалеко, на Васильевском острове. Можно дойти пешком, а можно доехать.

В мастерской у Миши с Гагой Берту очень понравилось. Особенно его поразил шарж на Марлен Дитрих — вот она стоит на сцене в своем знаменитом палантине из пуха гагары, накинутом на платье, усыпанное бриллиантами — величественная, недоступная и притягательная, божественная, манящая Марлен.

Миша нарисовал этот шарж сразу после концерта — по тем зарисовкам, которые сделал в своем альбоме. Особенно удобно рисовать было потом, когда уже все кончилось, и только гремели аплодисменты. Казалось, они никогда не смолкнут, и это чудо, нам явленное в лице Марлен, никогда не покинет сцену — так и будет стоять в исполненной неподражаемой грации позе, сверкая, сияя, нездешним светом озаряя нашу жизнь. Лева Поляков, прозванный «Мопсом» за свою собачью открытость, добродушие и обаяние, стоя в крайнем правом проходе, все щелкал и щелкал аппаратом — отличный фотограф, с хорошим чутьем, он вдруг не выдержал и прыгнул на сцену, и лег на самом её краю над оркестровой ямой, и щелкнул Дитрих с нижней точки. Зал неистовствовал, а Мопс уже встал и, с благодарностью молитвенно прижав руку к сердцу, собирался покинуть сцену. Но Дитрих что-то сказала переводчику, тот задержал Леву. Оказалось, что Марлен просит его сфотографировать для неё этот грохочущий зал. Ну тут уж Лев расстарался — снимал и с колен, и лежа, и стоя. А потом она взяла в обе руки его симпатичную физиономию и смачно расцеловала. И казалось, что рухнет потолок от достигших невероятной силы оваций.

Так что у Миши было время сделать хорошие зарисовки. Кстати, на всех последующих концертах в зале появлялся фотограф — уже не Лева, но проделывал все в точности, как он: прыгал, якобы спонтанно, на сцену, ложился, благодарил, снова

ложился, потом его расцеловывали. Потом и в Москве ни один концерт Марлен без этого аттракциона не проходил. Так что снимков после гастролей настоящей звезды осталось много. А вот шарж один. И она собственноручно расписалась на нем красивым толстым фломастером и подарила его Мише — это был первый фломастер, который ему довелось держать в руках. И все потому, что Берт тут же в мастерской сказал, что приглашает Гагу с Жанной и Мишу с женой на ужин в «Асторию», потому что Марлен скучает по вечерам и ему хочется доставить ей радость общения с такими замечательными… — тут он с присущей молодым американцам щедростью наговорил множество приятных слов.

Нет, что ни говорите, а в жизни за железным занавесом, едва-едва приоткрывшемся, была своя прелесть. Можно было, например, испытать искреннюю радость по поводу подаренного фломастера, никогда прежде не виденного, не пробованного, — но ведь просто карандаша! Можно было вдруг оказаться приглашенным на ужин с Марлен Дитрих, обрадоваться, конечно, но так и не понять до конца, со звездой какого масштаба тебе предстоит встреча, так до конца и не оценить в полной мере этого чуда везения. Даже принять все происшедшее с некой долей юмора. И опаски. Вот именно это, пожалуй, первое, что пришло нам на ум: там, небось, возле неё стукачей вьётся тьма-тьмущая, как бы все не обернулось для нас какой-нибудь неприятностью. Нет, о том, чтобы отказаться — речи быть не могло, но в остроумные головы Гарика и Миши пришла блестящая идея взять с собой своего собственного стукача. Под видом переводчика. Был у них такой со школьных еще лет приятель, отменно немецкий знал и на английском изъяснялся. Но с некоторых пор начала падать от него нехорошая тень, возникло некоторое подозрение по отношению к нему, появилась опаска. А тут как раз все пригодилось — и его знание языков, и другие способности. Зачем кого-то из нас вызывать и допрашивать, если уже все будет известно от своего человека и во всех подробностях. А взять его, не званого, тоже удобно, поскольку какая от нас радость Марлен, если мы без языка собеседники никакие, а тут переводчик — болтай — не хочу.

До самого выхода из дома я в отчаянии перебирала свой незамысловатый гардероб. Одно с другим никак не сходилось, с обувью вообще полный завал получался, сумки приличной не было. В конце концов пришлось махнуть рукой на свои неизвестно откуда взявшиеся представления о том, как должна

выглядеть молодая дама на ужине в ресторане, и сделать вид, что явилась я на этот ужин ну прямо с пляжа у Петропавловки — весь день загорала, времени забежать домой переодеться не было. Надела легкий полотняный костюмчик, через плечо холщовый мешок, на ноги — белые тапочки. И — вперед.

Ну вот, все в сборе. Берт очень приветливо встретил нашего переводчика, попросил еще немного подождать Марлен — сейчас она спустится.

На ней был такой же светлый полотняный костюмчик, только желтенький в белый цветочек, а у меня — белый в бледно-лиловую полоску, такая же узкая прямая юбка, рукав чуть выше локтя. Правда на этом совпадения нашей амуниции кончались. Но когда сидишь за столом, туфли и сумка никого не волнуют. А стол уже был накрыт. Стояли на нем две большие серебряные миски с икрой. В одной — красная, в другой — черная. Серебряное ведерко — в нем шампанское. И бутылка водки. Берт сказал, что шампанское любит Марлен. Бедная, но гордая, я стала шептать своему мужу, что ему с Гариком следует расплатиться за этот стол, иначе мне икра в глотку не полезет. Гарик, конечно, услышал мое шипение и со свойственной ему вальяжностью громко объявил: «Да ты что? Он, может, миллионер. Вот Жанке хвастался, что у него дом с бассейном, а я за него платить должен?!»

Не понимая, о чем мы спорим, и Берт и Дитрих стали спрашивать нашего переводчика. Он, было, смутился, но Гарик ободрил его: " А чего? Переведи: вон она чего выдумала! Он, может, миллионер, чего это я платить буду за эту икру». Не знаю, как, но наш знакомец перевел. Берт расхохотался, Дитрих тоже, всем почему-то стало легко и весело. В какой-то момент Марлен взяла мою руку в свои и стала показывать её Берту: «Ты посмотри, ты только посмотри, — говорила она — какие у неё красивые руки!» «А ты посмотри на мои!» — это она уже мне говорила. И я смотрела с восторгом, потому что мне все в ней нравилось. И эти её большие жилистые руки с артритными шишками на пальцах — мне тоже нравились. Она все держала мою руку в своей артритной, с непонятной мне гордостью сообщая: «Я все делаю этими руками! Я все делаю сама! Я сама мою полы в доме своей дочери!»

«Миссис Дитрих говорит, что она сама моет полы в доме своей дочери…", — переводил наш переводчик, но я не могла

понять, почему.

То, что я все сама делала своими руками — и мыла, и готовила, и стирала — это понятно, но звезде, такой звезде — ей-то зачем самой мыть полы в двухэтажном доме, да еще почему-то не в своем, а своей дочери? Да еще в таком возрасте, да при таком артрите? Тогда я не задала этот вопрос, но через много лет, уже здесь, в Америке, читая книгу воспоминаний дочери великой актрисы, получила ответ:

«Господи Боже! Эти известные всему миру обломанные ногти и огрубелые руки… Сколько выгоды извлечено из них за последние годы! Рассказы Дитрих о том, как она моет дом своей дочери, где только не прославились, даже попали на страницы мировой печати».

Ресторанный сумрак скрадывал все приметы её глубокой немолодости, но там, в вестибюле, под яркой люстрой в момент знакомства мне было ужасно неловко, стыдно за свою бездарную, пошлую молодость, очень бестактным показалась сборище гладкорожих, налитых кобылок и жеребцов — и этого Берта тоже — вокруг звезды, сияние которой уже едва-едва теплилось и готово было вот-вот померкнуть.

И все же она была великолепна! То, что она делала на сцене, было абсолютной магией — магией жеста, голоса с хрипотцой, внутреннего трепета, исходящего от нее и увлекающего зал за собой в непостижимые дали. То, что она делала в жизни, — тоже было магией, но магией другого сорта. Ее доступность, обыденность, простота были обманчивы, сеяли в душе смятение, оставляли неизгладимое ощущение твоей малости перед чем-то огромным. Казалось, она настоятельно приглашает тебя перепрыгнуть пропасть между собой и тобой, но, сколько бы ты ни силился, она становится только шире и глубже. Марлен Дитрих ворожила в жизни так же искусно, как и на сцене. Мне кажется, рисунок, на котором она в тот вечер поставила свою широкую размашистую подпись, хранит следы этой ворожбы.

ЧАСТЬ 2: ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

содержание

«БОЕВОЙ КАРАНДАШ»
НАХОДЧИВЫЙ ГАГА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЗВОРОТ
ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ
КРЫСА
ЕВРЕЙСКИЙ КРОКОДИЛ
ЖИЗНЬ И СКАЗКИ УОЛТА ДИСНЕЯ

ГЕРОИЧЕСКА АЗБУКА

ЛЕОНОВ ИГРАЕТ ХОББИТА

САМОЗВАНЦЫ

БОЕВОЙ КАРАНДАШ

Михаил Самуилович Беломлинский родился в 1934 году в Ленинграде. В 1960 году окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина.
В коллективе „Боевой карандаш" молодой художник начал работать с 1957 года. С тех пор он создал много сатирических плакатов и рисунков, а также дружеских шаржей на деятелей театра и кино. Работает М. Беломлинский преимущественно в жанре многокадровых плакатов.
В книжке „Смех не для всех" печатаются некоторые сатирические рисунки и плакаты, созданные М. Беломлинским за последние четыре года.
МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ХУДОЖНИКА РСФСР
Боевой карандаш
МИХАИЛ БЕЛОМЛИНСКИЙ
СМЕХ...
Не для всех
СТИХИ:
В. АЛЕКСЕЕВА, М. РОМАНОВА,
В. СУСЛОВА, Д. ТОЛМАЧЕВА
«ХУДОЖНИК РСФСР» • ЛЕНИНГРАД • 1964

Еще учась в институте имени. Репина на 3-м курсе графического факультета, я стал делать плакаты в «Боевой карандаш»: было такое объединение в Ленинграде при Союзе художников. Возникло оно во время войны; в блокадном городе художники рисовали плакаты для фронта, они наклеивались на танки и т. д. Плакаты были сатирические, про Гитлера, Геринга, Геббельса и т. д, и стихи смешные сопровождали их. Они пользовались большой популярностью.

В 60-е годы Хрущев поручил вырастить своих сатириков. В 1960 году «Боевой карандаш» возобновил свою деятельность. Стали выпускать плакаты против американских «поджигателей войны» и на внутренние темы, против воров-продавцов, нерадивых управдомов, бюрократов и т. д. Ну, вроде журнала «Крокодил».

Платили там очень много. На пропаганду у нас в СССР денег не жалели. Плакат стоил от 300 до 500 рублей. Мой брат Володя, инженер получал тогда рублей 80!

Конечно, плакаты эти проходили цензуру. Сначала в самом «Боевом карандаше», а потом их возили утверждать в Ленинградский обком партии, в отдел пропаганды, и т. д. Там делали разные замечания, поправки, иногда, вообще, браковали, но в общем — раз в месяц или в два плакаты выходили, и жить было можно.

Там был худосовет. Смотрели композицию, рисунок, шрифт и т. д., был и представитель отдела пропаганды обкома — некто Николай Яковлевич Борисов, невысокий, весь как на шарнирах такой шутник, из Белоруссии, кокетничал, повторял, что знает еврейский язык. Знал выражение «бикицер». Я думаю, что в годы репрессий — он был матерым охранником, но скрывал это. Иногда забывался и проговаривался: «…когда я служил на севере…»

Он регулярно делал замечание: « — А вот этот человек похож на свастику», а поскольку на наших плакатах часто были нарисованы бегущие, то хулиган от милиции, то граждане от хулиганов, а силуэт бегущего человека действительно похож на свастику, то у него всегда был повод сделать замечание.

Ко всем плакатам подбирался эпиграф из поэзии и выступлений, чаще всего из Хрущева, благо он в своих речах любил «острить», цитировать пословицы и поговорки и т. д.

Потом это всё везли утверждать в обком, там часто вообще браковали, оказывалось, что за это время сменились указания.

Например появились «совнархозы», и поэт Романов, написал под Маяковского—

«Бюрократы, лейте слезы!

В строй вступили совнархозы!»

Потом почему-то довольно быстро эти совнархозы отменили и мы предложили сделать другой плакат

«Бюрократы, лейте слезы!

Наебнулись совнархозы!»

Но вообще мы любили ходить на эти худсоветы, они проходили раз в неделю, вечером, в издательстве, на Исаакиевской площади, потом мы шли в сосисочную на Невском, у Московского вокзала и пили пиво, и ели вкуснейшие сосиски. Потом гуляли по Невскому, по «Бродвею» — так называли главные улицы почти во всех городах. «Прошвырнуться по Броду». В кино видели — этот Бродвей, но и во сне мне не снилось, что я когда-нибудь буду по нему идти, просто так. Там, на углу Невского и Литейного жил «Мопс» — обаятельнейший Лёва Поляков, он умел гасить все конфликты мирно. На «Брод» я ходил регулярно, там все встречались, ведь дома никто не мог видеться, все жили в коммуналках, да и еще в одной комнате. Но зато в центре, в 15 минутах ходьбы от Невского.

СОУЧАСТНИКИ
В сторонке наблюдали — веселились.
Как только пострадали — прослезились.
За дело хулигану крепко дали.
Не без греха и те, кто наблюдали.

Иногда, нас, молодых художников да и «взрослых» тоже посылали на разные конференции, собрания и т. д., чтобы мы своими юмористическими плакатами украшали фойе залов, где проходили эти собрания. Мы рисовали доброжелательные шаржи на выступающих, иллюстрировали «смешные» примеры недостатков, и т. д., поэты писали смешные стихи.

Всем было лестно, чтоб шарж на него висел в Таврическом дворце, например.

Но были и обиды. Например, артист Татосов, знаменитый пародист, потребовал снять очень смешной шарж на него, где он был нарисован в виде попугая. Скандал учинил и режиссер Товстоногов, и потребовал снять и его шарж, где он был нарисован с десятью ногами, и десятью руками, и были такие стихи:

«Превращение Товстоногого
То в сторукого,
То в стоногого!»

ГЕОРГИЙ ТОВСТОНОГОВ

Эти замечательные стихи относились к тому, что режиссер ставил спектакли, кинофильмы, разные эстрадные постановки и т. д., все это было замечательно остроумно нарисовано. Текст написал поэт Дмитрий Толмачёв, который создал бессмертный русский перевод «Сильвы», его «Красотки, красотки, красотки кабаре вы созданы лишь для наслажденья…» написанный в 1930 году поют и до сих пор, и

«…Без женщин жить нельзя на свете, нет!..

В них солнце мая,

В них любви расцвет!..»

(Кстати, и «Марицу» тоже он перевёл. Я эти оперетты видел в эвакуации, в Красноярске.

Он был высочайшего класса профессионал, еще в 20-е годы работал в ТРАМе (Театр рабочей молодёжи). Подписи сочинял мгновенно. Очень смешные, остроумные.

НАХОДЧИВЫЙ ГАГА

ГЕОРГИЙ КОВЕНЧУК (ГАГА)

Был в Ленинграде коллектив художников и поэтов «Боевой Карандаш». Он выпускал небольшого формата юмористические

плакатики на внутренние и международные темы.

Кроме этого он делал листовки для ГАИ, для пожарников, для медицинского управления, тоже юмористические, на заданные заказчиками цены.

Плакатик на тему «Много пожаров возникает, когда пьяные засыпают с папиросой» сделал мой друг, замечательный художник Георгий Васильевич Ковенчук, которого с детства все звали Гага.

На худсовете плакат и стихи поэта Романова очень понравились, и соавторы поехали в пожарное управление — получить одобрительную подпись от заказчика. Заказчику тоже плакат очень понравился, особенно стихи.

Замечательно, очень здорово, очень смешно, выразительно, лаконично, прямо как у Маяковского:

Ночью пьяный лёг Иван
С папиросой на диван.
В результате утром рано
Ни Ивана, ни дивана!

«Замечательно, просто замечательно!..» Вдруг он задумался… «лёг Иван…», Иван…»

«Знаете, не очень хорошо получается, …лёг Иван, как-то получается обобщение, русский Иван»… «Не очень хорошо. Подумайте ещё…»

Но думать было некогда, нужно было подписать плакат, срочно привезти в бухгалтерию и получить деньги. И Гага тут же подытожил:

«Давайте сделаем „Степан“ — и всё в порядке».

Ночью пьяный лёг Степан
С папиросой на диван.
В результате утром рано
Ни Степана, ни дивана!

Начальник пришёл в восторг. «Ну вот, совсем другое дело. Замечательно, лаконично, как у Маяковского. «Ни Степана, ни дивана!..»

Но вдруг лицо его приняло скорбное выражение. Соавторы насторожились.

«Да… как-то не очень хорошо получается, — протянул начальник, — сгорел человек, наш, советский человек. Нет, это не годится».

«Но ведь много людей гибнут во время пожаров из-за

пьянства!.. Вы ведь называли цифры… «Так-то это так, но не надо обобщать… А то получается, что пожарная служба не спасает людей, даёт им сгорать… Зачем же мы тогда нужны?.. Нет, так не годится… Давайте-ка подумаем ещё…»

И он отодвинул плакат.

Но думать было совсем некогда, и тогда «находчивый» Гага отчаянно выкрикнул:

«Ну тогда сделаем „у Степана нет дивана“. Там же на рисунке не видно, что горит, только дым. Пусть будет — диван сгорел, а нашего человека пожарные спасли!»

Рисунок Г. Ковенчука

Ночью пьяный лёг Степан
С папиросой на диван.
В результате утром рано
У Степана нет дивана!

«Ну вот, теперь другое дело. Так сказать, личное имущество пострадало, а человек остался жив. Наш советский человек. Замечательно, лаконично, как у Маяковского. Замечательно!»

Начальник подписал плакат, и друзья понеслись в бухгалтерию. С этими стихами плакат и напечатали.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЗВОРОТ

Ленинградское отделение издательства «Просвещение» печатало буквари и учебники для народов Севера, чукчей, алеутов, нанайцев, коряков и т. д. Некоторые народы были немногочисленны (помню, что какой-то букварь имел тираж 130 экземпляров), но печатались книги на хорошей бумаге, с цветными рисунками, и около издательства кормилось много ленинградских художников.

Конечно, работа была занудная — звездочка, две звездочки, пять звездочек; барабан, три барабана; пионер, два пионера, но были рисунки и посложнее: мама мыла раму, мама мыла Машу и т.д., и поответственнее — штурм Зимнего дворца, Ленин на субботнике несет бревно.

Рисунков было очень много, и гонорар получался большой. Я, например, купил машину за деньги, полученные за рисунки к чукотскому букварю, и друзья называли ее «чукотский жигуль».

На центральном развороте всех этих букварей печатался портрет Ленина и рассказик «Ленин — вождь». Письменности народы эти не имели, и все печаталось русскими буквами.

За деятельностью издательства присматривал обком партии. Ведь все эти буквари демонстрировали на международных выставках национальную политику СССР, дружбу народов и заботу «старшего брата» о «младших братьях».

Просматривая очередной букварь — нанайский, секретарь обкома по пропаганде открыв центральный разворот, остолбенел и потерял дар речи.

Под портретом Ленина русскими буквами было написано крупно:

«ЛЕНИН МУДЭК»

«Это что такое?» — прошептал он шепотом в ужасе.

«Это по-нанайски Ленин — вождь», — невозмутимо ответила редакторша нанайского букваря.

«Да, да, — подтвердил директор издательства. — „Мудэк“ — по-нанайски вождь».

«Ленин Мудэк» — значит «Ленин — вождь».

«Да вы что? Совсем с ума сошли? — зашептал в ужасе секретарь обкома, оглядываясь. — Хотите, чтоб нас всех уволили? Или еще хуже…»

«Как по-нанайски мудрый или умный?»

«Нурэк», — прошептала редакторша.

«Ну так и напечатайте: „Ленин — нурэк“, и все, и чтобы я этого „мудэк“ не видел больше».

Букварь перепечатали, старый тираж уничтожили.

Я слезно умолял художественного редактора достать мне один экземпляр, но он тоже напуганно шептал:

«Да ты что, с ума сошел, хочешь, чтоб нас посадили?»

Но работяга из типографии за бутылку водки вынес мне экземпляр, и теперь в моей коллекции «полиграфических» раритетов имеется букварь, где на центральном развороте, под портретом Ленина, черным по белому написано крупными буквами:

ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

Виктор Голявкин приехал в Ленинград из Баку и уже на первом курсе института имени Репина Академии художеств стал легендарной личностью. Впечатляли его буйная,

темпераментная живопись южанина, его напористая манера говорить, его хохот, внешность молодого Жана Габена (он был в Баку чемпионом по боксу среди юношей), его бесконечные приключения и — самое поразительное — его ненапечатанные рассказы — абсурдные, сюрреалистические, фантастически смешные.

По вечерам он читал их в общежитии Академии на Васильевском острове. Их переписывали, пересказывали, цитировали не только в Ленинграде, но и в Москве.

Говорили, что Евтушенко, увидев в Париже сюрреалистические пьесы Ионеско, воскликнул: «Да все это в Ленинграде давно пишет Витька Голявкин!»

Знаменитая писательница Вера Панова, — восхищавшаяся его рассказами, посоветовала автору писать для детей: «Эти рассказы никогда не напечатают, а детские — может быть».

Его первая детская книжка «Тетрадки под дождем» вышла в Детгизе в 1959 году с его же рисунками. Она имела огромный успех, породила массу подражателей.

Потом появились «Наши с Вовкой разговоры», «Паровозик в небе», «Рисунки на асфальте», «Города и дети»…

Рассказы печатались в букварях, переводились на многие языки. Создавались фильмы по его сценариям — «Боба и слон», «Мой добрый папа» с Людмилой Гурченко и Сашей Демьяненко в главных ролях.

Голявкин стал знаменитым детским писателем. А через 10 лет вышла первая книжечка его взрослых абсурдистских рассказов «Привет вам, птицы!». Он боялся скандала и многое переписал, причесал, вообще не вставил в книжку.

Я оформлял ее (мы были институтскими друзьями, учились на одном курсе: он — на декоративном факультете, я — на графическом). Виктор говорил мне:

«Только не надо, чтобы книжка обращала на себя внимание, чтобы не было скандала, а то «задробят» «Арфу и бокс». Эта замечательная взрослая повесть вышла в 1970 году. А очередной «литературный» скандал в Ленинграде разразился позже…

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗАМ ВИКТОРА ГОЛЯВКИНА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗАМ ВИКТОРА ГОЛЯВКИНА

К этому времени писатель перенес тяжелейший инсульт и практически ничего не писал.

Его жена приносила в журналы старые ненапечатанные рассказы. Один из них — «Юбилейная речь» — взяли в журнал «Аврора», в отдел юмора, переносили из номера в номер, забыли его содержание и поставили в юбилейный номер, посвященный 75-летию Брежнева.

БРЕЖНЕВ

А это было событие «всесоюзного» масштаба. Всенародно праздновали юбилей не только генсека, главы правительства, верного ленинца, выдающегося борца за мир, но и, главное, выдающегося писателя: за книжечку «Малая земля» он был принят в Союз писателей, получил Ленинскую премию по литературе. Напечатанная миллионными тиражами на всех языках мира, она читалась по радио и телевидению, изучалась в школах, институтах, на бесконечных семинарах, газеты ежедневно печатали отзывы читателей, восторженные письма ветеранов, журналистов, писателей, рабочих и колхозников, генералов и академиков…

Я думаю, в истории литературы вообще не было ничего подобного.

Именно в этом юбилейном номере и по случайному совпадению именно на 75-й странице и появился этот злополучный рассказ Виктора Голявкина, давно написанный, никакого отношения к Брежневу не имеющий.

Юбилейная речь.

«Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится, что он ходит по улицам вместе с нами. Кажется, будто он умер. Ведь он написал столько книг! Любой человек, написав столько книг, давно бы лежал в могиле. Но этот — поистине не человек! Он живет и не думает умирать, ко всеобщему удивлению. Большинство считает, он давно умер, — так велико восхищение этим талантом. Ведь Бальзак, Достоевский, Толстой давно на том свете, как и другие великие классики. Его место там, рядом с ними. Он заслужил эту честь! Он сидит передо мной, краснощекий и толстый, и трудно поверить, что он умрет. И он сам, наверное, в это не верит. Но он, безусловно, умрет, как пить дать. Ему поставят огромный памятник, а его именем назовут ипподром, он так любил лошадей. Могилу его обнесут решеткой. Так что он может не волноваться. Мы увидим его барельеф на решетке.

Позавчера я услышал, что он скончался. Сообщение сделала моя дочка, любившая пошутить. Я не скрою, почувствовал радость и гордость за нашего друга-товарища.

Наконец-то, — воскликнул я, — он займет свое место в литературе!

Радость была преждевременна. Но я думаю, долго нам не придется ждать. Он нас не разочарует. Мы все верим в него. Мы пожелаем ему закончить труды, которые он еще не закончил, и поскорее обрадовать нас». (Аплодисменты).

Нетрудно себе представить масштаб разразившегося скандала. Имя писателя на много лет было вычеркнуто

из литературной жизни.

В 1985 году я оформлял его книжку «Калейдоскоп», первую после запрета. И хотя уже давно умер Брежнев, а годы его правления официально называли «застольными», рассказ «Юбилейная речь» в последний момент из книжки убрали… На всякий случай…

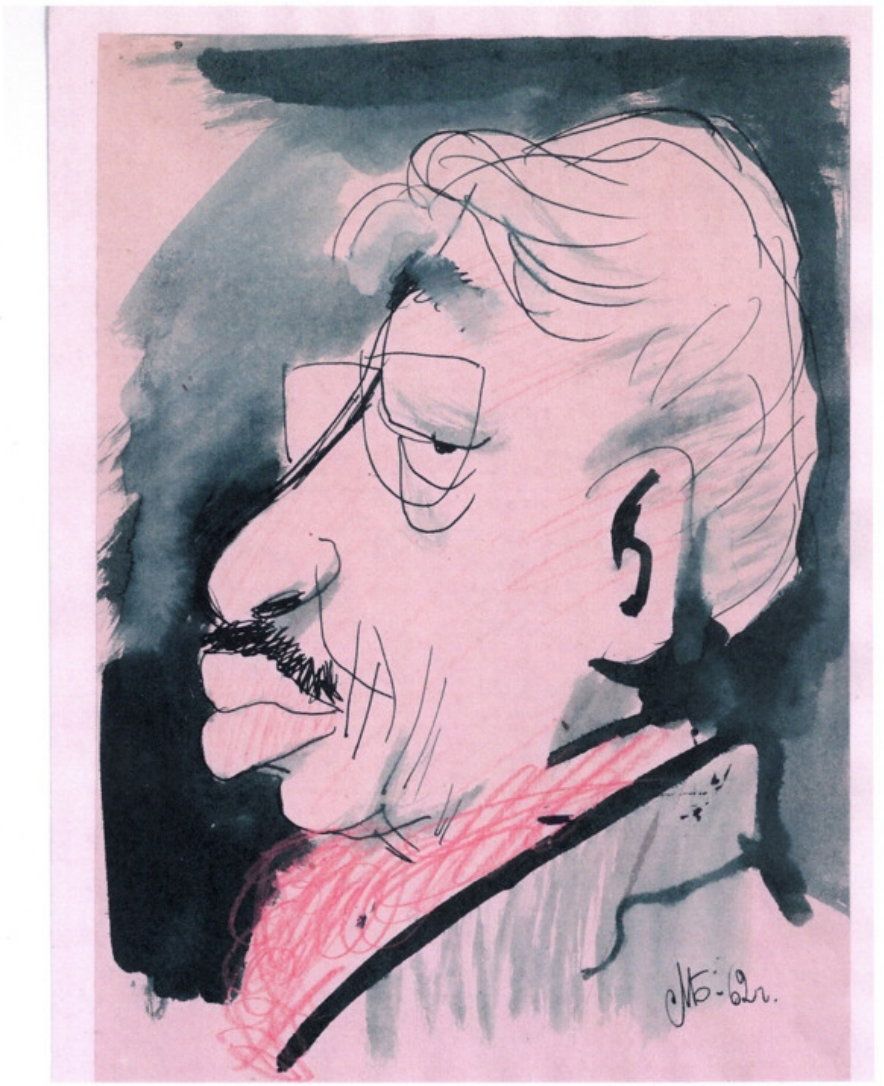
КРЫСА

Вообще я заметил, что главные скандалы возникают. Когда делают что-либо к юбилеям.

Вот например, журнал «Аврора» в Ленинграде…

В 1970-м году, к столетию со дня рождения В. И Ленина, все периодическим изданиям было предписано поместить на обложке или на первой странице — потрет вождя.

И вот прогрессивный молодежный журнал «Аврора» — решил снять с Ленина «хрестоматийный глянец», (как просил Маяковский), и поместил на титульном листе не какой-то знаменитый потрет, и не какую-то отретушированную фотографию, уже сто раз напечатанную, а редко встречающийся в печати рисунок с натуры, сделанный художником Натаном Альтманом в 1920-м году.



НАТАН АЛЬТМАН 1962

Журнал «Аврора» самого начала своего возникновения в 1969-м году, был взят под бдительный контроль обкома партии. Видно не прошел еще шок от разгрома В 1947-м году, журналов «Звезда» и «Ленинград».

«Мы не позволим сделать из ленинградского молодежного журнала такую похабщину как «Юность»! — говорили в обкоме, куда «авроровское» начальство возило каждый сигнальный

экземпляр, а первый секретарь обкома Толстиков — омерзительный толстяк с маленькими свинячьими глазками, предупреждал: «Будьте бдительны! Жидовство идет в атаку!»

Вот к этому то монстру и повезли показывать особо ответственный юбилейный «ленинский» номер.

Открыв журнал и увидев рисунок, Толстиков нечеловеческим голосом заорал: «Это что за крыса?! Что это за крыса, я вас спрашиваю!»

В. И. ЛЕНИН. РИСУНОК НАТАНА АЛЬТМАНА 1920

«Это было так неожиданно и страшно — вспоминал потом главный редактор, поэт Владимир Торопыгин, — что мы с Сашей (Александр Шарымов — ответственный секретарь)

буквально лишились голоса и стояли молча. Ну не могли же мы ему ответить: «это не крыса, это нарисован Владимир Ильич Ленин».

А Толстиков все продолжал визжать: «Это что за крыса?! Чтоб я этой крысы больше не видел!!!!»

Картинку естественно срочно поменяли, и журнал вышел с обыкновенным классическим портретом Ленина.

Но сегодня когда «хрестоматийный глянец» снят до основания, я действительно вижу что-то «крысиное» на рисунке замечательного художника Натана Исаевича Альтмана.

ЕВРЕЙСКИЙ КРОКОДИЛ

Когда умер Брежнев, было принято решение провести похороны особенно торжественно. Все периодические издания — газеты, журналы и т. д. — по всему Советскому Союзу, будь то «Мурзилка» или «Акушерство и гинекология», обязаны были поместить некролог и портрет покойного.

Портрет должен был быть двадцатилетней давности, но пиджак следовало украсить всеми пятью звёздами Героя — в определённой композиции. Я работал тогда в ленинградском журнале «Костёр» и собственноручно вырезал и наклеивал эти звёзды и голову.

Этим же занимались сотни тысяч газет по всей стране (это вам не Америка, где в «The New York Times» все некрологи на знаменитостей заготовлены заранее).

Единственный журнал в стране, не поместивший эти материалы, был журнал для дошкольников «Весёлые картинки». Его редактор — художник Рубен Варшамов поехал в ЦК ВЛКСМ и убедил там всех, что некролог и портрет с надписью «Весёлые картинки» может быть использован нашими врагами с провокационными целями.

Остроумно вышел из положения и главный юмористический журнал страны «Крокодил». Он не поместил на обложку названия. Там просто был рисунок — мухинские рабочий и колхозница и народы СССР на фоне букв КПСС.

РЕШЕНИЯ
XXVI
СЪЕЗДА
КПСС
ОВЕТСКИЙ НАРОД ВИДИТ В ПАРТИИ СВОЕГО ИСПЫТАННОГО КОЛЛЕКТИВНОГО
, МУДРОГО РУКОВОДИТЕЛЯ И ОРГАНИЗАТОРА. В СЛУЖЕНИИ РАБОЧЕМУ
У, ТРУДОВОМУ НАРОДУ — ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ И СМЫСЛ ВСЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
, НЕПОКОЛЕБИМОЕ ЕДИНСТВО ПАРТИИ И НАРОДА БЫЛО И ОСТАЕТСЯ ИСТОЧ-
НЕСОКРУШИМОЙ СИЛЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.
Из Обращения Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР
к Коммунистической партии, к советскому народу.
ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982

Дальше на развороте помещены некролог и пресловутый портрет,

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

Пятница, 12 ноября 1982 года

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

к Коммунистической партии, к советскому народу

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о болезни и причине смерти Брежнева Леонида Ильича

В ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР

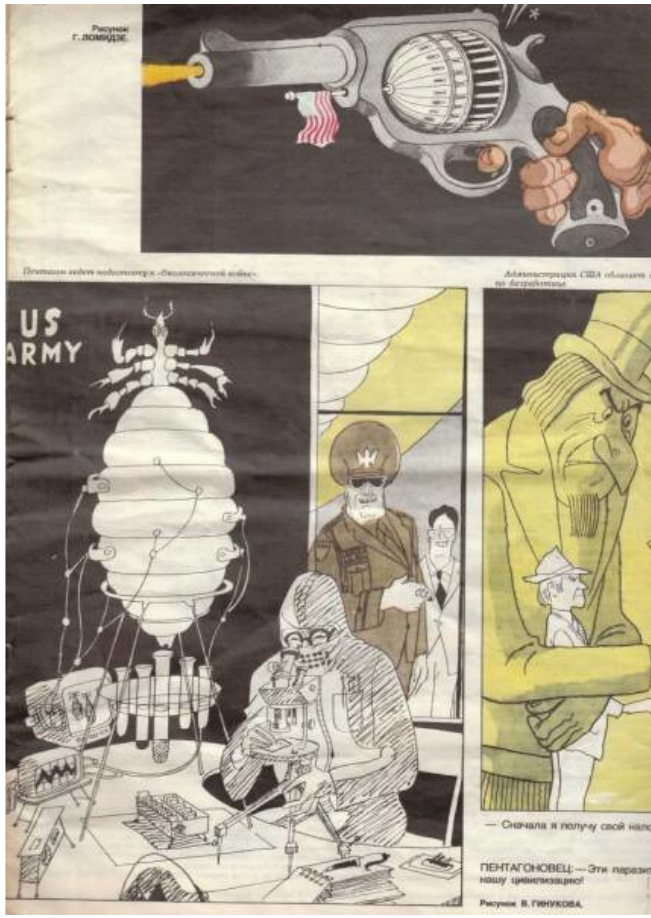
2-Я СТРАНИЦА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982

потом шли разные карикатуры — в основном особенно злобные антиизраильские. Создавалось впечатление, что в смерти генсека виноваты сионисты.

ПАРТИЯ И НАРОД ВООРУЖЕНЫ ВЕЛИЧЕСТВЕННОЙ ПРОГРАММОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИДАНИЯ, РАЗРАБОТАННОЙ XXIII—XXVI СЪЕЗДАМИ КПСС. ЭТА ПРОГРАММА НЕУКЛОННО ПРЕТВО-
ТСЯ В ЖИЗНЬ.
Из Обращения Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР
к Коммунистической партии и советскому народу

3-Я СТРАНИЦА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982

4-Я СТРАНИЦА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982



5-Я СТРАНИЦА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982

6-Я СТРАНИЦА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982

РЕГИСТРАЦИЯ БЕЗРАБ
BANK
CINEMA
1983
— Ты, парень, будешь здесь не 1983-м, а одиннадцатимиллионным!
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.
Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН
Редакционная коллегия:
М. А. АБРАМОВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора), А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, Р. Т. КИРЕЕВ, А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор), Н. И. МОНАХОВ, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), В. И. СВИРИДОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ
Наш адрес: 101465, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14
Телефоны: 250-10-86, 212-21-73
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
Технический редактор В. П. БОРИСОВА.

7-Я СТРАНИЦА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982

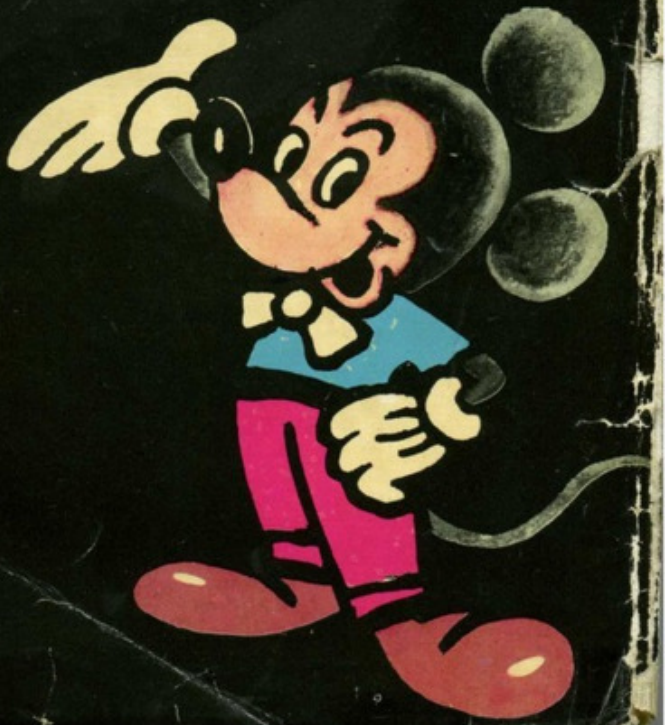
А на последней странице, на спинке, под очередной карикатурой про американских капиталистов было помещено название «Крокодил».

8-Я СТРАНИЦА ЖУРНАЛА» КРОКОДИЛ» НОЯБРЬ 1982

Получалось, что журнал надо было читать как бы справа налево, как еврейские книги, за что этот уникальный номер сразу же назвали «Еврейский крокодил».

ЖИЗНЬ И СКАЗКИ УОЛТА ДИСНЕЯ

ЖИЗНЬ и сказки УОЛТА ДИСНЕЯ



Фильмы Диснея Советский Союз никогда не покупал, но два его фильма мы видели. «Бэмби» он подарил нашей стране в 1944 году как союзнику по антигитлеровской коалиции в Великой Отечественной войне (тогда же английский режиссер Александр Корда подарил нам «Маугли» и «Багдадского вора»). А «Белоснежка и семь гномов» шел у нас под грифом: «Этот фильм взят в качестве трофея…» и т. д. Так после войны предваряли показы бесчисленных американских кинокартин. Все годы, что я учился в школе, мы каждый понедельник прогуливали первые уроки, потому что в кинотеатре «Аврора» на Невском проспекте каждую неделю начинался показ нового американского фильма. Мы подражали героям этих лент — ковбоям, гангстерам, Тарзану.

В 1933 году в Москве состоялся первый фестиваль американской мультипликации, и стиль Диснея надолго стал эталоном в СССР. В 1935 «Три поросёнка» показывали на очередном фестивале, и песенку оттуда — «Нам не страшен серый волк…» распевала вся страна. Но монографию об Уолте Диснее поставили в план ленинградского отделения издательства «Искусство» только в 1966 году.

Написал её киновед Эдгар Михайлович Арнольд — очень приличный человек из старой цирковой династии, а оформить — сделать макет и обложку — предложили мне.

Я с энтузиазмом взялся за эту работу. Художественный редактор издательства Яша Окунь, как и я, хотел, чтоб небольшая эта книжечка выглядела как можно лучше и привлекательней. Мы долго пробивали в Москве более продолговатый формат (почти все книжки в стране — и собрания сочинений, и учебники — были одинакового формата), добились суперобложки. Все это являлось в то время проблемой.

Были проблемы и с цветными фотографиями — слайды в типографии получались ужасными, и пришлось раскрашивать черно-белые снимки. Это замечательно делал редакционный фотограф и ретушер Федя, мастер фальсификаций (он виртуозно убирал растрелянного Мейерхольда, например, из групповых фотографий тех лет). Федя прекрасно с этим справился и, увлёкшись, разрисовал несколько ранних, не цветных фильмов, на много лет предвосхитив компьютерную раскраску в Америке.

В общем, работа успешно двигалась. Мы раз в неделю собирались в большой комнате в редакции Дома книги, на 5-м этаже, сидели в углу за столом Яши Окуня, выклеивали гранки, фото, делали макет. Все шло хорошо, пока не началась Вьетнамская война.

Наши отношения с Америкой, и без того не идеальные,

испортились окончательно, и это отразилось на всем. Писатель Стейнбек, которого издавали в СССР огромными тиражами, по произведениям которого ставили фильмы (помню картину «Зима тревоги нашей» с замечательным Смоктуновским), мгновенно из друга превратился во врага за свои выступления в поддержку Америки в этой войне. Его книги из планов издательств сразу же вычеркнули, из библиотек их изъяли, с прилавков книжных магазинов они исчезли. И, естественно, тревожная атмосфера возникла вокруг книги Арнольда «Жизнь и сказки Уолта Диснея».

Директор издательства нервно останавливался у нашего стола и шептал: «Вот вы всё клеите, а завтра ваш Дисней что-нибудь ляпнет в поддержку войны, и книгу выбросят из плана. И всё, у всего издательства погорит премия годовая» и т. д.

«Нет, Уолт не ляпнет… — робко возражал милейший Арнольд — Уолт не ляпнет…». Но полной уверенности в его голосе не было.

Книга висела на волоске, но мы продолжали работать. Вся комната, все издательские работники смотрели на макет книги с омерзением, переходящим в ненависть: среди бела дня мы залезли к ним в карман как беззастенчивые воры…

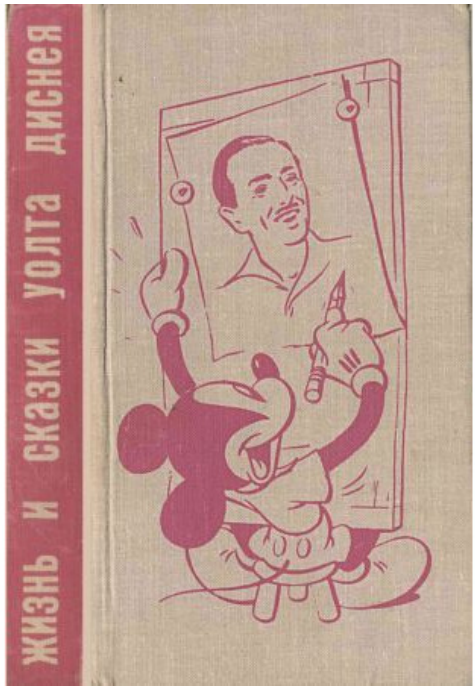
К концу года атмосфера накалилась до предела, ходить в редакцию стало неприятно и небезопасно. И вдруг…

В комнату вбежал директор и срывающимся от восторга голосом заорал: «Слышали, сейчас по радио передали!!! Слышали???!!!»

«Космонавта очередного запустили, что ли?» — спросил кто-то вяло.

«Да какого там космонавта… Передали: Дисней умер!!!»

Трудно представить, что тут началось: все в восторге обнимались и целовались, поздравляли друг друга. Только мы в нашем углу молчали, а старик Арнольд даже прослезился: «Ну вот, я же говорил, что Уолт не ляпнет, теперь уж точно не ляпнет».



К концу 1968 года книжка вышла. Хорошо напечатанная, с лакированным супером, она выглядела очень симпатично, получила несколько премий на полиграфических конкурсах… и на черном рынке продавалась за «десять номиналов», т.е. в десять раз дороже. Я получил несколько авторских экземпляров и дарил на Новый год друзьям.

И навсегда запомнил день, когда обезумевший от радости директор издательства «Искусство» орал: «Дисней умер!!!». Было это 15 декабря 1966 года. Великому Уолтеру Элпасу Диснею исполнилось 65 лет и 10 дней.

ГЕРОИЧЕСКАЯ АЗБУКА

В этом мае, когда отмечалась 63-я годовщина со дня Победы в Великой Отечественной войне и 60 лет со дня образования государства Израиль, я вспомнил историю, которая произошла в 1970 году, когда в Советском Союзе праздновали 25-летие Победы.

В 1970 году детский журнал «Мурзилка» к 25-летию Победы стал печатать «Героическую азбуку» — рассказики о героях Великой Отечественной войны всех национальностей СССР, от А до Я. Они так и назывались — Абхазец, Аджарец и т. д. И вначале все было хорошо — Адыгеец, Азербайджанец, Армянин, но в №8 очередь дошла до буквы Е. И на страничке был напечатан рассказик про геройски погибшего политрука Георгия Гардемана.

Ничего удивительного в этом не было. Тысячи евреев были награждены орденами и медалями, 150 получили звание Героев Советского Союза, а некоторые — дважды. И над рассказиком было напечатано его название: ЕВРЕЙ.

Ндо сказать, что в Советском Союзе слово ЕВРЕЙ при Хрущеве еще существовало. Выступая перед писателями, Никита Сергеевич вспоминал, что на шахте в Юзовке у него был приятель — еврей.

А при Брежневе это слово совершенно исчезло, его заменили стойким словообразованием «лицо еврейской национальности». То есть в энциклопедии это слово было, и роман Фейхтвангера назывался «Еврей Зюс», а не «Лицо еврейской национальности Зюс», но в периодической печати оно практически не употреблялось, ну а в детской — тем более.

И поэтому название «Еврей» выглядело так необычно, так дерзко и вызывающе, что не могло пройти незамеченным… и ужасно испугало евреев.

Соседка по коммуналке Софья Абрамовна, читая внучке «Мурзилку», чуть с ума не сошла от страха и шептала мне в коридоре: «Ой, это не к добру, вот увидите… Нам не надо высовываться, хорошо не будет…»

И действительно разразился жуткий скандал. Редактору влепили выговор: «Льет воду на мельницу сионизма и израильской военщины» и т. д.

Но они сами виноваты. Дождались бы буквы Л и назвали бы рассказик про геройски павшего политрука Гардемана «Лицо еврейской национальности», и все прошло бы без шума.

А то действительно так нахально: «ЕВРЕЙ».

«ГЕРОИЧЕСКАЯ АЗБУКА»

Михаил Беломлинский

В этом мае, когда отмечалась 63-я годовщина со дня Победы в Великой Отечественной войне и 60 лет со дня образования государства Израиль, я вспомнил историю, которая произошла в 1970 году, когда в Советском Союзе праздновали 25-летие Победы.

В 1970 году детский журнал «Мурзилка» к 25-летию Победы стал печатать «Героическую азбуку» - рассказики о героях Великой Отечественной войны всех национальностей СССР, от А до Я. Они так и назывались – Абхазец, Аджарец и т.д. И вначале все было хорошо – Адыгеец, Азербайджанец, Армянин, но в № 8 очередь дошла до буквы Е. И на странице был напечатан рассказик про геройски погибшего политрука Георгия Гардемана.

Ничего удивительного в этом не было. Тысячи евреев были награждены орденами и медалями, 150 получили звания Героев Советского Союза, а некоторые – дважды. И над рассказиком было напечатано его название: ЕВРЕЙ.

Надо сказать, что в Советском Союзе слово ЕВРЕЙ при Хрущеве еще существовало. Выступая перед писателями,Никита Сергеевич вспоминал, что на шахте в Юзовке у него был приятель – еврей.

А при Брежневе это слово совершенно исчезло, его заменили стойким словообразованием «лицо еврейской национальности». То есть в энциклопедии это слово было, и роман Фейхтвангера назывался «Еврей Зюс», а не «Лицо еврейской национальности Зюс», но в периодической печати оно практически не употреблялось, ну а в детской – тем более.

И поэтому название «Еврей» выглядело так необычно, так дерзко и вызывающе, что не могло пройти незамеченным... и ужасно испугало евреев.

Соседка по коммуналке Софья Абрамовна, читая внучке «Мурзилку», чуть с ума не сошла от страха и шипталя мне в коридоре: «Ой, это не к добру, вот увидите...Нам не надо высовываться, хорошо не будет...»

И действительно разразился жуткий скандал. Редактору влепили выговор: «Льет воду на мельницу сионизма и израильской военщины» и т.д.

Но они сами виноваты. Дождались бы буквы Л и назвали бы рассказик про геройски павшего политрука Гардемана «Лицо еврейской национальности», и все прошло бы без шума.

А то действительно так названо: «ЕВРЕЙ».

ЕВРЕЙ

Командира убили.

— Вперед! — политрук повел за собой роту. — Вперед!

И яростные бойцы выметают врага из его же окопов.

Выбить выбили, но удержаться надо. А в роте осталось тринадцать бойцов. И никакой передышки.

— Танки!

За танками прячется пехота врага. Густо идут.

— Держаться до последнего!

Держались, но танков было много. Осталась последняя граната. Политрук взял ее себе. Тут нельзя промахнуться. Промахнешься — и танк уничтожит последних защитников рубежа.

Через бруствер врагу навстречу. Под гусеницы. Взрыв. Черным дымом окуталась крестоносная машина. Замерла.

Так погиб политрук Георгий Гардеман.

КАЗАХ

Орден Славы – солдатская награда. Чтобы заслужить Славу трех степеней, надо было трижды совершить подвиг.

Байырбек Садыков воевал под Сталинградом, под Ростовом, в Белоруссии, освобождал Польшу. Третий орден Славы он получил за штурм Берлина.

Огненная река Штосе! Снаряды, бомбы, мины, фаустпатроны, пули – все это летело на головы советских солдат. Издыхающий враг бился насмерть. И все-таки орудийный расчет Садыкова переправился через Штрее.

Не успели занять позицию, окопаться, оглядеться – тревога.

К переправе устремились две немецкие пушки.

- Огонь! – скомандовал Садыков.

- Недолет. Перелет. Накрыли.

Вторая самоходка, ловко меняя направление, пытается уйти из-под огня. Садыков сам припадает к прицелу. Выстрел – и ствол самоходки уткнулся в землю.

- Ура! – советские пехотинцы поднялись в атаку, но сразу ударили четыре пулемета.

Садыкова обожгло. «Ранен», - решил.

Ранен, но наша пехота ложится к земле. Нельзя покинуть поле боя, когда товарищи в беде. Садыков быстро делает расчеты.

- Огонь!

Смолк пулемет справа.

- Огонь! Огонь! Огонь!

Были пулеметы – и нет их. Теперь можно и о себе подумать.

- Санитары!

ЛЕОНОВ ИГРАЕТ ХОББИТА

В 1976 году в Ленинградском отделении издательства «Детская литература» включили в план книжку Джона Толкиена «Хоббит», и мне предложили ее иллюстрировать.

До этого я не читал ее и даже имени автора не слышал, в общем, как и большинство людей в Советском Союзе.

Джон Толкиен родился в Южной Африке, а писать он начал, когда готовил к защите свою диссертацию. Первый роман «Хоббит» он написал в 1937 году для собственных детей, а в середине 50-х он стал автором эпопеи «Властелин колец». Спустя 10 лет эта эпопея стала социокультурным феноменом. Ее перевели на многие языки мира и издавали гигантскими тиражами, но до Советского Союза Толкиен добрался с большим опозданием, через 40 лет.

Книжку «Хоббит» в прекрасном переводе Н. Рахмановой подтолкнула к печати редактор С. Шолохова — влиятельная дама, дочь М. А. Шолохова. Благодаря ей Москве не удалось забрать эту книжку из Ленинградского отделения. Дело в том, что лучшие, самые интересные для художников книги-сказки, переводную литературу традиционно издавала Москва, оставляя Ленинграду книги ленинградских писателей. В основном это были бесконечные рассказы про пионеров и октябрят, про штурм Зимнего дворца в 1917 году и т. д.

Борьба с Москвой заняла массу времени, и когда мне наконец дали рукопись для иллюстрирования — сроки сильно меня поджимали. Мне книжка очень понравилась, работал я с огромным удовольствием и сделал все вовремя.

Главного героя — Бильбо Беггинса я рисовал с моего любимого актера Евгения Леонова, идеально для этого подходящего; добродушного, толстенького, с мохнатыми ногами. Я часто рисую героев книг с конкретных людей-актеров или своих приятелей. Так, «Янки при дворе короля Артура» рисовал с Сергея Юрского; героев серии Лемони Сникета «Тридцать три несчастья», которую сейчас делаю, рисую с Михаила Козакова, Вуди Аллена с Джима Керри и т. д.

Рисунки в издательстве очень понравились, особенно, естественно, Хоббит-Леонов, и книгу отправили в типографию, а я с нетерпением ждал ее выхода.

Но тут вдруг в «Литературной газете» появилась огромная статья Юрия Никулина, где знаменитый клоун и киноартист жаловался на то, что изготовители каких-то бесконечных дурацких кукол украли его имидж и используют для своих целей, что его ужасно возмущает и огорчает.

Все это было справедливо, поскольку речь шла о банальном нарушении авторских прав, о которых представление в то время в Союзе было самое смутное.

Кукла «Клоун», автор Лев Сморгон

Замечательный ленинградский скульптор Лев Сморгон — автор почти сотни игрушек, выпускавшихся массовыми тиражами на территории СССР. Среди его работ такие, как «Гимнастка» (1957 год), «Володька» (1967), «Антон» (1968 год), «Дядя Степа» (конец 60-х годов) и многие другие.

И тут моя умная жена Вика говорит: «Ну, все! Начинается очередная идиотская кампания в печати — защита авторских прав, и твой Хоббит-Леонов идеально подходит для ее иллюстрирования — ты без спроса украл его имидж и изобразил его пузатого, с мохнатыми ногами, может быть, его это возмущает…»

Получалось, что это так. И теперь, видя Леонова в кино или по телевидению, я смотрел на него с опаской, представляя, как он будет возмущаться или вообще подаст в суд на художника.

В общем, я ждал неприятностей. Но тут Леонов приехал в Питер, в Дом кино, где проходила премьера фильма с его участием, и режиссер Володя Шредель — наш приятель, пригласил нас на просмотр и банкет.

На банкете жена говорит: «Вот сейчас все выпьют, расслабятся, и хорошо бы тебе показать Леонову книгу» (я только что получил сигнальный экземпляр).

Она помчалась домой и привезла «Хоббита», и когда режиссер познакомил нас с Леоновым, я ему говорю: «Евгений Павлович! Вы мой самый любимый артист. Я вот даже в замечательную книжку вас нарисовал, без вашего, правда, разрешения». Тут он, вопреки всем моим опасениям, пришел в неописуемый восторг, прямо хохотал, рассматривая все картинки (и кругом все смеялись), а потом вдруг так растерянно спрашивает: «Эх, а где бы вот и мне достать такую книжку, ведь это, наверное, трудно?»

А я ему: «Да я с радостью подарю ее Вам, вот эту, и прямо сейчас». Надписал ее и вручил Леонову под общий восторг всех.

Так благополучно вся эта история закончилась. А через некоторое время, выступая в передаче «Вокруг смеха» по телевидению, он показал «Хоббита» и очень хвалил книгу и рисунки.

А уже здесь, в Нью-Йорке, я увидел книгу Леонова «Письма сыну», и там написано: «Кстати, о «портретах». Ленинградский художник Михаил Беломлинский на днях подарил мне книжку английского писателя Джона Толкиена, которую иллюстрировал; оказывается, он изобразил героя сказочной повести хоббита Бильбо очень похожим на меня…

У хоббитов толстенькое брюшко, одеваются они ярко, преимущественно в зеленое и желтое, башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жесткие кожаные подошвы и густой теплый бурый мех, как и на голове, только на голове он курчавится. У хоббитов длинные темные пальцы на руках, добродушные лица, смеются они густым утробным смехом, особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится.

Копия, не правда ли?

Книжку привезу, сказка мудрая и очаровательная, рисунки тоже.

Обнимаю. Отец».

«Хоббит» с моими рисунками неоднократно переиздавался и в Питере, и в республиках Союза. И после моего отъезда тоже.

Последнее известное мне издание напечатала питерская «Азбука» в 1999 году, предварительно получив мое согласие (авторское право стало работать), и даже гонорар заплатили.

В аннотации на обложке напечатано: «Благодаря прекрасному переводу Н. Рахмановой и иллюстрациям М. Беломлинского, уже ставшим классическими, удивительный мир героев Дж. Р. Р. Толкиена откроется перед читателями во всей его полноте и многоцветии».

САМОЗВАНЦЫ

Замечательно смешной рассказ Владимира Набокова «Забытый поэт» начинается со скандала на торжественном вечере в 1899 году, посвященном пятидесятилетию со дня смерти поэта Константина Перова (которому прочили роль русского Рембо), утонувшего при таинственных обстоятельствах в 23 года. За несколько минут до начала появляется крепкий старик, сообщает — «Я — Перов» и садится в президиум. «Вы что, родственник?» — спросил его кто-то. «Меня зовут Константин Константитович Перов, сказал старик без раздражения. Я инсценировал смерть по собственной прихоти».

Далее старик требует, чтоб ему отдали деньги, собранные на памятник. Начинается скандал, длившийся многие годы и т. д. А уже при советской власти открывается маленький музей Перова, где старик работает сторожем до своей смерти.

Этот рассказ напомнил мне реальную «полиграфическую» историю, тоже с бородатым стариком, как бы «самозванцем».

Самое поразительное, что и фамилия старика та же — Перов.

Ленинградский обком партии издавал маленький, величиной с открытку, журнальчик, заполненный всякой агитационной ахинеей.

Он стоил 4 копейки, все организации должны были на него подписываться, печатался он на паршивой, тонкой газетной бумаге и поэтому валялся во всех учрежденческих сортирах в ящиках для туалетной бумаги, никогда не существующей. Там-то я машинально и прочел напечатанное на спинке обложки.

«От редакции

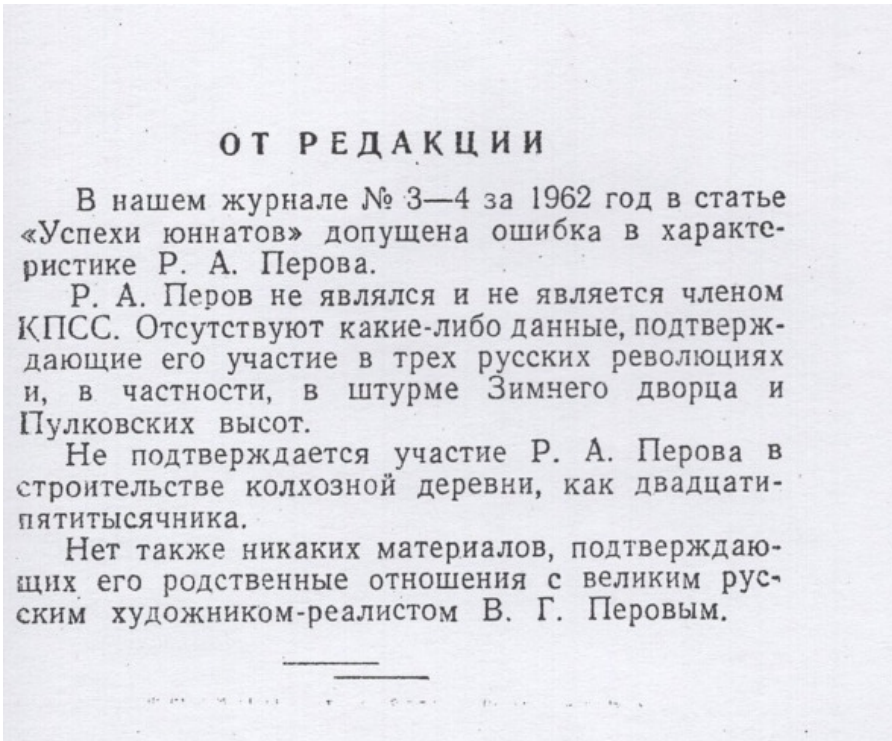
В нашем журнале №3—4 за 1962 год в статье «Успехи юннатов» допущена ошибка в характеристике Р. А. Перова.

Р. А. Перов не являлся и не является членом КПСС. Отсутствуют какие-либо данные, подтверждающие его участие в трех русских революциях и, в частности, в штурме Зимнего дворца и Пулковских высот.

Не подтверждается участие Р. А. Перова. в строительстве

колхозной древни как двадцатипятитысячника.

Нет также никаких материалов, подтверждающих его родственные отношения с великим русским художником-реалистом В. Г. Перовым.»



ОТ РЕДАКЦИИ

В нашем журнале № 3—4 за 1962 год в статье «Успехи юннатов» допущена ошибка в характеристике Р. А. Перова.

Р. А. Перов не являлся и не является членом КПСС. Отсутствуют какие-либо данные, подтверждающие его участие в трех русских революциях и, в частности, в штурме Зимнего дворца и Пулковских высот.

Не подтверждается участие Р. А. Перова в строительстве колхозной деревни, как двадцатипятитысячника.

Нет также никаких материалов, подтверждающих его родственные отношения с великим русским художником-реалистом В. Г. Перовым.

Я был потрясен — на моих глазах испарялся, буквально исчезал человек.

И это странное, интригующее название «Успехи юннатов»…

Может, они искусственно выводили старого большевика, клонировали… И у них не получилось…

Я начал рыться в ящичке и нашел журнал №3—4, часть его была уже оторвана, но статья осталась…

Я стал читать, и все замелькало, как в фильме, пущенном наоборот…

«Успехи юннатов

Выступая на совещании работников сельского хозяйства Украины в городе Киеве 22 декабря 1961 года, тов. Н. С. Хрущев, в частности, сказал: «Центральный Комитет партии требует и будет требовать увеличения производства гречихи. Но решать эту задачу надо не только за счет увеличения площадей, а главное — за счет урожайности».

Эти слова главы Советского правительства стали девизом для

миллионов колхозников, агрономов, ученых, занимающихся выращиванием этой ценной сельскохозяйственной культуры. Слушали и читали это выступление Н. С. Хрущева и ленинградские юннаты. Слушали, радовались и вспоминали…

Живет в Ленинграде замечательный человек, страстный любитель природы, садовод и ботаник, внук выдающегося русского художника-реалиста В. Г. Перова — Роман Алексеевич Перов. Старый большевик-подпольщик, член партии с 1905 года, участник трех русских революций и трех войн, — он брал Зимний дворец и штурмовал **Пулковские** высоты, **был в числе 25-тысячников**, уехавших в годы коллективизации в деревню поднимать сельское хозяйство.

Так же страстно, как и природу, любит Роман Алексеевич детей. Он сплотил вокруг себя дружный отряд юных любителей природы, который насчитывает сейчас 1000 человек.

Однажды к Перову подошла маленькая Валя Кравченко.

— Дедушка Роман, а как растет гречневая каша?

Роман Алексеевич объявил Вале, что растет не гречневая каша, а гречиха, из которой потом делают гречневую крупу…»

Ну и т. д. Дети, под руководством Перова, вырастили на школьном участке хороший урожай гречихи.

В журнальчике никогда не печатали фото, кроме Ленина и вождей к юбилейным датам, но тут как раз напечатали.

«Юннатка Валя Кравченко и Роман Алексеевич Перов со снопом собранной гречихи».

Юннатка Валя Кравченко и Роман Алексеевич Перов со снопом собранной гречихи.

И… я узнал старика. Он часто позировал у нас в институте имени Репина, когда я там учился.

Его охотно использовали выпускники, и на выставке дипломных работ, он то штурмовал Зимний, то слушал Ленина в Смольном, то раскулачивал другого натурщика.

Не знаю, был ли он действительно внуком великого художника-реалиста, но имя свое в историю великого

соцреализма он вписал неоднократно.

ЧАСТЬ 3: РАЗНЫЕ ИСТОРИИ

Содержание

В СЕТЯХ ШПИОНАЖА,
ИЛИ МОЙ ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В АМЕРИКЕ
ЕГО ЗВАЛИ РОБЕРТ
КОРОЛЬ
ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕМИНАР
ШЕРБУРСКИЕ ЗОНТИКИ
ДИЗАЙН
ЧУДО ПРИРОДЫ — ПОДВОДНЫЕ РОДЫ
ПАМЯТНИК ПУШКИНУ
КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ
ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ИВАН ИВАНОВИЧА
У ФАЙБУСОВИЧЕЙ В БЕЙСМЕНТЕ
ГАЛЯ

В СЕТЯХ ШПИОНАЖА, ИЛИ МОЙ ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В АМЕРИКЕ

Мы прилетели в Нью-Йорк в июле 1989 года, и уже через неделю я поехал в Манхэттен, в единственную тогда

русскоязычную газету «Новое русское слово» попробовать устроиться туда работать. Мой знакомый сообщил, что им срочно нужен метранпаж, а знание языка не требуется, что было очень важно, так как английский я не знал, а вот с работой метранпажей был хорошо знаком — когда работал главным художником в журнале «Костер».

К моему огромному счастью, компьютеров в «Новом русском слове» тогда не было и газета делалась по старинке, т.е. нарезались гранки, клеились на планшете и сверстанные страницы отвозились в типографию. Единственная разница была в том, что гранки промазывали не противным канцелярским клеем, а теплым воском. Чтоб не запачкаться, мне дали какой-то старый кухонный передник, ярко-желтый, с большими красными петухами — и я начал работать.

Я очень быстро, очень профессионально, изобретательно расклеил несколько планшетов, делал это лучше всех и видел, что в редакции смотрели на мою работу с восхищением. Потом главный редактор Люда Шакова попросила меня: «А вы не смогли бы сделать нам заставку, мы сегодня начинаем печатать повесть». Это была первая публикация в Америке известного ныне в России писателя Александра Кабакова «Невозвращенец».

Я быстро сделал шикарную заставку, и все пошли в кабинет к хозяину.

«Берите его скорей, он находка для газеты — и верстает прекрасно, и рисует великолепно», и меня взяли на работу в газету, прямо сразу, с первого захода. Я ликовал, представляя, как обрадуются вечером мои домашние.

Но одно обстоятельство отравляло мне радость. Дело в том, что весь этот день в редакцию с разных каналов телевидения приезжали группы — операторы, фотографы, журналисты — и снимали в редакции. Потому что неделю назад в газете было напечатано обращение ФБР к русскоязычным эмигрантам с призывом звонить, писать и сообщать все, что они могли знать «секретного» на своих работах в Советском Союзе. И даже деньги обещали за «ценную» информацию.

И сразу же в либеральной газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья, что вот бедные эмигранты, которых КГБ заставляло там, в Союзе, стучать и доносить, наконец вырвались в «свободный» мир и их тут тоже призывают стучать и доносить. Статья появилась утром, а уже днем телевизионщики ринулись в газету снимать для вечерних новостей. И не только англоязычные каналы, но и японские, и индийские, и китайские, и т. д.

И тут я заметил, что первое, что они делают, — это снимают

именно меня, и это меня ужасно напугало. Я совершенно не хотел «засвечиваться» в «антисоветской газете», не хотел, чтобы вездесущие «агенты КГБ» увидели меня здесь. У меня в Ленинграде остался брат с женой, они работали на «Светлане», секретном заводе, и у них могли быть неприятности. А в том, что КГБ увидит, я был уверен. «Родина слышит, Родина знает…» Причем абсолютно все…

Я старался прятаться, уходил то в фотолабораторию, то в туалет, а то просто поворачивался спиной. Но я ясно видел, что все эти операторы и фотографы норовят в первую очередь снять именно меня. Я не мог понять, в чем причина такого внимания, и только вечером, когда мы увидели меня на всех каналах, я наконец понял в чем дело.

С бородой, в своем идиотском желтом фартуке с идиотскими красными петухами я был единственным ярким пятном в тусклой и довольно убогой редакции… И естественно, что все телевизионщики норовили снять меня.

М. Беломлинский в редакции «Нового Русского Слова»

Не знаю, разглядели ли меня «агенты КГБ», но все наши друзья и знакомые увидели, и весь вечер звонили и поздравляли.

— Ну ты молоток! Не успел приехать и сразу на работу устроился… Невероятно… Да еще по телику на всю Америку тебя показали. Правда, вид у тебя был дурацкий, в каком-то переднике

с петухами… Больше был похож на рекламу допотопного «Русского ресторана»… Только самовара и балалайки не хватало… Но это не важно, главное — на работу устроился! Молодец!!!

ЕГО ЗВАЛИ РОБЕРТ

ОЛЕГ СТРИЖЕНОВ

В Советском Союзе существовала единая расценка художественных работ на всей территории страны.

За книжную обложку для издательства в Москве, Мурманске или Новосибирске я получал одинаковый гонорар. Ну, в Москве может быть чуть больше.

Для оценки художественных работ существовал ценник, огромный прейскурант, где были перечислены все цены на работы — от газетной заставки до оформления витрины в магазине или декоративного панно для детского сада.

Работу принимал художественный редактор или

художественный совет. В одном уникальном худсовете «По нестандартным работам» я просидел много лет. Мы принимали и расценивали работы, не указанные в прейскуранте. Например, мы оценивали факсимильные копии писем Ленина. Ксероксов тогда не существовало, и эти копии изготовлял один старикан, наверное, бывший фальшивомонетчик, состоявший на учете в КГБ.

Подлинники писем хранились в спецхранилищах при специальной температуре, а копии выставлялись в многочисленных музеях страны, и не надо было беспокоиться, что на свету они выгорят и исчезнут, тем более что тенденция к исчезновению писем Ленина была еще до революции. Насколько я помню из книг и фильмов, Ленин писал письма в тюрьме молоком, налитым в чернильницу, сделанную из хлеба, и когда в камеру входил надзиратель, Ленин съедал всё. Как видно, проблем с молоком и хлебом в царских тюрьмах не было.

Однажды я пришел на заседание худсовета раньше времени, прошел в комнату мимо очереди художников и увидел, что членов совета еще нет, а в углу, к моему большому удивлению, стоит артист Олег Стриженов. Я поздоровался с ним, но он мне не ответил, что я расценил как рецидив «звездной болезни».

Стриженов был в то время фантастически популярен — после фильмов «Овод», «Сорок первый», «Пиковая дама» и т. д. Все женщины страны были влюблены в него. Его называли «русский Жерар Филипп».

Я старался не смотреть в его сторону (еще в детстве мама объяснила мне, что «пялиться на знаменитостей некрасиво, неинтеллигентно»), но что-то в его поведении настораживало меня, я украдкой глянул на его неподвижно стоящую фигуру, и вдруг ясно увидел, что никакой это не Стриженов, а его чучело, вроде тех, что выставляются в музее восковых фигур Мадам Тюссо.

Оказалось, что в Ленинграде снимается фильм «Его звали Роберт», где Стриженов играет героя и его Робота, и для каких-то сцен был изготовлен этот манекен. А мы должны были оценить эту прекрасную работу, чтоб художница могла получить за нее деньги.

Я подошел к этому Роботу поближе и разглядел его длинные ресницы, красивые глаза и т. д. Все было сделано мастерски, очень похоже.

Дома я рассмешил жену и детей, рассказав об этом забавном курьезе.

А вечером мы с женой поехали в ресторан поужинать со своими друзьями-киношниками, и я просто обалдел, когда

увидел, что за столом с ними сидит Олег Стриженов. В какой-то момент у меня даже возникла бредовая мысль, что это то же самое чучело, которое они таскают с собой, но вскоре понял, что это живой артист.

Он был очень похож на виденного мною утром, тоже довольно неподвижный, сдержанный, особенно на фоне уже выпивших киношников.

Но все это совпадение показалось мне очень забавным, и я хотел рассказать эту утреннюю историю и повеселить компанию и уже приготовил первую фразу — «А знаете, я вас утром видел на худсовете в Союзе художников…», но сказать не успел. Как раз в это время захмелевший режиссер Леня Менакер, сидевший рядом с Олегом, приобнял его и пьяно-ласковым голосом проговорил:

— Олешка, дорогой, как я тебя люблю“, и ласково, легонько погладил его по щеке. В ответ на эту „ласку“ Стриженов вскочил, замахнулся вилкой на Менакера и дико закричал: „Не смей трогать меня за лицо! Никогда не смей трогать мое лицо! Это мой инструмент! Я даже дочке не позволяю трогать мое лицо!

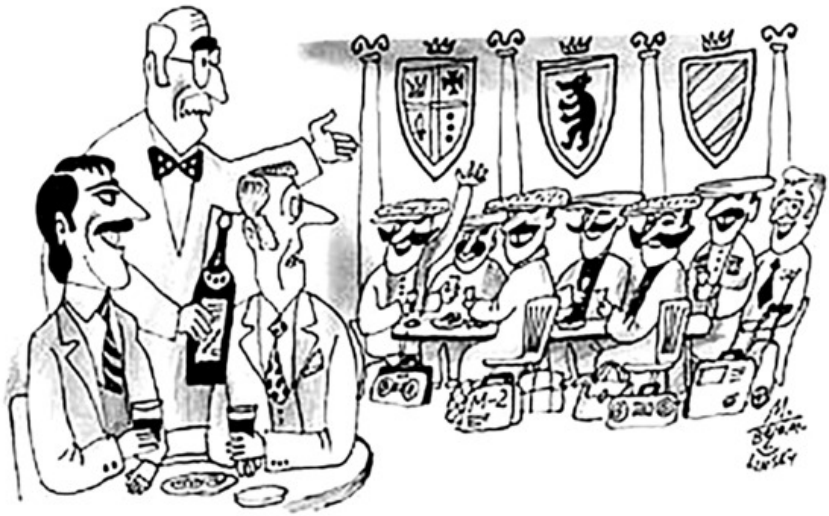
Весь ресторан, до этого украдкой наблюдавший за нашим столиком, вскочил на ноги и любовался прямо-таки шекспировской сценой, с актером Стриженовым в главной роли. Но постепенно все успокоились, Менакер пьяно без конца повторял: «Олешка, дорогой, ну прости меня, я не знал…»,

но за лицо его уже не трогал.

И тут я твердо решил не рассказывать эту утреннюю историю.

«Да ну его, неизвестно, как он на нее будет реагировать, вдруг обидится и тоже бросится на меня с ножом и вилкой!..»

КОРОЛЬ



Известный советский актер, красавец Отар Коберидзе в 70-е годы снимался в советско-немецком фильме. Действие фильма происходило в Грузии и в ГДР (Германской Демократической Республике).

В фильме снимался и знаменитый в ГДР немецкий актер Отто Дитрих. Обычно после съемки Отар приглашал немца поужинать в ресторан. Но не успевали они еще сделать заказ, как к их столу уже несли подносы с коньяком и шампанским. Это сидящие в ресторане грузины, увидев своего кумира, посылали ему привет «от нашего стола вашему…»

И это повторялось каждый раз, как только они появлялись…

«Я вижу, ты здесь настоящий король, — восторженно говорил Отто, — но подожди, когда мы приедем в Германию — ты увидишь, что там король — Я!!!»

После первого съемочного дня в Берлине Отто пригласил Коберидзе поужинать в ресторан. Когда они сели за столик, Дитрих заказал официанту: «Два коньяка!» — «Зачем же нам сразу две бутылки?» — подумал Коберидзе, но с удивлением увидел, что официант торжественно, на особых тарелочках принес им две рюмки коньяка.

Отто весь сиял от удовольствия, что вот наконец он меня угощает, а не я — его…

И в это время подошел другой официант и поставил на стол бутылку коньяка. Отто очень удивился и встревоженно сказал:

— Нет, нет, я это не заказывал…

— Не беспокойтесь… Это вам прислали с того столика…

И друзья увидели, что в углу за столом сидела группа советских туристов из Грузии с гидом.

Их кормили в этом ресторане, и они, увидев своего любимого Отара Кобериdзе с жалкой рюмкой коньяка, скинулись, и из своих мизерных денег (А вы помните, какие гроши нам выдавали в эти туристические поездки? — Их едва хватало на дешевые сувениры) оплатили бутылку коньяка и прислали ее актеру.

Отто Дитрих был потрясен. Он встал на колени и торжественно воскликнул: «Отар, я вижу сейчас, что ты везде король!!!»

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕМИНАР

В апреле исполняется ровно 140 лет со дня рождения Ленина. И я вспомнил 1970 год — год столетия со дня рождения, который праздновался в Советском Союзе особенно торжественно. Не только все театры страны выпускали спектакли на ленинскую тему, но и дома культуры, и самодеятельные коллективы, везде, вплоть до режимных лагерей. Об одном таком спектакле написал замечательный рассказ «Представление» Сергей Довлатов, который тогда служил охранником и сопровождал вора-рецидивиста, играющего Ленина, из одного лагеря в другой.

А вообще это была большая проблема — найти сотни актеров на эту ответственную роль. Во-первых, пьянство, столь распространенное в театральной среде.

«Мы артисты — наше место в буфете!» — провозглашал герой пьесы А. Островского «Лес». И часто актеры выходили на сцену прямо из буфета и изображали вождя, будучи в нетрезвом состоянии.

«Так, в городе Николаеве артист местного драмтеатра Кушаков на празднике на стадионе, стоя на фанерном броневике, выкрикивал нецензурные слова, а на повороте вообще свалился с машины», — вспоминал артист Борис Сичкин.

Но и не все трезвые актеры удовлетворяли высокие требования, которые предъявляли к исполнителям этой роли.

Не все обладали талантом и мастерством, тактом и вкусом, ориентировались в основном на фильмы «Ленин в октябре» и «Ленин в 18 году», где замечательный актер Щукин изображал вождя, темпераментно жестикулируя и картавя. Подражая ему, но сильно утрируя, актеры часто превращали игру в какую-то анекдотическую пародию.

Но были в этой области и замечательные достижения. Например, актер Горьковского театра Матвей Шарымов, татарин, был так патологически похож на Ленина, что мог на спор 15 минут просто сидеть на сцене и читать газету, изредка бросая фразы:

«Архиглупо!» или — «Опять эта проститутка Троцкий гадит!..», и весь зал, заметев, смотрел на «живого Ильича».

Но в основном сигналы были тревожные! И вот в Москве накануне юбилея был проведен семинар или, как сказали бы сейчас, «мастер-класс» для актеров, играющих Ленина.

Съехались несколько сот актеров со всего Советского Союза: «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей-калмык…»

И «главный Ленин страны» артист Борис Смирнов из главного театра Страны — МХАТа произносил монологи из главной ленинской пьесы «Кремлевские куранты», показывая, как жестикулировать и картавить.

А две сотни загримированных под Ленина актеров все это за ним повторяли.

Высокие и низкорослые, худые и полные, голубоглазые блондины из Прибалтики, жгучие брюнеты из Закавказья, загорелые из Средней Азии и узкоглазые, скуластые народы Севера, якуты, чукчи, нанайцы и удмурты… Зрелище было сюрреалистическое, никакому Дали такое и не снилось…

Вся эта толпа то закидывала руки под мышки, кк будто собиралась танцевать фрейлахс, то вскидывала руки в приветствии и, лукаво щурясь и неистово картавя, повторяла за Смирновым знаменитую фразу: «П’гавильной до’логой идете, това’гищи!..»

ШЕРБУРГСКИЕ ЗОНТИКИ

В этот фильм я влюбился с первого мгновения, как только зажёгся экран и пошли титры на фоне мокрой мостовой и проходящих под разноцветными зонтиками девушек.

Всё это было снято сверху и всё это было дивной симфонией цвета и музыки, и эти несколько минут могли составить отдельный прекрасный фильм.

Я смотрел это во время недели французского фильма в Ленинграде, в оригинальной версии.

Потом, в прокате эта подкладка под титрами была воспроизведена мультипликационно, и тоже получилось прекрасно, но то первое впечатление было просто волшебным, и эта музыка, вошедшая в нашу жизнь, и это имя, звучащее как музыка — Мишель Легран.

Он приезжал в Ленинград и у меня сохранился набросок с его автографом, хотя я совершенно не помню, где и когда я его нарисовал. Наверное, в уютном ресторане Дома композиторов, куда нас с женой приглашала на разные интересные встречи наша подруга Наталья Шарымова.

Помню, что он был очень молод, наш ровесник, очень уютный, обаятельный, с широкими чёрными бровями. (У него мама армянка).

Он один из самых замечательных людей, лично мною виденных не в кино, не в телевизоре, и я поместил этот набросок в свою книжечку.

Он написал музыку к двумстам фильмам, неоднократно получал «Оскара», «Эмми» и другие награды, и известен в самодостаточной Америке, хотя и не так, как местные американские композиторы.

Однажды, когда он был в Нью-Йорке, художник Юрий Купер, который познакомился с ним ещё в Париже, пригласил его на ужин в ресторан «Русский самовар». Леграну всё очень понравилось, и уютный дизайн, и русская кухня, и радушный хозяин Роман Каплан, и он сел за рояль, чтобы сыграть что-нибудь.

Композитор Мишель Легран.

Реакция зала, влюбленного в музыку Мишеля Леграна, была такой неистово восторженной и бурной, что он играл часа два.

Легендарная исполнительница цыганских романсов Женя Шевченко, покинувшая Россию ещё с армией Врангеля, бывала в «Самоваре». Роман выделил старухе столик, и она гадала там, а иногда даже пела.

«…Ты представляешь — народ у нас до чего жадный пошёл. Тут давеча мужик один, не русский, француз, часа два играл, так ему в стакан только 4 доллара бросили… Вот ей-богу… не вру… Сама видела»

ДИЗАЙН

Старый дом на уютной узенькой улице Репина, рядом с Академией Художеств, где у меня была мастерская поставили на капитальный ремонт, а я перебрался в освободившуюся мастерскую, в новом доме. Это были дома, построенные в 60-е годы, с профессиональными мастерскими, с высокими потолками, и окнами во всю стену. Лифта в этих домах не было и нужно было пешком подниматься на 6-й этаж, с папками, с застеклёнными рамами и т. д. Но главная беда была бедой почти всех верхних этажей в Ленинграде — зимняя протечка. Снег скапливался на крышах, (его должны были счищать дворники, но это не делалось, кто полезет на крышу, с риском свалиться с шестого этажа) и углы верхних этажей начинали протекать. Когда я въехал в мастерскую, в ней уже был жуткий угол. Штукатурка падала, обнажилась дранка, висели ошметки краски и т. д. Летом я пытался сам подремонтировать всё это, красил угол, шпаклевал и т. д., но зимой опять всё намокало. Я вызвал комиссию, они посмотрели, сказали, что это требует капитального ремонта. Я услышав эти слова, испугался, что мне опять придётся переезжать, больше ничего не вызывал и как-то приноровился, привык. Я как-то исключил этот угол из актива, убрал оттуда всё, папки с работами и работал в остальной части мастерской.

Занимался я тогда в основном иллюстрированием детских книг. И еще пару раз в неделю я ездил в пионерский журнал «Костер», где был главным художником.

В какой-то момент главным редактором «Костра» назначили писателя Святослава Сахарнова, моего хорошего знакомого, я уже делал рисунки к нескольким его книгам. Он был старше меня лет на 10, прошел войну, был командиром торпедного катера, потом ушел из флота и стал писать книги для детей. Он увлекался подводными съемками, и вообще писал об этом книги. И ещё он довольно регулярно ездил за границу (входил в обойму допущенных к выездам). Простому смертному тогда съездить в какую-нибудь Болгарию — было проблемой, а уж в капстрану… Я помню мы с женой подали заявление на путевку в Международный дом отдыха журналистов на Балатоне, в Венгрии, и ждали 3 года, пока нас выпустили. Надо было утвердить характеристики в райкоме партии и т. д. Жена тогда не работала, писала. И ей в жилконторе написали положительную характеристику, где было сказано — квартплату платит вовремя.

Сахарнов привозил из этих поездок разные сказки, и переводил их, а я с большим удовольствием делал к ним

картинки. Потому что в основное время приходилось иллюстрировать всякую ерунду про пионеров, которую и читать было невыносимо.

Со Славой Сахарновым у нас были хорошие, приятельские отношения. Мы часто ездили с ним в разные командировки, например были на Камчатке, на Командорских островах — потом делали детские книги, его текст — мои картинки, и т. д. Однажды он говорит.

— В Ленинград приезжает писатель индийский писатель Капур, помнишь ты делал рисунки к его сказке про Бегемота. Союз писателей просит его принять и т. д. Я могу пригласить его к себе — квартира у меня приличная, но я живу в новом районе, там к дому подойти проблема, везде строительный мусор, надо по каким-то гнилым доскам добираться и т. д. Жуткое зрелище, не для иностранца. Давай у тебя в мастерской его примем.

— Но у меня же жуткий угол, с протечкой.

— А кого это волнует, мы посидим за столом, я притащу коньяк, фруктов, кофе сделаем, и ты свои картинки покажешь.

Так мы и сделали. Я накрыл стол белой бумагой, нарисовал два флажка — советский и индийский, прикрепил к кисточкам, поставил посреди стола — получилось, как на фото, когда подписывают какой-нибудь договор между СССР и Индией.

Капур этот оказался вполне симпатичным, мы чудесно посидели, выпили, посмотрели мои работы, Сахарнов говорил по-английски — так что было все нормально.

Капур иногда поглядывал на мой угол, но без опаски, а с какой-то загадочной улыбкой, как принято на востоке.

Вобщем, встреча удалась.

Через пару месяцев Сахарнов опять ездил в Индию и вернувшись говорит:

— Тебе огромный привет от Капура, он без конца вспоминает визит в твою мастерскую. Нет, ему и твои работы очень понравились, но главное — его потрясло оформление твоей мастерской. Он даже написал про твою мастерскую в своих путевых заметках: «Это было что-то фантастическое, дизайн был сделан, как каюта потонувшего корабля, всюду осыпалась штукатурка, свисают какие-то ошметки, водоросли, такого оригинального дизайна я никогда в жизни не видел…»

«ЧУДО ПРИРОДЫ — ПОДВОДНЫЕ РОДЫ»

В бывшем Советском Союзе каждый член Союза художников имел право раз в году в течение двух месяцев жить и «творить» в Доме творчества совершенно бесплатно. Даже дорога туда и обратно оплачивалась — хоть из Владивостока, хоть с Чукотки (там тоже проживало несколько членов Союза художников — резчики по кости, по моржовому клыку).

Предполагалось, что ты на всём готовом, освобождённый от «халтуры», от ежедневных забот о хлебе насущном, от жены и детей, в коллективе таких же от всего избавленных художников за два месяца сугубо творческой работы сможешь создать нечто ценное и отчитаться этим в конце смены на отчётной выставке.

Выставки эти целую неделю были открыты для местных зрителей. На них проходили встречи с художниками, обсуждения и т. д.

А потом устраивался заключительный банкет (без зрителей). Сдружившиеся за два месяца совместной работы и совместного отдыха художники обменивались адресами, клялись в вечной дружбе. Никогда в жизни не приходилось мне целовать такое количество пьяных и бородатых физиономий, как в эти дни.

Располагались эти Дома творчества в красивых местах по всему Союзу: в Гурзуфе, в Крыму, на бывшей даче художника Константина Коровина, в старой Ладоге под Ленинградом, в Прибалтике — в Паланге, в Майори, в Переславле-Залесском, в Горячем Ключе на Кавказе и т. п.

Под Москвой находился Дом творчества «Челюскинская» — знаменитая «Челюха», приспособленная для графиков. Здесь имелись офортная и литографская мастерские, печатный станок. Можно было делать и печатать эстампы — гравюры, офорты, литографии.

Вот в «Челюхе» я и оказался в ноябре 1978 года с группой художников-иллюстраторов. Вообще графики-иллюстраторы отличались от живописцев или скульпторов (в массе своей довольно дремучих) уже тем, что читали то, что должны были иллюстрировать, то есть были людьми, можно сказать, относительно интеллигентными.

Но тогда, в 78-м, группа подобралась вообще уникальная. Виктор Чижиков — автор олимпийского Мишки, сделал рисунки ко всем весёлым книжкам: «Доктор Айболит», «Алиса в стране чудес», «Золотой ключик, или приключения Буратино» и т. д. Илья Кабаков начинал как детский иллюстратор, но к тому времени уже нелегально считался главным авангардистом

в СССР. Сейчас он стал самым дорогим послевоенным художником России. В прошлом году его картина «Жук» была продана на лондонском аукционе Phillips de Pure & Co. за 5,2 млн. долларов.

Валерий Дмитрюк — художник-редактор самого популярного весёлого журнала для малышей «Весёлые картинки».

И два моих ближайших друга из Ленинграда — Леонид Каминский (замечательный художник и поэт, автор сборника смешных рисунков, стихов и рассказов — «Учитель смеха») и Георгий Ковенчук — Гага. С ним я дружу с 1947 (!) года, с первого класса средней художественной школы в Ленинграде.

Гага — не только замечательный художник, но и поразительный человек, способный, как ребёнок, восхищаться и увлекаться всем новым, необычным, интересным. Он-zто и привёз в «Челюху» Игоря Чирковского.

Чирковский был страстным проповедником теории, что женщины должны непременно рожать в воду. Ведь когда ребёнок появляется из чрева матери и впервые сталкивается с воздухом, его охватывает ужас, и он кричит, а это фиксируется в его подсознании и сопровождает всю жизнь. От этого возникает подсознательное ощущение какой-то тревоги, тоски. А когда ребёнок рождается в воду, мягко переходя в такую же среду, где он находился раньше, ничего такого не происходит. Недаром египетские принцессы рожали в воду, — говорил Чирковский на всех выступлениях.

Теория эта находила фанатичных поклонников. Падкое уже в то время на всякие сенсации TV пару раз делало передачи про Чирковского. Я сам видел выступление звёздной пары — актёров Николая Бурляева и Натальи Бондарчук, которая родила в воду и теперь это пропагандировала по телевидению. Гога показывал всем какой-то шведский журнал со статьей об Игоре и уверял, что тот может получить Нобелевскую премию. Шведский никто не знал и что написано в журнале — прочесть не могли. Разглядывали только фото.

Но пока премии не было, Гага договорился, что дирекция «Челюхи» пригласит Игоря прочесть для художников лекцию о подводных родах. У них там были какие-то небольшие деньги на культработу.

Игорь приехал, привёз с собой фото и любительский фильм. Сначала он прочёл небольшую лекцию о пользе родов в воду и опять рассказывал, что в Древнем Египте принцессы только так и рожали. Ещё говорил о пользе купания детей в проруби, о том, что все наши родильные дома заражены стрептоккоком. А потом погасили свет и начался фильм.

И тут наступил полный кошмар.

МЕРОПРИЯТИЕ: В ЧЕЛЮХУ ПРИЕХАЛ ГОСТЬ МОСКОВСКИЙ – ПОДВОДНЫЙ АКУШЕР ЧИРКОВСКИЙ. ОН
ОБЪЯСНЯЕТ ПРОСТО БЕЗ ЗАТЕЙ, КАК НУЖНО ПОД ВОДОЙ РОЖАТЬ ДЕТЕЙ.
ВОТ СОБРАЛАСЬ ХУДОЖНИКОВ БРАТИЯ У НИХ СНОВЬ ВАЖНОЕ
ЧУДО ПРИРОДЫ – ПОДВОДНЫЕ РОДЫ
СТИХИ Л. КАЗИНСКОГО. 198
ЭКЗ. РИСУНОК М. БЕЛОМЛИНСКОГО.

Посреди большой, по-видимому, коммунальной кухни (было видно много счетчиков) стоял прозрачный пластиковый куб, сваренный какими-то умельцами, наверное, прямо на этой кухне.

В нем по горло в воде сидела женщина, расставив ноги, и… рожала.

Это теперь мужья присутствуют при родах (всё можно увидеть в кино или по телевизору), а тогда я видел это первый раз в жизни. Мне стало плохо, и я на минуту потерял сознание.

Очнувшись, я огляделся.

Мои товарищи — впечатлительные детские иллюстраторы — тоже впервые видели, как появляются на свет их зрители. Они смотрели на экран с ужасом, кто-то просто закрыл глаза. Кто-то отвернулся.

Наконец ребёнок появился в воде, и фильм закончился…

Зажегся свет. Все молча стали расходиться.

Игорь собрал свои фотографии, плёнки, и мы с Гагой пошли его провожать на электричку.

«Что-то ребятки приуныли» — сказал Игорь. «Ну, видишь, зрелище такое необычное. Никогда ведь ничего такого не видели мы» — отвечал Гага.

«Да, это первый фильм про роды в воду», — бодро сказал Игорь, а я спросил:

«А откуда известно, что принцессы рожали в воду? У меня много альбомов по Древнему Египту, и я не помню, чтобы там были изображения такие, а они всё нарисовали: и войны, и охоту, и пиры… И даже обрезание нарисовано…»

«Да нет, — ответил Игорь, — это я сам выдумал, это звучит очень эффектно и убедительно… и производит сильное впечатление!»

На следующий день за завтраком все уже со смехом вспоминали этот фильм, этот огромный жуткий куб, страшную кухню, акушера Чирковского.

Потом я нарисовал большую картинку (1 м х 1,5 м) и выставил её на отчётной выставке. А Лёня Каминский написал смешные стихи.

«Чудо природы — подводные роды»
Вот собралась художников братия.
У них очень важное мероприятие:
В Челюху приехал гость московский —
Подводный акушер Чирковский.
Он объясняет просто, без затей,
Как нужно под водой рожать детей.

Картинка очень всем нравилась. Её фотографировали (ксероксов тогда у нас не было) на память.

Я привёз эту картинку вместе с другими работами с собой в Америку.

А здесь её приобрёл известный коллекционер Нортон Додж, и она находится в музее Zemmerli в Нью-Джерси.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

В 1947 году энергичная мамина сестра, узнав, что в Ленинграде ест специальная художественная школа при Академии художеств для особо одаренных детей, где дают стипендию и рабочую карточку, отвела меня туда.

Я успешно сдал экзамен по рисованию (до этого я занимался в районной изостудии), был зачислен, и получил удостоверение, по которому мы — ученики могли бесплатно ходить в Эрмитаж и в Русский Музей, куда мы ходили очень часто, особенно в залы передвижников, на которых мы должны были равняться.

Однажды я бродил по этом залам, с удивлением рассматривая бесчисленное количество полутораметровых скульптур Пушкина. Все они были похожи друг на друга, везде поэт читал стихи, откинув то правую, то левую руку. На некоторых скульптурах еще была изображена женщина с лирой, по-видимому, муза поэта.

Всё это были проекты памятника Александру Сергеевичу Пушкину, выставленные на конкурс. По анфиладам из зала в зал двигалась угрюмая группа людей, возглавляемая А. А. Кузнецовым и П. С. Попковым — руководителями Ленинграда. Они останавливались у каждого проекта и им что-то объясняли музейные работники. Выбрали они проект тридцатилетнего Аникушина, но я этого уже не видел — тетка — смотрительница выгнала меня из залов.

Руководителей я сразу узнал, предстояли выборы, и портреты кандидатов в депутаты висели на всех улицах. Через два года всех их расстреляли по «Ленинградскому делу», но памятник Пушкину, ими выбранный, был поставлен.

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Сталин выставки не посещал.

Но в театр любил приезжать. Неожиданно, посреди спектакля. С членами политбюро. Любил балет, и МХАТ. «Дни Турбиных» Булгакова 15! раз смотрел. И ещё любил кино смотреть в Кремле, по ночам. Причем, по два фильма, и тоже с членами политбюро.

А вот Хрущёв, тоже с членами политбюро любил ходить на выставки.

Собственно, с посещения художественной выставки в Манеже, в Москве, в 1962 году, и после скандала на ней и началась многолетняя борьба с «формализмом», и слово «абстракционизм» стало в прессе, на радио и телевидении популярней, чем слово «кукуруза».

В окружении плотной толпы из членов политбюро и руководителей Союза Художников Хрущев быстро шел по залам и кричал: «Дерьмо!», «Мазня!». «Кто им разрешил так писать?!», «Всех на лесоповал! Пусть отработают деньги, которые на них затратило государство!», «Безобразие! Что это — осел хвостом

писал, или что?»

Художник Борис Шутовский вспоминает: «Когда Хрущев подошел к моему портрету, он закричал: „Посмотри лучше, какой автопортрет Лактионов нарисовал. Если взять картон, вырезать в нем дырку и приложить к портрету Лактионова, что видно? Видать лицо. А эту же дырку приложить к твоему портрету, что будет? Женщины должны меня простить — жопа“. И вся его свита заулыбалась».

Особый гнев Хрущева вызвал скульптор Эрнст Неизвестный.

Он орал на него «Педерас…»… „Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите“».

И в дальнейшем, до конца существования Советского Союза ни одна выставка у нас в стране не могла открыться без предварительной цензуры, без предварительного посещения партийного начальства.

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ИВАН ИВАНОВИЧА

ИВАН ИВАНОВИЧ — один из преподавателей в Средней Художественной Школе (СХШ), где учился М Беломлинский

Взятка

…А вот еще случай был во время войны. Наш институт тогда в Средней Азии находился, в эвакуации. Вдруг телеграмма приходит от Модорова, директора. Мне срочно в Москву ехать надо, на сессию Академии художеств…

Ну, пошел я на вокзал, а там народу видимо-невидимо, к кассам вообще не протолкнуться. Стою я, не знаю, что и делать. Вдруг ко мне человек подходит и говорит: «Иван Иванович, дай 100 рублей, я тебе помогу в Москву уехать…»

Ну, я дал ему 100 рублей, а он говорит: «Это за совет! Вон там дверь, где начальник вокзала сидит, ты туда прямо заходи и дай ему 1000 рублей, и скажи, что тебе срочно надо в Москву уехать…»

Ну, я зашел, смотрю там действительно начальник вокзала сидит и по телефону разговаривает.

А я, знаете, взятки никогда до этого не давал, аж вспотел весь от страха, но деньги вытащил и положил перед ним на стол. А он посмотрел и в телефон говорит: «Девушка, соедините меня

с линейным прокурором!»

Ну тут я, знаете, от страха чуть не помер. Сейчас, думаю, меня за взятку и арестуют… И все…

А начальник вокзала говорит: «Линейный прокурор! Слушай, линейный прокурор! Ты сегодня в Москву не едешь! Иван Иванович едет!..»

Одноногий еврей

А вот еще случай такой… Был я в комиссии по пенсиям для инвалидов войны. И вот приходит один еврей, одноногий, на костылях.

Ну, мне мои товарищи и говорят: «Иван Иванович! Да дай ты ему пенсию, пусть только уходит скорей…» А я все-таки все его документы проверил как следует…

Так он, подлец, оказывается, эту ногу еще в Первую мировую войну потерял, еще в 1914 году…

Эхо

А вот еще случай был, в деревне…

Мы там со студентами на практике были. И вот я вечером на крыльцо вышел, смотрю, какая красота… Небо — чистая охра, поля и лес такой стоит. Так красиво… Я даже арию запел:

«Дай руку мне, красотка…»

А от леса эхо отзывается:

«В замок с тобой войду…».

Ну я прямо удивился и испугался даже… Ведь эхо-то оно то же самое повторяет, а здесь другое совсем…

Ну, я специально ещё раз пропел:

«Дай руку мне, красотка…»

А эхо опять:

«В замок с тобой войду…»

Тут я уж совсем испугался, прямо чуть с ума не сошел…

Хорошо, голову поднял.

А это там, на втором этаже, наш педагог Коган на балконе стоит и надо мной издевается…

Убить человека

А вот ещё случай был, на практике.

Сижу я, пишу этюд. А кругом красота такая, небо — чистая охра, лес стоит, поля кругом, а по полю наши студенты с местными девушками прогуливаются. Красиво так… Я даже

руку поднял, помахал им, улыбаюсь…

А они девушкам на меня показывают и слышу — говорят:

«А вот там наш Иван Иванович сидит, засранец…»

Вот так одним словом человека убить можно…

Арест

А вот еще случай был в деревне…

Я этюд писать пошел, ну и заблудился, в запретную зону забрел. А у них там какие-то учения шли. Ну и арестовали меня, в комендатуру ведут.

А у меня никаких документов с собой нету, конечно…

А тут мы мимо нашего дома проходили, где мы жили, а на балконе Коган стоит, наш преподаватель.

Ну я ему и закричал:

«Коган! Узнай меня!..»

А он только засмеялся так и окошко закрыл.

ОруДИЯ разврата

А вот однажды я понятым был, когда Берию арестовывали. Ночью нас в его особняк привезли, чтоб мы при его аресте присутствовали, понятыми были. Ну, сам арест я не видел, мы в другой комнате находились. А там по всем стенам орудия разврата висели разные…

— Иван Иванович! А как они выглядели, эти «орудия разврата», опишите хоть.

— Не могу описать, но сразу было видно, что это орудия разврата…

Голоса

Однажды Иван Иванович вбежал к директору с заявлением.

— Модоров, увольняй меня, немедленно!

— Да ты что, Иван Иванович? Что случилось? Успокойся!

— Да вот давеча я в туалет зашел, по малой нужде. А из двух кабинок моим голосом разговаривают. Ну, я нарочно подождал, когда они выдут… Вышли… Смотрю… Один студент, другой — преподаватель!

Все еще впереди

Вот вам хорошо…

У вас все ещё впереди. Вы ещё в партию вступить можете.

А что же нам делать? Кто уже в ней…

Ангел

Да, а вот еще в молодости случай был…

Я тогда на рабфаке учился, рисовал все время, с утра до вечера, а вечером в общежитие бежал спать, по бульвару, а по сторонам не смотрел даже. А на бульваре-то кругом женщины легкого поведения прогуливались. Прямо толпы. Но я даже и не смотрел на них никогда…

А однажды бегу и вижу. Ангел идёт! Ну просто ангел идёт. Я руку в карман сунул, а там только три рубля. Вот вы смеётесь, а ведь мы тогда впроголодь жили, а на три рубля студент тогда месяц прожить мог, на хлебе и квасе… Вот…

Но я эти три рубля протянул ей и говорю: «На, возьми, но живи честно…»

У ФАЙБУСОВИЧЕЙ В БЕЙСМЕНТЕ

«Знаете, он из Бруклина,
Но выглядит, как из Квинса»

Разговор на бордвоке

Мой приятель, из Квинса, полетел на две недели в Европу, в Карловы Вары, принять лечебные ванны. Он рассказывал, все было замечательно: и лечение, и сервис, и поездки в Золотую Прагу.

А в конце пребывания поехали в Дрезденскую галерею посмотреть Сикстинскую Мадонну великого Рафаэля. В пути гид интересно рассказывал про бессмертный шедевр, историю создания.

Один из экскурсантов, глуховатый Моня, сел поближе, внимательно слушал, а его жена Фаня сидела в конце и все время его окликала…

— Моня, не сутулься, ну что ты сутулишься, сядь прямо, не сутулься…

Потом она требовала, чтоб он поел, передавала ему бутерброды.

Наконец приехали, вошли в первый зал. Увидев бархатную скамеечку, Фаня сняла туфли, уселась и стала оглядываться:

— Ну и где эта знаменитая Мадонна, где?…

— Фанечка, это не здесь, это там, выше, в специальном зале.

— Ну сходи посмотри, где это, далеко ли идти, у меня ноги горят…

Моня вернулся.

— Ты знаешь, это там выше, надо подняться по той лестнице.

— Ну и что это такое, что?

— Ну это как та, что висит у Файбусовичей в бейсменте, только очень большая…

— Ну хорошо, тогда я не пойду, я устала… вернемся, я посмотрю у Файбусовичей в бейсменте…

ГАЛЯ

Был небольшой гололед, я неосторожно газанул, машину крутануло, и я съехал задними колесами в кювет.

Я увидел, что самому мне не выбраться на шоссе, и стал ждать, когда кто-нибудь проедет…

Около меня остановилась машина, и водитель спросил:

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Да нет, нам самим ее не вытащить! А троса у вас нет случайно?

Он осмотрел мою машину и крикнул: «Галя!». Из его машины вылезла симпатичная здоровенная деваха, легко приподняла задний бампер и поставила машину на шоссе.

— Вы в гололед осторожно катайтесь, — сказал водила. — А лучше вообще не ездить, когда подморозило.

— Но вы-то ездите, — возразил я ему.

— Ну я другое дело, — ответил он, — я всегда беру с собой Галю»…

ЧАСТЬ 4: О СЕБЕ

Содержание

МНЕ УЖАСНО ПОВЕЗЛО: Я ВСЮ ЖИЗНЬ РИСУЮ
О СЕБЕ К 70-ЛЕТИЮ
ПРО ВОЙНУ И ПОСЛЕ
ДНЕВНИКИ

МНЕ УЖАСНО ПОВЕЗЛО: Я ВСЮ ЖИЗНЬ РИСУЮ

Интервью Владимира Нузова для журнала «Вестник» 28 мая 2003 г.

— Михаил, когда вы взяли карандаш или кисточку в руки? Я знаю, было это на брегах Невы…

— Да, я ленинградец. Сколько себя помню, я все время рисовал, начал рисовать еще мелом на тротуаре. Потом все пошло очень гладко: после эвакуации поступил в художественную школу. Отвела меня туда моя тетя, причем не только для учебы, но и для получения стипендии, в ту пору это была дополнительная рабочая карточка. Ну, а из школы я поступил уже в Академию художеств, на графический факультет, по окончании которой был принят в Союз художников, поскольку начал работать еще студентом. Так что занимаюсь рисованием практически всю жизнь, ничего другого делать не умею и не люблю. Окончив Академию, я много поездил по Союзу. Был на Камчатке, на Командорских островах, на Чукотке. Можно сказать, впервые Америку увидел «с той стороны».

— — Вы проиллюстрировали около 250 книг. Назовите,

пожалуйста, несколько известных авторов.

— — Первой назову детскую книжку Толкина (Толкиена) «Хоббит», я делал к ней картинки. Потом иллюстрировал «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, делал рисунки к чудесной повести Василия Аксенова «Мой дедушка — памятник» в журнале «Костер», в котором я, кстати, проработал главным художником 10 лет. Иллюстрировал я и «Английские новеллы» Сервантеса, оформлял книжку Дарелла «Говорящий сверток» и книжку Эдуарда Успенского «Каникулы в Простоквашино». «Хоббит» переиздается с моими рисунками до сих пор.

— — То есть вы, Михаил, были востребованным, довольно успешным художником. Почему же тогда уехали?

— — Я действительно был вполне благополучным художником с квартирой, машиной, дачей. Шел 1989-й год, началась перестройка, всех охватила эйфория. Хотя у нас, ленинградцев, жизнь отличалась от московской — она была более изолированной, что ли, более оторванной от системы. Приезжаешь в Москву, выпиваешь в компании художников, там сидит человек, о котором говорят: он из КГБ, но он нам помогает. Москвичи ездили в загранкомандировки, о чем мы и мечтать не смели, участвовали в разных «перестроечных» мероприятиях. Мы же к ним относились скептически, видели во всем этом какую-то подтасовку. Идет, к примеру, передача о Тарковском. Сидит там сам Жванецкий, а рядом с ним какая-то жуткая физиономия из ЦК комсомола. И говорит: «сколько раз Андрей приходил к нам, сколько мы ему помогали!» Всё смешалось: правда и вранье, установилась какая-то, я бы сказал, бесперспективность. Я понял, что все это надолго и неизвестно чем кончится.

— — К тому же — дети, да?

— — У меня две дочки и внучка. Шаг был, конечно, очень рискованный, моя жена — писательница Виктория Платова, старшая дочка — художница, то есть обладательницы не очень востребованных в Америке профессий.

— — Ну и что получилось?

— Получилось довольно гладко, потому что буквально через два месяца я приступил к работе в газете, где вполне благополучно проработал 12 лет — до ухода на пенсию.

— — Как вы перешли к карикатуре? Кто в этой области художественной деятельности ваш кумир? Кукрыниксы, Борис Ефимов, Херлуф Бидструп?

— — «Карикатурить» я начал еще в Ленинграде. Был там такой коллектив — «Боевой карандаш», созданный еще во время

блокады. Художники делали рисунки (карикатуры) на литографских досках, затем рисунки размножали, расклеивали на танках и так далее. В мирное время этот коллектив возродился, туда пришли мы с приятелем и стали делать юмористические плакаты. Аналогичные рисунки появлялись в газетах, да и иллюстрации в книжках были, как правило, с юмористическим уклоном. С Бидструпом я был лично знаком, а из учителей могу назвать автора первых рисунков к «Приключениям Буратино» Бронислава Брониславовича Малаховского, к сожалению, расстрелянного в 1937 году. Он был не только очень талантлив, но и безумно красив — как Джек Лондон.

— Был еще такой художник Ротов, автор замечательных иллюстраций к «Капитану Врунгелю». Он тоже, к сожалению, сел, причем арестовали его на даче, едва он закончил работу над иллюстрациями к «Доктору Айболиту». Назову еще великолепного ленинградского художника Лебедева, основателя целой школы.

— — А рисунки Малаховского не издавались потом?

— — Я и готовил его первую после реабилитации книжку.

— — Обычно карикатуристы рисуют, а под этим рисунком поэты пишут веселые четверостишия. У вас бывало так?

— — Со многими ленинградскими писателями я общался, дружил, они захаживали в мою мастерскую, располагавшуюся в самом центре Питера. Это и Игорь Ефимов, и Сергей Довлатов, и Иосиф Бродский. Родители моей жены и родители Бродского знали друг друга очень хорошо, вместе воевали. Александр Иванович Бродский был кантонист, выкрест. Когда Иосиф уехал, мы навещали его родителей. Так что моя жена знала Бродского задолго до того, как он стал знаменитым. Иосиф очень любил рисовать, у меня сохранилось несколько его рисунков. В беседах с Соломоном Волковым он тепло вспоминал мою мастерскую: там, мол, всегда можно было выпить, порисовать, да и натурщицы там были симпатичные.

— — А свою собственную книжку вам не приходилось иллюстрировать?

— Я выпустил здесь книгу карандашных набросков, которые делаю всю жизнь, где бы я не находился: в гостях, в очереди к врачу и тому подобное. Помню, в Риме, на пути в эмиграцию, я сел рисовать знаменитую лестницу на площади Испании. Вдруг слышу вопрос по-итальянски: «Кванто косто?» — сколько стоит? Мой рисунок за 10 тысяч лир купил какой-то немецкий студент. На 5 тысяч я купил мороженое, а другие 5 тысяч положил

в бумажник — это ведь был мой первый гонорар в иностранной валюте! Книжку, о которой речь, издала Наяна, называлась она «Ура, мы едем в Америку!» Текст к ней написала моя жена.

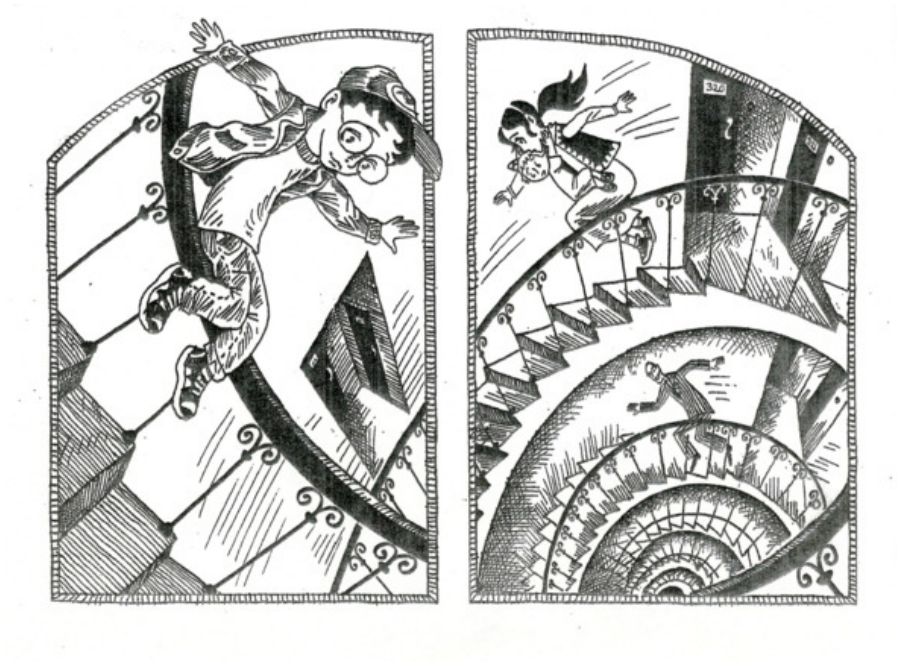
— — За время эмиграции вы посещали родной город?

— — Первый раз собрались туда спустя 13 лет после приезда. Поездка была очень удачной и для меня, и для жены. Во-первых, вышла книжка моей жены. Называется она «С любовью на память» — первая ее книжка в Союзе, поскольку до эмиграции её там не печатали. Вика — неплохая писательница, два раза попадала в финал Букеровской премии. У дочки здесь тоже вышла книжка — «Бедная девушка». Вернусь к поездке в Ленинград. Мне предложили сделать там выставку, хотя я никаких картинок с собой не вез. Но у моих приятелей оказались полные коробки моих рисунков — тех, что я бросил, уезжая. В одной из таких коробок обнаружился набросок Натана Альтмана, в другой — шарж на Марлен Дитрих с ее автографом. А главное — я получил там заказ на несколько обложек для книг.

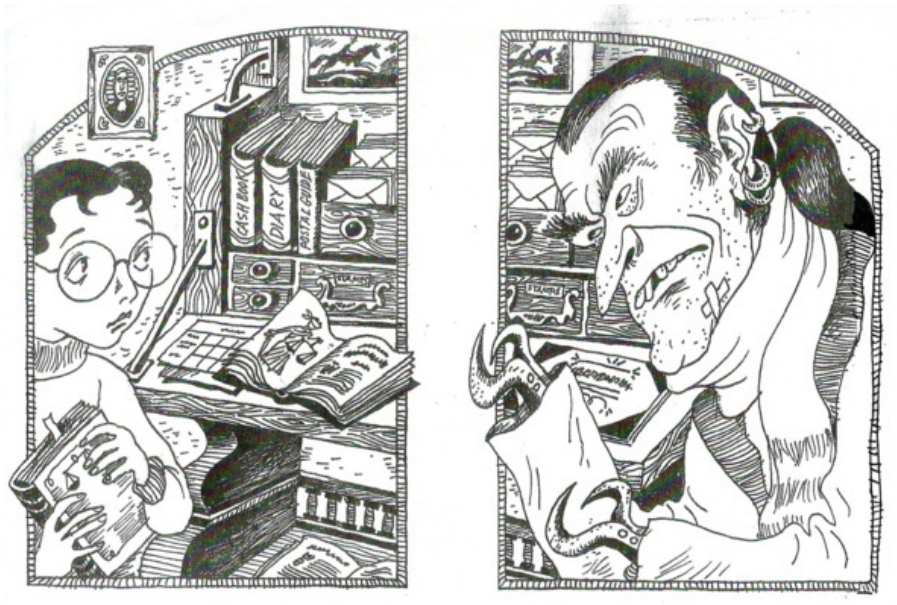
— — А здесь, в Штатах, вам приходилось участвовать в выставках?

Почти нет, поскольку выставка — дорогое удовольствие. Но об одной выставке — эмигрантских художников — вспоминаю с теплотой. Она состоялась в 1997 году в Сити Холле. О представленных на ней двух моих работах сказал в своей речи тогдашний мэр города Рудольф Джулиани. Ему понравился мой цикл — как бы статую Свободы нарисовали знаменитые художники: Пикассо, Шагал, Дали, Джексон Поллак и другие. Я ему эту работу подарил, и дружеский шарж на него. Шаржи — моя особая работа, у меня их тысячи, на писателей, художников, артистов. Несколько шаржей на художников-авангардистов приобрёл для своей прекрасной коллекции американский коллекционер Нортон Додж.

У меня вышли две книжки с шаржами. Ещё я делаю книжки для американского издательства «Play Books» («Рики-Тики-Тави» Р. Киплинга, «Три медведя» и т.д.) Сейчас делаю рисунки для Питерского издательства «Азбука» — к книгам замечательного американского писателя Лемони Сникета…



Иллюстрации к сказке Лемони Сникета «33 несчастья»



Иллюстрации к сказке Лемони Сникета «33 несчастья»

О СЕБЕ К 70-ЛЕТИЮ

Автопортрет в юности

Я родился в 1934 году в Ленинграде. Отец мой, столяр-краснодеревщик, приехал в Питер из местечка Покатилово, под Уманью, на Украине. Там находился штаб легендарного Котовского. Отец рассказал мне, уже взрослому, по секрету, что Котовский не погиб в борьбе с врагами, а его застрелил из ревности адъютант. Сейчас это общеизвестно.

Мама — из местечка Дрисса, в Белоруссии. Мы ездили туда однажды летом, до войны. На противоположной стороне реки была видна другая страна — Польша. Помню местный парад: по главной улице ехали на конях красноармейцы в шлемах, двое впереди были одеты и загримированы под Ворошилова и Буденного, с огромными черными усами.

Самуил Беломлинский, Михаил Беломлинский, Софья Беломлинская и Владимир Беломлинский — младший брат

Мама работала на книжном складе. Однажды туда привезли комплект портретов вождей и разные сатирические плакаты: толстые капиталисты в цилиндрах шли к пропасти под надписью: «Шагают к гибели своей…»

В накладной было написано все подряд:

1. Тов. Сталин

2. Тов. Калинин

3. Тов. Ворошилов

и т. д.

12. «Шагают к гибели своей»

Заведующего сразу арестовали.

Мама покупала на базе красивые детские книжки. Особенно я

любил рассматривать рисунки Доре в толстой книжке с коленкоровым переплетом «Сказки братьев Гримм». Рисовал я все время, сколько себя помню. Очень любил рисовать мелом на панели. Восхищенные моим искусством дворники не ругались, не гоняли меня.

После финской войны отец ненадолго вернулся домой, но вскоре его послали на Карельский перешеек строить какие-то военные укрепления, и там его застала новая война. В начале 42 года он был тяжело ранен в голову, чудом остался жив и работал на военном заводе в Свердловске.

Нас с мамой и годовалым братом Володей эвакуировали в Красноярск, где я пошел в школу. Учились мы по довоенным букварям, где почти все портреты были замазаны чернилами. Мы знали, что это «враги народа». В нашем классе учились мальчики с фамилиями Каменев, Блюхер и Егоров. Учительница посадила их на одну парту (мы сидели по трое), в шутку называя «враги народа», а мы после уроков их били.

На городском конкурсе самодеятельности я получил премию, даже две. Одну — за рисунок «В атаку», а вторую — за мелодекламацию. Я с выражением читал длинную поэму Михалкова: «Рано утром, на рассвете, когда мирно спали дети, Гитлер дал войскам приказ…» и т. д.

У меня сохранилась эта почетная грамота, где впервые была напечатана моя фамилия, но с опечаткой: Михаил Беломницкий. Потом я привык к этим опечаткам: Белоблинский, Беломинский, Белоглинский.

Там же я впервые поехал в пионерлагерь, довольно жуткий. Старшие ребята все время били младших, особенно «эвакуированных».

Меня от издевательств спасало рисование. Я рисовал смешные комиксы, карикатуры на воспитателей и похабные картинки, особенно ценимые этой шпаной, некоторые даже отдавали мне свой компот. Так я впервые стал зарабатывать своим искусством.

В 45 году мы вернулись в Ленинград, в нашу комнату на втором этаже, чудом сохранившуюся в разбомбленном доме на улице Халтурина (раньше и сейчас — Миллионная). Соседняя комната не имела стены и оттуда открывался потрясающий вид на Неву. После парада и демонстрации все возвращались с Дворцовой площади по нашей улице. Многочисленные родственники шли к нам, в «квартиру». Устраивалось застолье. Пили за победу, поминали погибших на войне и в блокаду. Потом все брали стулья и шли, как в театр, в соседнюю комнату

смотреть салют. Под нами были развалины, торчали металлические конструкции, висели, как клавиатура, искореженные лестничные марши. За забором видна была Дворцовая набережная, забитая народом Нева с празднично украшенными кораблями и Петропавловская крепость, откуда производился салют. Зрелище было фантастическое, какой-то сюрреалистический театр. К зиме мы с отцом заложили стенку кирпичами и прожили в этой висящей квартире еще несколько лет. Отец работал в столярных мастерских, сначала в Эрмитаже, потом в Русском музее. Когда Ленинград посетил Шарль де Голль, его поселили во дворце на Елагином острове, и отец надставлял антикварную кровать, в которой спал необычайно высокий французский президент.

Энергичная мамина сестра, тетя Сара узнала, что в городе есть Средняя Художественная школа (знаменитая СХШ), при ин-те им. Репина Академии Художеств, туда принимают особо одаренных детей, платят стипендию и, что было важно, дают рабочую продуктовую карточку. Я сдал экзамен, был принят и с пятого класса стал «сэхэшатиком». А дальше все шло как-то само-собой. Закончил СХШ, потом графический факультет, стал членом Союза Художников СССР, членом Союза журналистов. Много рисовал для газет и журналов, 10 лет работал главным художником детского журнала «Костер», но в основном иллюстрировал детские книжки.

Софья Беломлинская (Биндер) с сестрой Сарой и братом Григорием

Художник-иллюстратор похож на киногруппу, снимающую фильм. Он должен сделать раскадровку — макет будущей книги, найти актеров, одеть их, загримировать, найти «натуру» и построить интерьеры, а главное, найти стиль, манеру, технику рисования именно этой книги.

Я проиллюстрировал более 200 книг, среди которых бывали и неинтересные. Редакторы заговорщически шептали: «Да, мы знаем, книжонка — серая, но автор — старейший член союза или секретарь парторганизации, или работает во влиятельном журнале, или еще кто-нибудь… Но вы с вашим талантом, с вашим юмором, постарайтесь…»

Но все-таки мне везло. Я иллюстрировал много замечательных книг: Хармса, Маршака, Успенского, Голявкина, Пантелеева, Бориса Житкова, Горбовского, оформлял первые книжки Игоря Ефимова, Валерия Попова, делал рисунки к смешным детским повестям Аксенова, к первой публикации Олега Григорьева, к новеллам Сервантеса, к сказкам Дарела, к книге Марка Твена «Янки при дворе короля Артура». В 76 году я проиллюстрировал первое в союзе издание книги Толкина

«Хоббит», (она переиздается до сих пор). Очень часто использую в иллюстрациях знакомые лица. Хоббита я рисовал с Евгения Леонова, Янки — с Сергея Юрского и т. д. Очень люблю рисовать шаржи — на друзей, на любимых актеров, писателей, художников. Мои работы находятся в Третьяковской галерее, в Русском музее в Ленинграде, в частных коллекциях.

Я много ездил по стране, был на Камчатке, Командорских островах, на Чукотке. Оттуда впервые увидел Америку (ширина Берингова пролива — 50 км), куда наша семья: я, жена, писатель, которую в России не печатали, две дочери, и внучка эмигрировали 15 лет назад.

В Нью-Йорке я сразу стал работать в газете, делал рисунки, карикатуры, шаржи, рекламу. Оформлял книжки для издательства «Эрмитаж», в котором были напечатаны первые книги моей жены- Виктории Беломлинской-Платовой. Одна из них — «Роальд и Флора» — вышла в финал премии Букера в 1993году. Второй раз вышел в финал «Берег», напечатанный в журнале «Время и мы» в 1999г.

В 1992 с семьей брата в Нью-Йорк приехала мама (отец умер в 71 году). Все эти годы она прожила здесь счастливо и спокойно. Рядом с детьми, невестками, внуками, первый раз в жизни в собственной квартире, уютной, недорогой, имела бесплатную медицину, с homeattendent — святую женщину — Ванду, которую очень любила.

Жила так, будто знаменитая картина Лактионова «Обеспеченная старость», — о ней. Регулярно посылала из своей пенсии деньги в Россию: родственникам и соседке по коммуналке. Она умерла в прошлом году, не страдая, не мучаясь, просто тихо ушла, и до последних дней благодарила Америку, как и все мы.

Три года назад мы с женой вышли на пенсию и поселились в волшебной красоты месте, в Пенсильвании, на реке Делавер, в уютном доме, который моя умная жена уговорила нас купить лет семь назад. Я называю наши места «Делаверский Барбизон». Здесь живут художники Некрасов, Шнуров, Оленев, скульптор Герман, Шуня Дышленко, Кузьминский, писатель Агафомов — «отец-основатель» — он первый поселился здесь.

Я продолжаю работать. С удовольствием рисую для газеты

«Русский базар», иллюстрирую книжки. Разные работы находит мне на интернете племянник Саша. Мне очень повезло. В 2002 году я в первый раз съездил в Питер и получил интересную работу: делаю рисунки к детским книжкам замечательного писателя Лемонна Сникета для питерского издательства «Азбука (раньше я делал для них обложки к шести книжкам Сережи Довлатова, а они переиздавали «Хоббита» с моими рисунками). Издательство купило весь проект серии «Тридцать три несчастья», переводят и присылают мне, а я им — рисунки. Сделал семь книжек — делаю восьмую. Скоро выходит фильм по первым книжкам, с моей любимой Мерил Стрип и Джимом Керри, и я, конечно, с нетерпением жду его. Хочется сравнить работу этой киногруппы с моей.

ПРО ВОЙНУ И ПОСЛЕ…

…Долго ехали в теплушке в Красноярск.

Помню ужас, когда мама побежала на станции за кипятком, а поезд тронулся.

Но она успела прыгнуть в последний вагон.

До конца войны мы жили в Красноярске. Там я пошел в школу и ходил в рисовальный кружок, и получил даже две премии на городском конкурсе самодеятельности — одну за рисунок «В атаку», а вторую за декломацию «с выражением» огромной поэмы Михалкова: «Рано утром на рассвете, когда мирно спали дети, Гитлер дал войскам приказ…» и т. д.

Отношения с родителями в детстве были бесконфликтные, огорчал я их только тем, что плохо ел, но на детских фото, в матроске, истощенным не выгляжу.

Еще помню жуткие пионерлагеря, где старшие били младших, особенно «эвакуированных». Меня от издевательство спасало рисование, смешных карикатур на воспитателей и порнографической похабщины, высоко ценимой публикой.

…….

С возрастом мечты менялись. Одно время, после войны я безумно хотел иметь мичманку. Муж одной из моих многочисленных двоюродных сестер служил во флоте, и обещал привезти мне мичманку, но так и не привез, что было к лучшему, всё равно её сорвали бы с меня хулиганы. Лучше не иметь, чем терять.

В Среднюю Художественную школу повела меня мамина сестра, узнав, что там платят стипендию и дают продовольственные продуктовые карточки.

О том, что у папы есть в Америке братья — я узнал после 46 г., когда мы получили две посылки из Америки, с одеялами, какими-то цветными простынями и с клетчатым пиджаком без подкладки и с цветастым пляжным халатом.

……..

Я эти классические оперетты видал в эвакуации, в Красноярске. Мы жили в одной квартире с артистом из Днепропетровского театра оперетты, и дядя «Дуся», Давид, брал меня на спектакли, там была группа лилипутов, причём прима, «Сильва» и «Марица» была самая высокая, и в баню он меня водил, раз в месяц им разрешалось ходить в баню. Был мужской день!

Потом они уехали, и с моим мытьем возникли проблемы; я ходил с мамой, тётей и сестрами, но в какой-то момент тётки

в предбаннике устроили скандал, я очень пялился на голых баб, и у меня торчал хуй, и, наконец, мама разрешила мне поехать в какую-то баню, на краю города, «около тюрьмы». Надо написать отдельный рассказ!

Маминого отца не помню, он был крестьянином, собирал и чистил лён.

А родители отца занимались какой-то торговлей. Как-то мне, уже взрослому, отец сообщил, что его в юности «вычистили» из какого-то молодежного союза за «нетрудовое происхождение», а еще шепотом сообщил, что Котовский не погиб в борьбе с врагами, а был убит из ревности своим адъютантом,

……..

Сильное впечатление было от фильмов «Маугли» и «Багдадский вор», «Никулин — русский матрос», от одного киножурнала (его часто крутили перед фильмом).

Там показывали конец к/ф «Чапаев», но Чапаев переплывал реку, вскакивал на коня и они с Петькой и Анкой, громили фрицев под восторженный рев зала).

И еще одно сильное впечатление: Картина Репина «Иван Грозный убивает своего сына», жуткую копию которой я увидел в коридоре школы. Учились мы по довоенным букварям, где почти все портреты в конце учебника были замазаны чернилами. Мы знали, что это «враги народа». В нашем классе учились Каменев, Зиновьев и Егоров, учительница посадила их за одну парту (мы сидели по трое) и мы дразнили, в шутку называли их «врагами народа», а мы в перемену лупили их.

…….

Жил я на улице Халтурина. Степан Халтурин был столяр — он работал в Зимнем дворце, и устроил покушение на царя Александра III-го. Он натаскал в свою столярную мастерскую взрывчатку. В какой-то момент она взорвалась. Его столярная мастерская находилась под столовой, где обедал царь, но между этими комнатами находилось помещение, где жили солдаты дворцовой стражи. Они все взорвались, погибли, но царь остался жив. Он опоздал к обеду…

ДНЕВНИКИ

Вчера Володя Друк, которому я жаловался на дефекты с памятью, сказал мне, чтоб я каждый день писал по 3—4 странички текста. Я и сам собирался что-то писать, ну а что, оказывается, вроде, помогает притормозить процесс потери памяти.

Одним словом, попробуем; и хоть мне мучительно лень, что-либо писать, буду, раз такое дело. Ну, и зафиксирую события.

Начну со вчерашнего дня. Ноябрь 18, 2010 года.

Что я делал, встав? Ничего, вроде.

Валялся, читал какую-то херню, звонил Вовка, выяснил всё насчет медстраховки.

Потом я долго мерил всякие рубашки и свитера, потом оделся и поехал в «Самовар», слушать стихи из книги «Такое кино» поэта, кажется, Эфраимсона. Стихи, как стихи.

Потом я спустился вниз — взял водки, селёдки и пирожок с капустой, очень вкусный. Назад пару дней я это заказывал — было очень вкусно. Это было во вторник — мы отмечали Лизино 33-летие (какой ужас!), была еще Аня. Весело посидели. Романа не было. Зато был большой дождь.

Потом я поднялся наверх — там все сидели за столом — выпивали. Мне надо было сначала там выпить, а потом, когда все разойдутся — спуститься вниз и выпить самому. Но сделал, как сделал.

Потом пришел Роман, ещё немного выпили, он хромает, очень жаловался. Потом я спустился сверху опять к Роману, вниз, там сидела Шарымиха, с которой мы недавно поссорились, по совершенно непонятному поводу. Была презентация книжки Бродского «Баллада о маленьком буксире» и поскольку она впервые была опубликована в 1962 году в «Костре», где я был главным художником в то время — меня попросили выступить и что-то сказать про эту публикацию. Это надо было сделать на английском языке, я написал это на 10 страницах. Ольга Нилова это заранее перевела, и я выступал, читал абзацы, Нилова переводила, и я ещё показывал рисунки. Например, я говорил: «Довлатов говорил о «Костре» — «пионерский журнал с инквизиторским названием», и показывал шарж на Довлатова, 62-го года.

В общем, выступление прошло замечательно, но на тусовке ко мне подошла Шарымова и сказала, «Миша, а почему ты меня не упомянул, я ведь тоже в это время бывала в «Костре». Мне это показалось бредом, но я ей это не сказал. Она ушла обиженная —

мы как бы поссорились.

Когда я потом звонил Юле — она сказала, «Папа, мама всегда говорила, что ты глупый и толстокожий, если ты видел, что Наташа сидит в зале, перед тобой, что тебе трудно было сказать: «Вот и Наташа помнит эту публикацию в «Костре». Так нужно, здесь особенно все очень чувствительны к таким вещам».

Потом в «Самоваре» все болтались — какой-то (забыл фамилию) показал книжку про Галича, и сказал, что вы здесь упоминаетесь. Кто «мы», я не спросил. (У Вики был роман с Галичем, она ездила в Москву к нему — якобы в командировки от «Авроры» и т. д.)

Он обещал дать мне ее почитать, так что покупать ее не надо, она дорогая.

Вообще, мы много где упоминаемся — сейчас читаю книжку Бобышева «Я — здесь!»

Мы там тоже есть.

Перерыв. Надо рисовать Саше зверей

Немного нарисовал. Но надо дописать. Сегодня передавали что-то о Евстигнееве. О его последней жене — Ирине Цивиной. Я его с ней видел, в Москве. Он был счастлив. Я думаю, что завтра напишу всё, что помню о нём

Он был человеком выдающимся, потрясающим актером, и в моей жизни очень значимым, я очень гордился своей дружбой с ним.

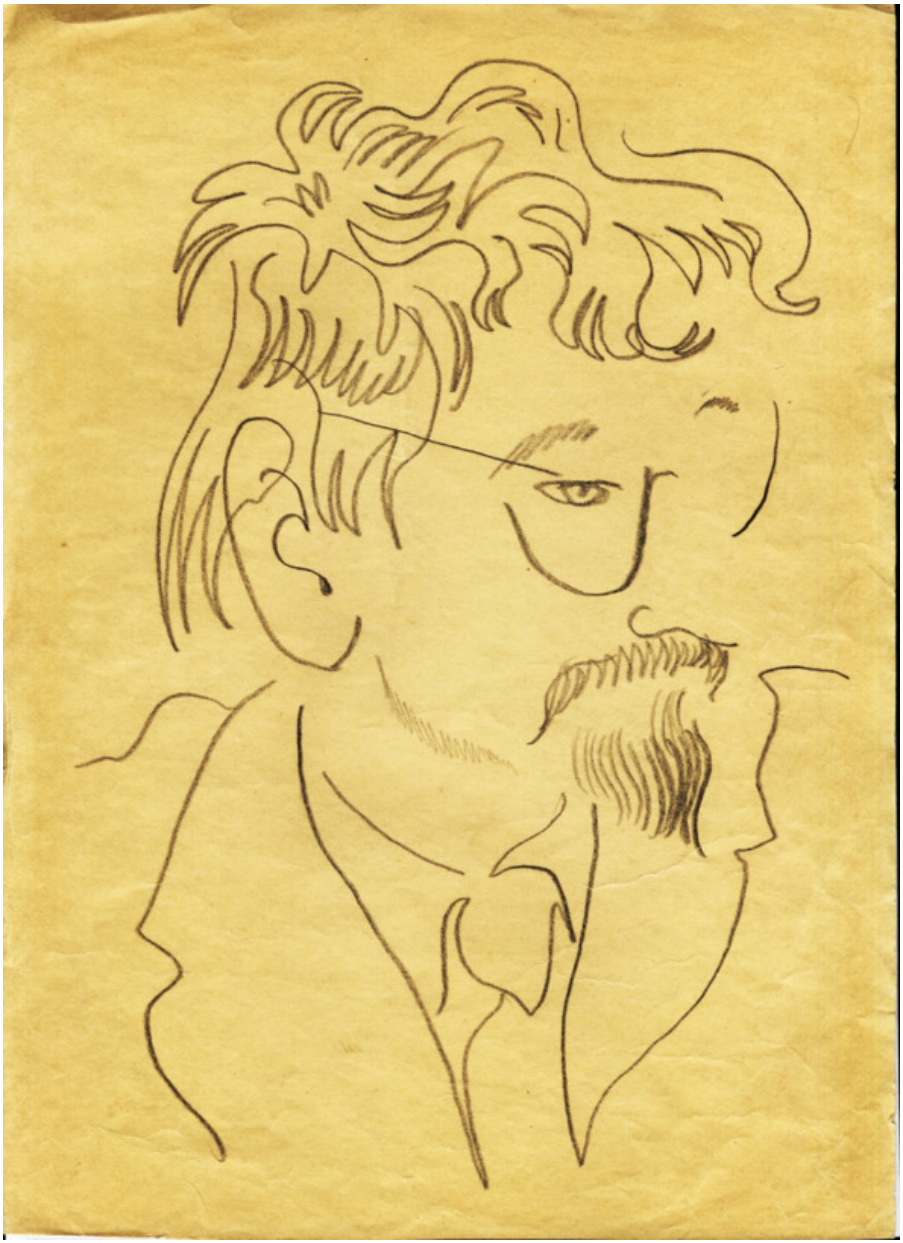
В книжке Бобышева тоже где-то упоминается Вика, и я, правда, в виде портного, что-то вроде «…её муж, неудачный художник, для заработка шил брюки и т. д.» Такая херня. И среди фотографий — фото Вики — «Это Вичка». Так её тогда, в 60-х, звали. Так что в историю вписаны мы. Наша семья. Какая-то ерунда — почему именно шил, а не что-то другое, ну да бог с ним. Он был влюблен в Вику, ну и т. д. Но он был какой-то противный, что-то мне в нем не нравилось, что-то в его морде, Вика очень хорошо это описала, как-то образно, сейчас мне лень искать, но очень убедительно, и стихи и т. д.

«Иосиф Бродский глазами современников» Валентины Полухиной открывается моими воспоминаниями (куда я вставил и отрывки Викиных публикаций).

Еще я прочел «Меандр» — замечательные воспоминания Лёши Лосева, и нашел там место, где он описывает, как мы с Гагой вели его совершенно пьяного в поезд — он ехал в Москву, и укладывали на полку, и он стал сразу блевать, но у Наташи Шарымовой, к моему удивлению, оказался в сумочке полиэтиленовый мешочек — в то время редкость — и он быстро наполнился и можно было видеть, чем Лёша закусывал — там

плавали шпроты и т. д.

В первой публикации этих воспоминаний Леша писал, что внесли его в поезд Довлатов и еще кто-то…



ЛЕВ ЛОСЕВ

Но, всё, не могу закончить четвертую страницу, сил нет, попробую вспомнить стихи Уфлянда.

В редакции «Костра»: Святослав Сахарнов, Лев Лосев, Михаил Беломлинский (стоит), Владимир Уфлянд. 70-е

«Я искал в кармане монету,
Нищим дать, чтоб они не хромали,
Вечер, …… светом
Оказался в моем кармане,
вынул, нищие только пялятся,
а у… будки с пивом.
Застеснявшись… пьяные
Стали чистить друг другу спины.
Рыжий даже хотел побриться,
Только …. ему отсоветовал
И остановилось поблизости
Уходящее было лето.
Будто тот, кто все время бражничал,
Вспомнил вдруг об отце и матери,
было даже немного празднично,
если приглядеться внимательно.
…

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Только что произошло странное явление. Наш дом очень сильно тряхнуло, прямо как показывают в кино. Особенно сильно

это ощущалось у меня, на последнем, восьмом этаже. Но и на втором, у соседа Лёни это ощущалось, я звонил ему; неверное не так сильно, как у меня, на восьмом.

Но ощущение неприятное, я на всякий случай вышел на улицу и сейчас сижу в садике, рядом.

Не понятно, что это было, но тревожно. Решил записать. Странное событие.

Вечером по TV передавали, что в N.Y. было небольшое землетрясение, так что это я и ощутил. Это невероятное ощущение. Я как-то испугался, и вышел на улицу, ещё подумал, что надо было взять какие-то документы, что ли. Но это показалось мне очень киношным. На улице я сидел на скамейке, и видел, что какая-то группа людей что-то обсуждала, горячо, как мне показалось, поглядывая на дом. Наверное, эту тряску, толчок. Но передавали, что может быть и ещё толчок, и т. д. Но Вовка спал, а Ада с Сашкой ездили за грибами, так что никакой паники не было.

Но толчок был, я на своем 8-ом этаже это явственно ощутил.

ВИКТОР ГОЛЯВКИИН

Учился с ним на одном курсе в ин-те Репина. Он — на декоративном (сценография). Я — на графическом (книжное отделение). Помогал ему в оформлении его первой книжки — «Тетрадки под дождём» (59). оформлял его книжки «Привет вам,

птицы», «Арфа и бокс».

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

Пока делал рисунки к его детской книге «Чудеса под ногами», он каждый день приходил ко мне в мастерскую на улицу Репина, мы без конца с ним выпивали и я чудом не спился.

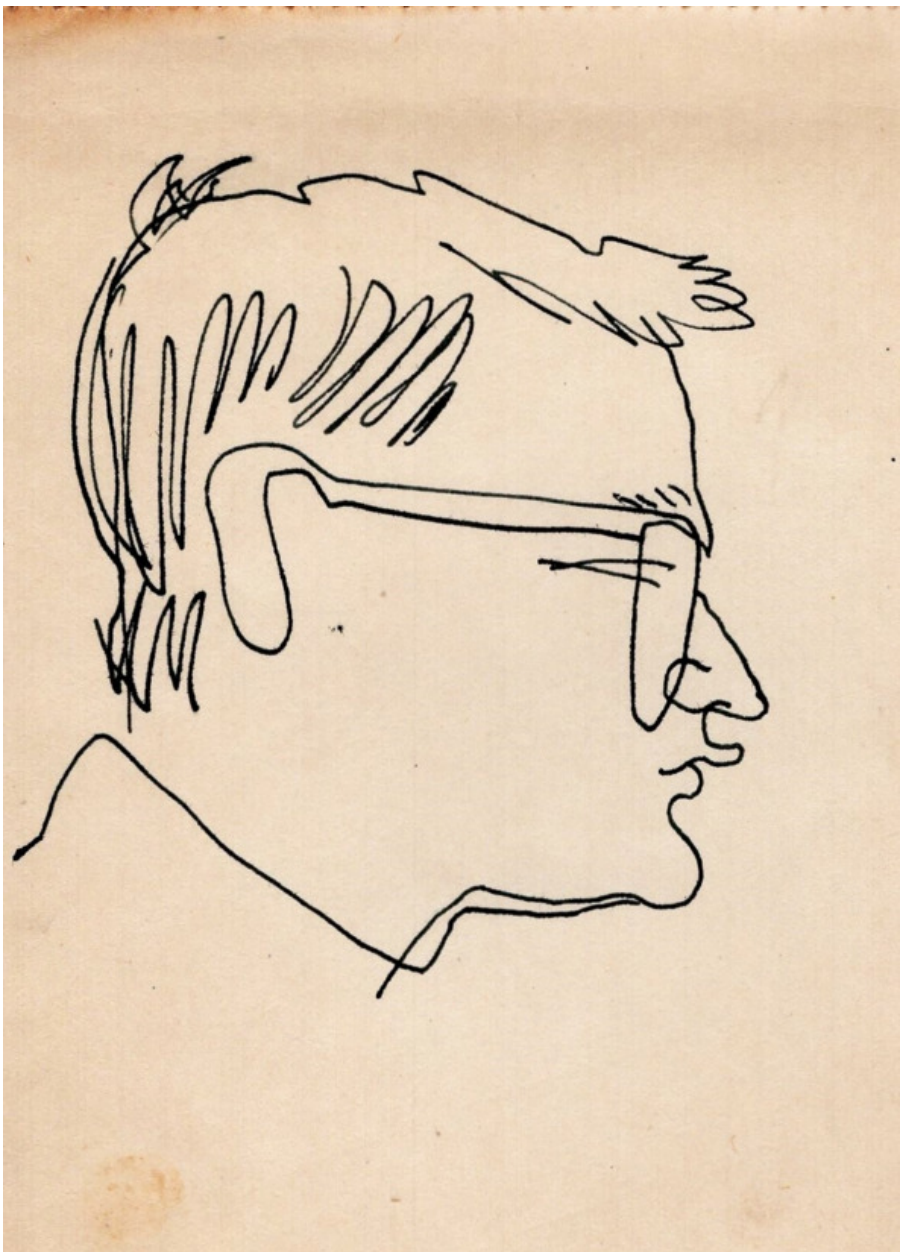
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

Делал его первую книжку «Все мы не красавцы».

ЛЕВ ЛОСЕВ

С Лешей, тогда Лифшицем, много лет работал в журнале «Костер. Он тогда вот такой был.



Давид Яковлевич Дар

Первая книга, которую я проиллюстрировал в из-ве была книга «10 000 километров на велосипедах с моторчиком» Давида Яковлевича Дора — мужа знаменитой Веры Пановой — трижды лауреата Сталинской премии.

Провожать их в это путешествие вышло все многочилсенное семейство, во главе с Верой Пановой. Рядом проходила трамвайная линия, куда Дар сразу въехал, и съехать не мог…

Рисунки Дару понравились, мы подружились.

Оформлял все его книги: «Серо-буро-малиновое происшествие», «Книгу чудес» и т. д.

В 1968 году я делал рисунки к сказке Дара «Вот так история» для Детгиза. Незамысловатая сказка про непослушного мальчика Ваську и его деда. Деда я нарисовал похожим на Дара (у меня было много шаржей на него), а еще одного героя — милиционера — похожим на замечательного артиста — Евгения Евстигнеева — моего большого друга.

Редактору — Доре Колпаковой и художественному редактору — Вите Куприянову понравились, но через пару дней меня зазвала к себе в кабинет тогдашний главный редактор и стала уговаривать переделать дедушку, сделать его непохожим на Дара, говорила, что к Дару плохо относятся там, наверху, считают, что он диссидент, возится с неофициальными поэтами и т. д.

ДАВИД ДАР 1968

«Пойми меня правильно. Я сама очень люблю Давида Яковлевича, но эти рисунки только привлекут к его книжке лишнее внимание, мы с таким трудом вставили ее в план, мы только навредим ему. Ну, что тебе трудно перерисовать его, я тебя прошу, нарисуй не Дара…»

«Вредить» Дару мне не хотелось, и я переделал Дара в Недара. Женя Евстигнеев остался невредим.

КОСТЯ КУЗЬМИНСКИЙ

О Косте Кузьминском, естественно, много слышал в Питере, всегда что-нибудь скандальное, но познакомился и подружился здесь, в N.Y. К 60-летию его напечатал в «Русском слове» шарж на ККК, добавив еще одно изображение в огромную иконографию поэта, оставившего позади прежнего лидера по количеству портретов, рисунков, фотографий — Анну Андреевну Ахматову.

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

ВЫСТАВКА

В Питере неожиданно состоялась у меня выставка в журнале «Звезда». На презентации было человек 100, мы повидали сразу многих, да и многие повидали друг друга. В общем было удачно.

Я получил замечательную работу — сделать рисунки к книгам (детским) прекрасного писателя Лемони Сникета (Lemony Snicket), две сделал в Питере, третью делаю сейчас, и еще пять пришлют. Возникло это всё в последний месяц, (так что я сидел не вставая, и даже в Москву не поехал на Викину презентацию). Издает из-во «Азбука», они переиздавали «Хоббита» с моими рисунками, и я сделал им шесть обложек к Довлатову (шаржи разных времён), в 1999—2001 гг.

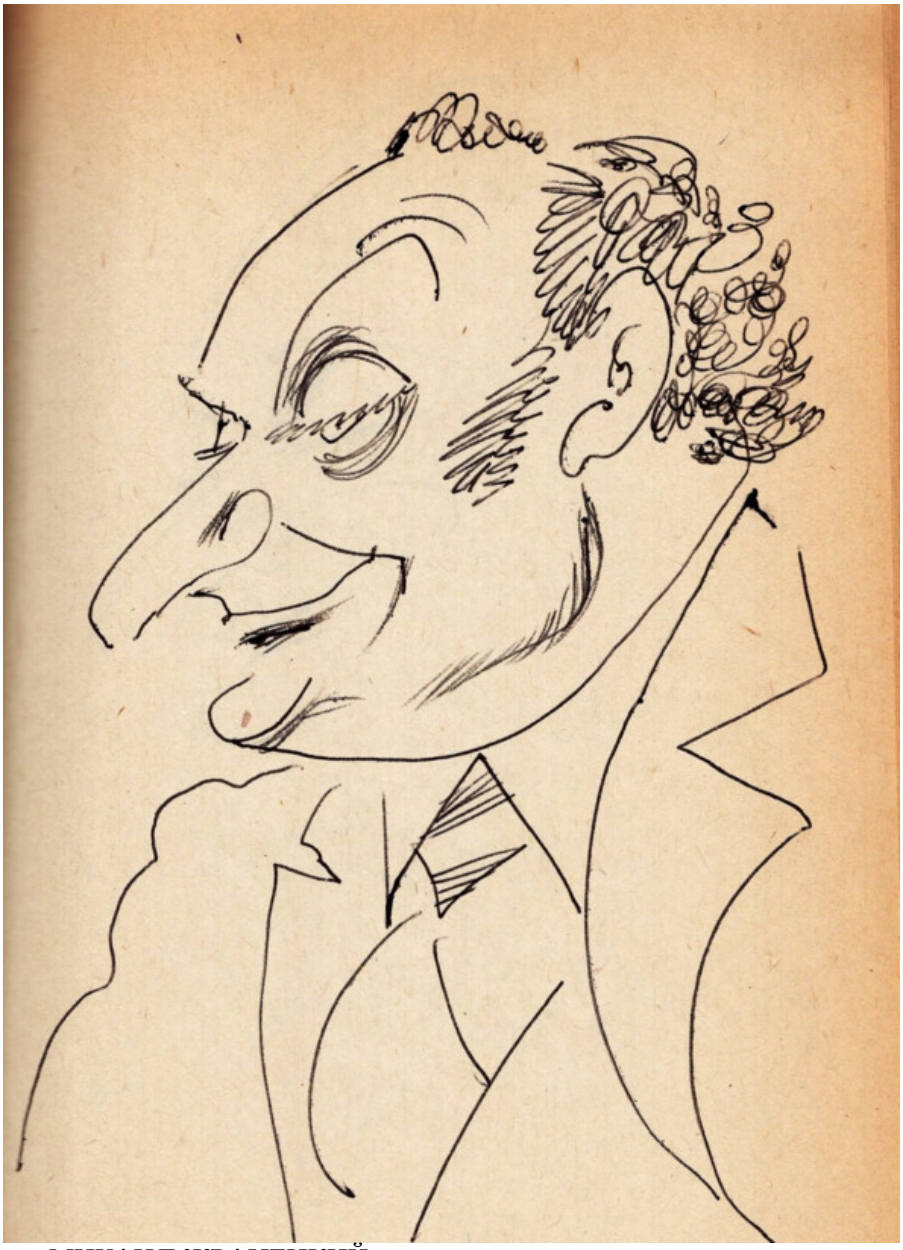
Приходилось много пить, или у нас, или на бесконечных презентациях, сейчас отсыхал.

Питер мне очень понравился, выглядит как 300 лет назад;

краны, бульдозеры, экскаваторы, всё в лесах, всё перерыто, тротуары мостят*, всё красится, все готовится к празднику, который обещает быть эффектным.

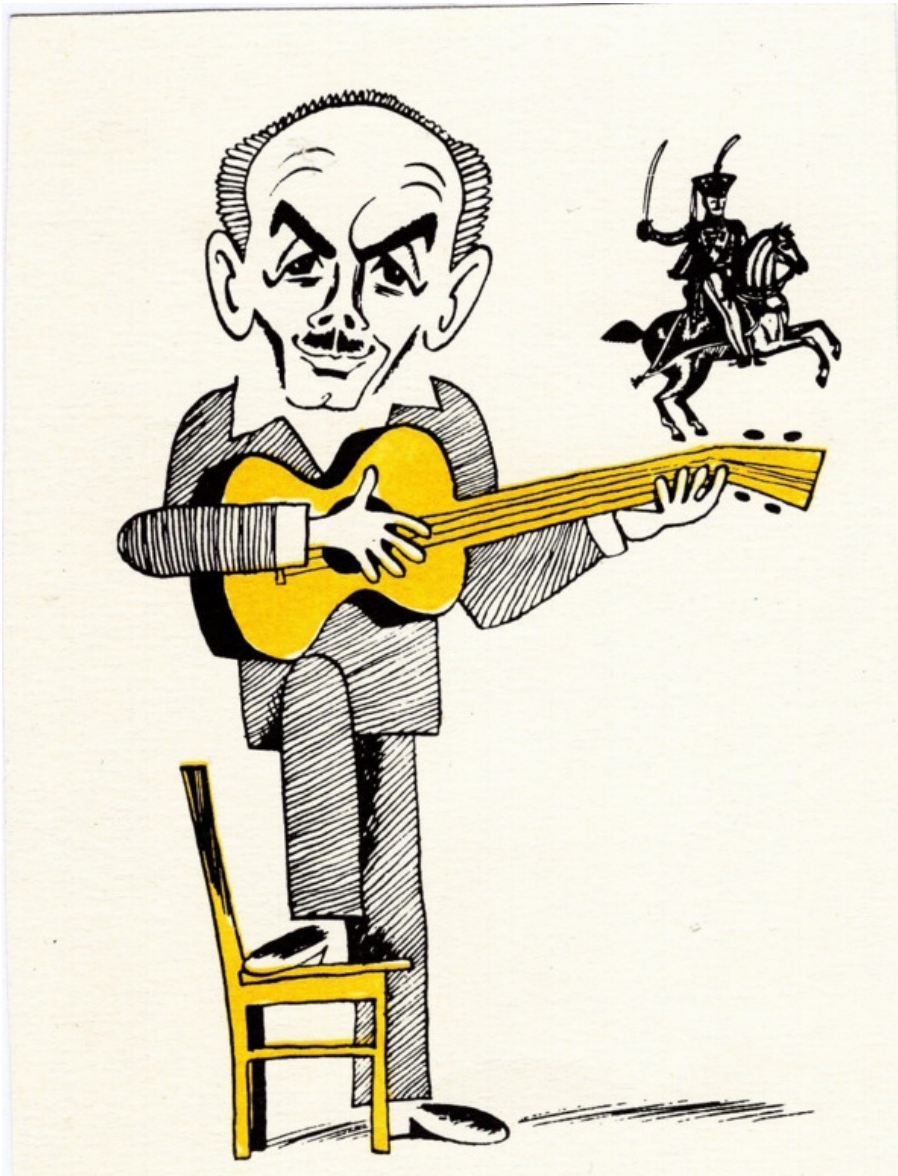
Это страничка из журнала «Аврора» 60-х годов — пишет свою историю. В Ленинграде это был единственный иллюстрированный журнал после закрытия в 46 году журналов «Звезда» и «Ленинград».

Я очень обрадовался, когда редакция предложила мне поместить там мои шаржи, которых у меня были сотни. Мы долго перебирали работы, и наконец выбрали — всё это большинство были мои друзья, шаржи на нескольких впервые появлялись в печати, хотя всё это были известные и заслуженные люди. Получилось очень смешно. Сигнальный экземпляр повезли в горком партии, в Смольный. И началось… «Шарж на Жванецкого? Немедленно уберите эту пошлость…»



МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

«Шарж на Окуджаву? Не надо пропагандировать это упадничество, нашей молодёжи это не надо…» «Давайте заслуженных людей — Дудина, Гранина…»



БУЛАТ ОКУДЖАВА

Чудом уцелел Юрский.

«И это фото бородатое уберите, не надо нам это пропагандировать в молодежном журнале, и так уже сплошные бороды, на телевидении, и везде». — «Но художник уже лет 10 носит бороду…» — «Уберите, уберите…» В редакции взмолились: «Миша, умоляем, какое-нибудь старое фото!»

М. БЕЛОМЛИНСКИЙ 2019

…

Помню, когдя я учился в школе, у нас в истории Древнего Мира была картинка. На каменных плитах клинописью высечены тексты, по-моему, кажется, законы царя Хаммураппи.

Любимые мои стихи Иосифа Бродского мне кажутся не написанными, а высечены клинописью на каменных плитах,

ПодОсиновики — так моя дочь Юля называет легион подражателей Бродского.

Помню, как мы расстроились за Сашу Кушнера, когда Бродский написал про него эти «ужасные и прекрасные» стихи, способные зачеркнуть начисто всю биографию поэта.

Через некоторе время Саша приехал в Штаты, в N.Y. жил у нас (всю жизнь был нашим любимым поэтом). Мы возили его на выступление в центр русской эмиграции, где его великолепно представлял Иосиф, желавший смягчить впечатление от того стиха. А я старался сделать побольше снимков Саши и Иосифа вместе с доброжелательными улыбками.

…

Иллюстрации к книге Льва Куклина «Кто сильней» приобрела

с выставки Ленинградской книжной графики в Москве, Третьяковская галерея для своего графического отдела.

_____

С Мишей Глинкой я дружил ещё в Питере, он несколько раз приезжал в N.Y. и я делал рисунки к его смешным заметкам в «Новом русском слове».

_____

В журнале «Костер» печатались две детские повести Василия Аксёнова: «Мой дедушка — памятник» и «Сундучек, в котором что-то стучит». Очень остроумные повести, и рисунки получились хорошие.

_____

Я много иллюстрировал москвичей в издательстве «Малыш». Особое удовольствие получил от книжки «Большой секрет для маленькой компании» Юнны Мориц (её сейчас переиздали в Москве под названием «Собака бывает кусачей»), и от книжек Эдуарда Успенского «Каникулы в Простоквашино» и «Гарантийные человечки» (их тоже переиздали сейчас в России) и еще сделал рисунки к его книжке стихов «Про Сидорова Вову».

…

Шаржи на актера Евгения Лебедева и режиссера Георгия Товстоногова — реплика на триумфальный успех постановки в БДТ «Истории лошади» по повести «Холстомер» Льва Толстого. Использовал я композицию одной из четырех конных групп скульптора П. Клодта на Аничковом мосту.

Замечательный поэт-пародист Александр Иванов написал такую подпись

Евгению Лебедеву

Играет лошадь. Пожинает лавры.

Теперь ему завидуют кентавры.

Композитора Андрея Петрова я нарисовал в виде памятника Екатерине II-ой, в окружении героев его опер и балетов, а Иванов написал:

Его судьба в искусстве не сурова,

К нему пришла известность поделом.

Легко себя почувствовать орлом

Среди — таких! — птенцов гнезда Петрова…

МУЗЫКА
В КИНО

А Михаила Константиновича Аникушина я, естественно, нарисовал в виде его памятника. А стихи Иванова такие:

Никакой ошибки нет,
И порядок не нарушен.
Не стоял бы здесь поэт,
Здесь стоял бы Аникушин.

Когда в ЛОСХе отмечали его 60-летие, я подарил ему свои рисунки — серию шаржей на знаменитые памятники города. Всякий раз, встречая меня в Союзе, он благодарил за рисунки:

«Миша, они у меня в мастерской висят, я всем гостям показываю, все восхищаются…»

…

Ноябрь 21. 2010

Опять сажусь писать свои ёбанные четыре страницы.

Не хочется абсолютно, но надо, Федя, надо!

О чём писать — не знаю.

Вчера долго не мог поймать фильм — «Хвост эпохи».

Про Алёшу Хвостенко. Здесь, он поселился с Юлей в Нью-Джерси на заброшенной фабрике.

Они прожили вместе почти год. Когда Юля осталась там жить одна, мы с Викой туда иногда ездили, иногда ночевали там, иногда даже жили там пару дней.

Помню, однажды уезжали, и у нас что-то случилось с машиной, и мы на какой-то станции проторчали целый день. Мне все там морочили голову, а главное, на станцию не впускали, и что-то, помню, втюхнули мне большую сумму за ерундовский ремонт, за что, я так толком и не понял (станция была не русская).

Фильм замечательный. Там много показывают Юлю. Она чудесно выглядит, вспоминает его. Он был безумно красивый в молодости. Необычайно. И поёт в фильме чудесно. И, вообще, все такие молодые, красивые. И Андрюша Волохонский. Его мы хорошо знали. Он был женат на викиной школьной подруге, забыл как её звали, и они у нас часто бывали в гостях. Галецкого показывали, Васю Аземшу, и Гага с Шапкой мелькали там, они Хвоста видели в Париже.

Я читал у Юли про их жизнь в N.Y. вместе в мастерской, потом он уехал в Париж, ненадолго, но что-то с визой напутал, просрочил, и его сюда не впустили. Юля даже в Париж ездила, и к кому-то там ходила, к американскому консулу, или к кому-то еще, не помню, всё равно, его не пустили.

Так любовь и кончилась.

Вот такие истории вспоминаются.

А песни замечательные, и сейчас опять их кто-то вспоминает и поёт.

А главное, «Под небом голубым…» стала знаменитой после культового фильма «Асса» режиссера Соловьева.

ЮЛИЯ БЕЛОМЛИНСКАЯ И АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО

М. БЕЛОМЛИНСКИЙ 2019